

ISSN 0868–5819

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

*Журнал Московской городской организации
Союза писателей России*

Основан М.П. Погодиным в 1826 году при участии А.С. Пушкина.
Возобновлён Московской писательской организацией СП РСФСР
в 1990 году

№ 1
2025

Главный редактор:
Иван Юрьевич ГОЛУБНИЧИЙ

Ответственный редактор:
Марина Анатольевна ЗАМОТИНА

Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5
Контактный телефон: 8 (495) 697-00-60
e-mail: glukozza2010@yandex.ru

Уважаемые коллеги! Просьба присылать материалы в электронном виде с фотопортретом и краткой биографической справкой автора. Редакция не вступает в переписку с авторами и не рецензирует присланные произведения.

Общественная редколлегия:
М.А. ЗАМШЕВ, В.Н. КРУПИН,
М.М. ПОПОВ, В.В. СОРОКИН,
А.П. ТОРОПЦЕВ, А.А. ТРАПЕЗНИКОВ,
В.Г. ФРОЛОВ

Подготовка к печати: Издательство «У Никитских ворот»

Вёрстка: У.Д. Иващенко
Корректурa: В.И. Русаков

Тираж 400 экз. Заказ № 3040

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 015738 от 19.02.1997 г.

Учредитель и издатель: Региональная общественная организация
«Московская городская организация Союза писателей России»

ISSN 0868—5819 «Московский Вестник», 2025, № 1

© Редакция журнала «Московский Вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора. *Иван Голубничий*..... 5

80 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ!

Владимир Силкин

Звезда отца. Стихи 8

Галина Аляева

Рассказы..... 21

Нина Саницкая (28.01.1925—12.11.2022)

Спасибо, память... Стихи 55

Тамара Потёмкина

Семейная реликвия. Очерк 68

Анатолий Вершинский

Нам память эта дорога... Стихи 95

Игнатий Белозерцев

Огонь любви к отеческому краю. Стихи 105

Евгений Калачёв

Война сержанта Соловьёва. Рассказ 111

Юрий Петрунин

Была война народная... Стихи 136

Константин Спасский

Величие знамён. Стихи 144

Андрей Обьедков

Война Александра Попова: борьба и после войны. Повесть 157

Антонина Шматкова

Войны прошедшей эхо. Стихи 190

Олег Столяров	
Об этом помнить мы должны... Стихи	196
Татьяна Мороз	
Молитва. Рассказ	205
Людмила Максимчук	
Герои Отечества – слава и гордость! Стихи	212
Ирина Егорова-Нерли	
Родные клики журавлей. Стихи	220
Анатолий Мусатов	
Встреча. Рассказ	233
Сергей Газин	
Павшим солдатам приснится весна... Стихи	259
Элла Кузнецова	
За русскую правду... Стихи	278
Борис Алексеев	
Лейтенант Хохловский. Рассказ	290
Валерий Ненашев	
Стихи о войне... Стихи	297

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

2025 год – год 80-летия Великой Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками и их приспешниками. Для России эта юбилейная дата имеет огромное, поистине неопределимое значение. Нет ни одной семьи в нашем народе, которая бы не потеряла кого-то из родных в Великой Отечественной войне. Наш общенациональный долг – хранить память о подвиге наших предков, чтобы никогда в будущем не повторилась подобная трагедия. Многонациональный советский народ проявил сплочённость и героизм в защите Советской Родины, и этот подвиг запечатлён навсегда – на скрижалях истории, в народной памяти и на страницах произведений советских писателей. Историческая драма такого масштаба, как Великая Отечественная война, всегда представляет собой онтологически сложное явление, заслуживающее внимательного и ответственного отношения. Художественное слово о войне всегда требует от писателя особого такта, способности отличить главное от второстепенного в стремлении сказать правду. Писателям советской школы это удавалось, и главным образом потому, что они обладали целостным мировоззрением, чётким представлением о добре и зле, ясным пониманием того, что в прошедшей войне наш народ защищал свою жизнь и достоинство, своё светлое будущее и исторический смысл. Для советского народа, объединявшего в себе много народов и национальностей, главной ценностью была свобода и независимость молодого советского государства, давшего людям возможность развития и осмысленного бытия. Каждый советский воин точно знал, что он идёт в бой за мир и безопасность своей страны, своей семьи, своих родных и близких, своего образа жизни, рождённого в животворящем пламени революции и послереволюционных преобразований. Именно поэтому враг, напавший на Советский Союз, изначально был обречён на поражение. Огромная

цена, заплаченная за Победу, была оправдана святостью цели и чистотой помыслов каждого советского человека. В этом году мы празднуем юбилей Великой Победы, и этот праздник «со слезами на глазах» напоминает нам о долге перед нашими героическими предками и ответственности перед потомками. Сегодня, когда объединённый Запад стремится к пересмотру и переоценке истории с целью принизить подвиг СССР и его преемника – России, возрастает значение осмысления Великой Отечественной войны, повышения усилий по увековечению памяти павших на полях сражений, защиты исторической правды от злонамеренных посягательств и искажений. Выполнение этой сложной и многоплановой задачи подвластно только совокупным усилиям всего нашего народа. И особая роль в этом принадлежит художественной литературе. Преимущество современных отечественных писателей перед предыдущими поколениями состоит в том, что сегодня открываются новые источники, вводятся в исследовательский контекст авторитетные свидетельства, и самое главное – находит постоянное подтверждение мысль о непреодолимой враждебности западного мира по отношению к России. Независимо от взаимоотношений россиян с другими народами, для политической элиты Запада Россия с её необозримыми пространствами и природными ресурсами всегда остаётся объектом для агрессивных притязаний.

Этот номер нашего журнала полностью посвящён Великой Отечественной войне и Великой Победе – во всей полноте, сложности и неисчерпаемости этой темы. Тема эта неизбежно включает в себя и послевоенную жизнь, в которую война внесла свои существенные бытийные коррективы, и современность, в которой также сегодня явственно слышны отзвуки военных лет. Специальная военная операция сегодня служит той же высокой цели – уничтожению нацистской идеологии, защите людей от человеконенавистнических режимов. 80-летие Великой Победы напоминает нам об исторической миссии России.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

**80 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ!**

Владимир СИЛКИН

Владимир Александрович Силкин – поэт, прозаик, журналист, переводчик. Родился 14 октября 1954 года в г. Ряжске Рязанской области. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат Государственной премии РФ имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Член Правления Московской городской организации Союза писателей России. Вице-президент Рязанского землячества. Почётный гражданин г. Ряжска, Почётный краевед Ряжского района. Почётный гражданин Рязанской области. Его именем названа библиотека №2 г. Ряжска, а также улица. Имя поэта занесено в Книгу почёта г. Ряжска. Обладатель военной премии «Прохоровское поле» и главной военной песенной премии «Соловьи, соловьи...» имени Алексея Фатьянова, премии Приморского комсомола в области литературы, Национальной премии Петра Великого, премии «Имперская культура» и многих других. Автор более 80 книг разных жанров, свыше 700 текстов песен. Награждён орденами Почёта и Дружбы, Благодарностью Президента РФ. Русской православной церковью отмечен орденами святого благоверного князя Даниила Московского и преподобного Серафима Саровского. Кандидат педагогических наук, действительный член РАЕН и ПАНИ, ряда других российских академий. Полковник в отставке, ветеран боевых действий, член Совета ветеранов Главного управления кадров Министерства обороны России.

Живёт в Москве.

ЗВЕЗДА ОТЦА

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Грустит гармонь на все лады,
Однополчан зовёт собраться.
– Да где же вы, из той беды
Со мною вышедшие, братцы?

У гармониста мрачный взгляд,
Но он в беду ещё не верит,
За не вернувшихся ребят
Одной ногою землю мерит.

И у Большого в шесть часов
Грустит гармонь, изнемогая,
В кипящем море голосов
Знакомый крик подстерегая.

ГОЛОСА

*Светлой памяти всех
не вернувшихся с войны*

Обливается сердце кровью –
Золотым-золоты леса.
По бескрайнему Подмоскovie
Снова слышатся голоса.

– Говорят, скоро будет зябко,
Станут ночи ещё темней...
– А на взвод – сапоги да шапка,
Проживи целым взводом в ней...

- Что молчишь, старшина Емелин?
Что, не нравится мой вопрос?..
- Сколько мы ничего не ели?!..
- Что ж ты ужин-то не привёз?..

- Почтальона опять не видно...
- А за почтой ушёл чуть свет...
- Понимаешь ты, что обидно, –
Мне давно уже писем нет...

- Может, дома чего неладно?
Всё случается, всё ж война...
- А так хочется, так-то надо
Знать, как дети и как жена...

- На, Петров, отхлебни из фляжки,
Потерпи, попадёшь домой...
- Ну, куда ты в одной фуражке
Босиком побредёшь зимой!..

- Ты добудь сапоги и форму!..
- Ты дорогу расчистишь домой!..
- Как ты мёртвый пойдёшь до дому?..
- Ты ведь с нами, в земле, живой!..

- Только вместе пробьёмся к свету,
Только вместе побьём врага...
- Я забыл, что такое лето...
- Я забыл, как идут снега...

- Лейтенант! Ну, отправь за хлебом,
Я без хлеба уже устал...
- Эх, сейчас бы взглянуть на небо!..
- Может, бой идти перестал?..

– Всё возможно, и наши близко,
Откопают, терпи, сержант.
Мы с тобою под обелиском,
А другие в грязи лежат.

И найдут их, видать, не скоро,
А на днях обещают снег..
– И когда из Мясного бора
Смогут вытащить наших... всех?..

– Хватит! Спать, экономить силы!
Старшина, не пали дрова!..
– Лейтенант, ты скажи, Россия
Всё сражается? Всё жива?..

– Эх, Петров, ты не знаешь меры!
Слышал, пушки в Бородино?
Ты пойми, под землёй без веры
Я бы умер уже давно.

Мы ещё года два протянем,
Не забудет своих страна.
Мы, Петров, поживём, мы встанем!..
Не гаси свечу, старшина!

НА ОТКРЫТИЕ ОБЕЛИСКА

Герою России Андрею Красову

Даже не верится, что это было,
Что и сюда подступала война.
Марья Ивана до смерти любила,
И после смерти любила она.

Долго глядела вослед уходящим,
Спины крестила пропавших вдали.
Эта разлука была настоящей,
Эту любовь победить не смогли.

Вечная память и вечные списки,
Вбитые в камень навек имена.
Вечный покой обрели обелиски.
Марья с Иваном. Любовь и война.

Серые цапли взлетают с рассветом,
Крепко на кладбище спит тишина.
Марья с Иваном. Короткое лето.
И не даёт распрощаться война.

РУССКИЙ РУБЕЖ

*На присвоение городу Ряжску Рязанской
области почётного звания «Рубеж воинской
доблести»*

Салют в Москве Берлин затеял рано,
Ведь надо было Ряжск ещё пройти.
Но танковый кулак Гудериана
Упёрся в неприступные пути.

И в это время Сталин вспомнил Бога,
И Кремль икону поднял в синеву –
Рязанская железная дорога
Не пропустила немцев на Москву.

Она тогда на них взглянула косо,
Отдав, что было лучшего, в горсти:
Как ураган, бессмертные матросы
Сметали нечисть на своём пути.

Про этот бой страна тогда не знала,
Но вот отсюда начала она
Из крупшовского падшего металла
Ковать своим героям ордена.

А Ряжск не пал, его железный узел
Врага за горло плотно взял тогда,
Чтобы мужик рязанский, косопузый,
Не знал господ на Хупте никогда.

Есть рубежи, наверное, и круче,
Есть города, где были пыль и прах.
Но Ряжск мой жив, и помнит он, и учит,
Что русский дух не знает слова «страх».

И пусть враги не верят в эти сказки,
Мы в бой идём с Отчизной на устах,
И точно знаем: в сорок первом в Ряжске,
Задолго до Победы пал Рейхстаг.

ПОЛК

Полк решит свою задачу.
Он умрёт, но будет так.
Командир, как час назначен,
Ждёт со всех сторон атак.

А задача в поле чистом –
Ни на шаг не отступить,
Не пустить к Москве фашистов,
Под Москвою их разбить.

Полк, не видевший сраженья,
Принимает первый бой.
Ни резервов, ни снабженья,
Только поле за тобой.

Штаб полка – одни мальчишки,
Нет ни опыта, ни карт,
И всё ближе, ближе вспышки
От мальчишек из-за парт.

Командир кусает губы,
Знает: что-то здесь не так.
Не дымят печные трубы,
Тишина – недобрый знак.

А мороз вовсю крепчает,
Снег колючий до небес.
Полк замёрзший замечает,
Что полез фашист, полез.

Выполняет полк задачу,
В чистом поле насмерть встал.
И нельзя ему иначе –
Сердце крепче, чем металл.

Командир встаёт с наганом,
А за ним – снега, снега...
В белом полушубке драном
Не пропустит он врага.

Но резервы будут поздно,
Но фашисты не прошли.
И глядят солдаты грозно,
Не отдавшие земли.

Есть такие вот задачи –
На войне любой ценой
Устоять в бою, иначе
Будешь проклят всей страной.

Всей страной и всем народом,
Что давал и пить, и есть,
Что в полях и на заводах
Для врага готовил месть.

Полк решил свою задачу,
Не пойдёт уже вперёд.
Подмосковный ветер плачет,
Плачет так, что жуть берёт.

Полк погиб, покрыли кровью
Снег фашистские войска.
Полк погиб, но в Подмосковье
В землю вмёрз он на века.

Нет, не дрогнули мальчишки,
Нет, никто не побежал.
И всё дальше, дальше вспышки
Полк бессмертный провожал.

ЗВЕЗДА ОТЦА

В небе звездам нет конца,
Но далёко где-то
Светит мне звезда отца
И ведёт по свету.

Горяча иль холодна –
Знать того не знаю.
Много лет горит она,
Нас соединяя.

На её шагаю свет
В этот век жестокий,
Всё иду за батей вслед
В тот июнь далекий.

А вокруг свистят шмели –
Или, может, пули?
Если б только мы могли,
То отцов вернули.

Чтоб услышать их сердца,
Чтоб наград коснуться...
Светит мне звезда отца,
Не дает споткнуться.

СИРЕНЬ ПОБЕДЫ

Он прошёл всю войну без ранений,
Так и думал: вернётся живой.
Но в кипящее море сирени
В День Победы упал головой.

И сирень, вот чего не бывало,
Покачнулась, как будто жена,
Неожиданно алою стала,
А была белолицей она.

И сейчас, лишь весна на пороге,
От Берлина до Крыма теперь,
Расцветает сирень у дороги
И стучится кому-нибудь в дверь.

ПОБЕДА

Сняла шинель под городом Берлином,
Шла по нему и презирала страх.
Она, в своём величии былинном,
Знамена поднимала на рейхстаг.

Она не знала, кем была для деда,
Не знала, кем явилась для отца.
Шла по Берлину светлая Победа,
Не пряча обожжённого лица.

И в этот день шагали с нею рядом,
Не видевшие этого лица,
Защитники Москвы и Сталинграда,
Исполнившие долг свой до конца.

И без вести пропавшие шагали,
И в битвах прикрывавший спину тыл.
И не было ни сил таких, ни стали,
Чтоб кто-нибудь её остановил.

ИДУТ ОНИ

На праздник свой опаздывать негоже,
И без команды оставлять свой пост,
Но у живых мороз идёт по коже,
Когда они шагают в полный рост.

Лишённые на поле боя плоти,
Идут они домой за рядом ряд.
Тем более когда вы их не ждёте,
Идут они и в окна вам стучат.

И строить командирам их не надо,
У них и без того глаза горят.
Не может быть без них теперь парада.
Какой без них получится парад?!

С небес идут, как будто бы с пригорка,
Готовые врага в штыки колоть.
И сгнившие от горя гимнастёрки
Их неизменно облакают в плоть.

Идут через Берлин, не зная страха,
Над каждым снова ангелы кружат.
И рёбра разорённые рейхстага
При виде их безумолчно дрожат.

МАТЬ

*Светлой памяти Епистинии Степановой
и её девяти сыновей*

Не вернуть ушедших заново,
Не собрать всех вместе ей.
Епистиния Степанова
Ждёт с Победой сыновей.

С обелиска неподъёмного
Невозможно ей сойти –
Столько горя в нём бездонного,
Что одной не унести.

И глядит в просторы дальние,
Не смыкая красных глаз –
Вдруг, и правда, на свидание
Все они придут сейчас.

И уткнутся в ноги матери.
И сойдясь со всех сторон,
У накрытой светлой скатерти
Ей отвесят свой поклон.

– Ой, пришли, мои хорошие,
Как же тяжело мне без вас!..
Вновь осеннюю порошею
Мать сомкнуть не может глаз.

Небо с ней вздыхает синее,
Жеребёнок в поле ржёт.
Не смирилась Епистиния,
Ждёт.

ДНЕПР

Маршалу нет ни минуты покоя,
Нет и конца этой страшной войне.
Всходит рассвет над осенней рекою,
Пушки немецкие лупят по мне.

Как же тут выживешь?! Вновь с матюками
К первой траншее идём под огнём.
Мы этих гадов одними руками
За матерей и сестёр разорвём.

Днепр непрерывно наводит понтоны,
Тонет и тонет в пучине народ.
Самые юные, лучшие, тонут,
Смерть во владенья свои их берёт.

Маршал не знает, откуда я родом,
Что не целован еще ни одной.
Маршал Победы и сам из народа,
Маршал Георгий и впрямь не земной.

Ты защити нас своими крылами,
Ты нам не дай оглянуться назад.
Маршал Георгий, что скажешь ты маме,
Как ты посмотришь ей завтра в глаза?!

Я не виню вас в потерях нисколько,
Разве возможно без них на войне?
Я вас прошу как отца, чтоб вы только
Не позабыли потом обо мне.

Вот и достала колючая пуля,
Не увернулся я, Маршал, прости.
Только за Днепр мы не все утонули,
Есть кому знамя к Берлину нести.

ПРИХОДИ СКОРЕЙ, ПОБЕДА!

Приходи скорей, Победа!
Я тебе накрою стол.
Где я шёл – и сам не ведал,
Но с тобой на встречу шёл.

Я пропах походным дымом,
Стал солёным, как вода.
Ты пройти не вздумай мимо,
Не позволю никогда!

Ты мой гость, моя отрада,
Мать моя, моя жена.
От Москвы до Ленинграда
В сердце ты была одна.

И сейчас, ну, сделай милость,
Покажись в окне моём,
Я же знаю, что явилась,
И что входишь в каждый дом.

Крикни мне, лиши покоя,
Страшно в доме одному.
Я тебя одной рукою
По-солдатски обниму.

Галина АЛЯЕВА

Галина Андреевна Аляева – прозаик, публицист, журналист. Публиковалась в журналах «Новый мир» «Подъём», «Невский альманах», «Великороссь», «На русских просторах», «Начало века» и др. Дипломант и лауреат литературных премий и конкурсов. Член МГО Союза писателей России, Союза журналистов России.

Живёт в Подмосковье.

РАССКАЗЫ

ЕЁ ЛИЧНАЯ ВОЙНА

– Фрицы на переезде! – Небольшого росточка, широкий в плечах, в потрёпанной и прожжённой на рукаве телогрейке, весь какой-то запылённый и измазанный чем-то чёрным, солдат бесцеремонно подхватил Катю и начал её одевать.

Маруся в изумлении от неожиданного появления в доме и решительных действий солдата застыла с кастрюлей в руках. Он, натянув на Катю пальтишко, принялся за Витю. Мальчик захныкал. Солдат, и угрожая, и предупреждая, вновь произнёс: «Фрицы на переезде. Тикать надоть» и, заметив, что Маруся расширенными от ужаса глазами смотрит на него, спросил: «Что стоишь, кулёма?! Тебе сказано – фрицы тута скоро будут». Он одной рукой поддел Витю, другой Катю и выскочил из комнаты. Из сеней Маруся услышала:

– Не мешкай, одевайся и за мной следом! Документы не забудь!

Маруся заметалась в поисках пальто. Вроде лежало на стуле. Кинулась в спальню – нет, в шкафу пусто, заглянула под стол, нигде нет. Она в оцепенении застыла посредине комнаты.

В дом, перепуганная и запыхавшаяся, с полным ведром только что выкопанной картошки, вбежала Ксения:

– Немцы, немцы! Все бегут. – Увидев Марусю с застывшим лицом и блуждающим взглядом, выпустила из рук ушко ведра, крупные клубни рассыпались по полу.

– Дети! Где дети?! – приглушённо спросила она.

– Забрал солдат, – заторможенно произнесла Маруся.

Спокойное лицо невестки насторожило Ксению.

– Какой солдат? – совсем тихо поинтересовалась она, оглядела комнату, сделала несколько шагов вбок, чтобы была видна и другая часть дома.

– Не знаю, – без какой-либо интонации ответила та.

– Как не знаешь? – не сказала, выдавила из себя Ксения.
– Он забёг, детей подхватил и мне велел за ним следом.
– Так что ты стоишь истуканом?! Беги за ними. Беги, а то не догоним! – надрывно закричала Ксения.

Маруся продолжала стоять. Ксения, сорвав с головы шаль, накинула её на Марусю, схватила лежащее на полу пальто и попыталась просунуть левую руку Маруси в рукав. Не получилось. Тогда она довольно сильно толкнула Марусю в грудь, и та, словно очнувшись, рванула на улицу.

Ксения вслед ей не кричала – голосила:

– Беги, беги! Догоняй детей! Я следом. Скорее, скорее!

Маруся часа два назад выходила на улицу, было относительно спокойно. Канада со стороны Вязьмы? Так она, медленно приближаясь, не стихала несколько недель. Не вызвали беспокойства и беженцы с узлами, чемоданами, детскими колясками, набитыми тряпьем. Раненых в повозках или пеших стало, правда, побольше. Сейчас же улица заполнена бегущими, кричащими, плачущими соседями, знакомыми и просто жителями посёлка, среди которых мелькали серо-красные повязки раненых, ковыляющих поодиночке и парами, кого-то несли на носилках. Их число тоже увеличилось. Все стремились в направлении Московского шоссе. Обратного никого.

Маруся, выбежав за калитку, остановилась. Солдата нигде не было. Маруся истошно закричала:

– Катя, Витя! Сынок!

Откуда-то слева послышалось: «Мама, мама, мы тут!»

Она кинулась к ним, солдат, выпустив детей из рук, побежал в соседний дом. Маруся прижала к себе детей, ошалело смотрела на бегущих мимо людей.

Всё тот же солдат, помогая бабке Лукерье вывозить детскую коляску, наполненную вещами, возбуждённо спросил:

– Что стоишь, дура?

– Маму жду.

– Я велел одежду взять, где она?

– Не нашла.

– Вот кулёма. – Незло приговаривая, солдат стянул телогрейку и протянул Марусе: – На. Не смотри, что грязная, зато тёплая.

Маруся начала отказываться, он прикрикнул:

– Сказал, бери, значит, бери. Простынешь. – И, впервые внимательно взглянув на охваченную страхом Марусю, подобрел. – Тикай отсюда. Бой будет тута. Поняла? Фрицы оборону прорвали. Там, – он махнул рукой в сторону станции, – наши их покудова держат. Не много их там осталось, долго не устоят. Ну, ничего, мы фрицев тута встретим. Ты не стой, тикай что есть мочи. – Он осмотрел Марусю с головы до ног и приказал-попросил: – Платком повяжись, волосы припрячь, юбку, может, какую подлинней потом найдёшь. Фрицы русских баб, как ты красавиц, ох как любят. Не посмотрят и на мальцов. Поняла? – Маруся кивнула. – То-то же. Ну, всё. Прощай. – Он с нежностью взглянул на Марусю и детей. Подумал, порывисто обнял её и, неловко целуя в край щеки, в ухо громко прошептал: – Сбереги себя и детей сбереги. Очень прошу тебя.

Он улыбнулся во весь рот: «Эх, кабы не война!», тут же помрачнел, опять улыбнулся, взмахом руки попрощался и побежал в противоположную сторону от убегающих жителей посёлка. Остановился, оглянулся и крикнул:

– Прощай, красавица!

Так началась для Маруси война, не та, которую объявили в воскресное утро, а непосредственно её личная война, и всем своим нутром она с этим была не согласна.

Двадцать второе июня всколыхнуло и перевернуло жизнь, но в первые часы была уверенность – война будет недолгой. Потом, когда начали объявлять о взятии одного города за другим, теплилась надежда – отступление временное. Пройдёт неделя-другая, и Красная армия начнёт наступать, и где-то там, далеко-далеко, немцев разобьют и погонят восвояси. Но шли дни, и беда – огромная, заставляющая от ужаса трепетать и душу, и тело – только разрасталась и приближалась.

Повестка Егору. Провожая его на вокзальной площади, видя его растерянные, жалкие глаза, Маруся простила ему всё: оскор-

бления, ревность. Ей вдруг показалось – она не привыкла к нему, смирившись со своей судьбой, а по-настоящему любит, о чём и поспешила сказать:

– Егорушка, я ждать тебя буду. Ты только живой возвращайся. Слышишь, только возвращайся.

– Ждать будешь? Обещаешь? – Его голос дрожал. Он так много должен ей сказать. За многое попросить прощения. Он ведь любит её, и никогда, и никого не будет любить.

– Буду, буду, любимый мой, – сдержанно, но искренне сказала Маруся.

Егор поверил. Это простое слово «любый» поможет ему пройти всё, что предстоит преодолеть.

Егора забрали тридцатого июня, он обещался писать, но ни одной весточки так и не пришло. Слушая сводки с фронта, Маруся иногда представляла себе: Егор воюет где-то под Киевом или Житомиром, а может, под Ржевом или Вязьмой. Там ожесточённые, как передают, бои, и нет у него времени весточку написать, но как только наши пойдут в наступление, почтальон обязательно принесёт от него письмо.

Двенадцатого августа на фронт ушёл Василий. Одиннадцатого он вместе с беременной женой приезжал прощаться. Говорил, едва отпустили к родным. Ира же укоряла:

– Мог и не ходить. Сам решил. – На безмолвный вопрос Прасковьи пояснила: – Ему, как студенту, бронь полагается. В военное училище можно было перевестись или на курсы пойти. Вон друг его Саша Ветров на офицерские курсы не постеснялся пойти. Ему отец тоже предлагал, а он заупрямился. Нет, только на фронт, и пошёл в военкомат добровольцем записываться.

– Правильно, пока учился, война и кончилась бы, – поддержала невестку Вера.

Василий, ничего не отвечая, смущённо-извинительно смотрел на Прасковью. Она, осознав, что старший внук поступить по-другому не может, перекрестила его и протянула нательный крестик:

– Возьми, Вася, он тебя сбережёт.

Василий, совсем засмуцавшись, согнулся чуть ли не вдвое, так он был высок, и прижался щекой к щеке Прасковьи.

– Прости меня, бабушка, за всё прости. Знай, я тебя очень, очень люблю. Никого нет у меня родней. Я вас всех люблю. – Он пытался обнять дорогих его сердцу людей, и ему это удалось.

Василий тоже обещался писать, но и от него писем нет. Может, Ире пишет, надеялись родные.

Следом родной дом покинул Демьян. Хорошо, не на фронт. Отправили на курсы радиста куда-то под Москву. Прислал два письма. Учится.

Пуще всех учудила Вера, решив выучиться на медсестру. Силантий, как узнал, чуть в больницу опять не попал. Он, прослушав заявление народного комиссара Молотова о нападении германских войск на Советский Союз, тут же пошёл в военкомат. Просил, уговаривал, убеждал записать его на фронт – отказали, он же после того ранения комиссованный, и жена больная на руках. У Степаниды удар приключился.

Когда участкового из больницы после ранения выписали, на следующий же день его вызвали на допрос. Вере тоже повестку прислали. В отделение пошли вместе, потому как ему было назначено на одиннадцать часов утра, ей на двенадцать. Зачем Степанида сама, без приглашения решила с подполковником, что вёл расследование, встретиться, неизвестно. Сначала к нему не пускали, мол, занят он, но она настояла. В кабинет вошла, поздоровалась и стала ждать приглашения пройти к столу. Офицер мельком на неё посмотрел, быстро встал и со словами: «Кого я вижу!» решительно устремился к ней. Оказалось, они пересекались в Гражданскую, только она его не сразу узнала. Когда же он произнёс её имя, обмерла, зарделась и упала. Врач объяснил удар сильным волнением, и большую роль вес сыграл, от него у неё сердцебиение неровное. Лежит, как деревяшка, только мычит и глазами моргает. Одно хорошо – подполковника после того происшествия в Москву вызвали, и назад он не вернулся. Другой московский следователь Силантия и Веру по одному разу допросил и больше не беспокоил.

В военкомате Силантию предложили вернуться в милицию. Всего четыре месяца и побыл на гражданке. Теперь вновь бандитов и жуликов ловит. Развелось всякой нечисти немерено, и откуда только взялись. Словно специально по углам сидели, беда случилась – и повылазили.

Первая бомбёжка и смерть знакомых Марусю испугали так, что несколько ночей не могла спать. Глаза закроешь – и вновь вой сирены, свист бомб, взрыв и обезображенное тело. Эхо канонады и кровавые всполохи на небе и вовсе удивили. Такого не может быть. Москва рядом. Всего-то сто пятьдесят километров. Какие могут быть немцы так близко от столицы?! И вот они на переезде. Чуть больше километра до него! Что произошло? Маруся с недоумением смотрела в удаляющуюся спину солдата. Почему он здесь, а не там, где должен быть?

«А где он должен быть? – лихорадочно пронеслось в голове. – В окопах? Конечно, в окопах. Может, дезертир? Зачем выгнал из дома? Диверсант? Он сказал, немцев встречать будет. Точно, диверсант. Силантий предупреждал, они сейчас повсюду. Нет никаких немцев. Он специально, для паники. В неразберихе обязательно что-нибудь взорвёт. Нужно предупредить. Предупредить».

– Катя, следи за братом, – наказала дочери Маруся и попыталась остановить пожилую пару, толкающую перед собой набитую вещами детскую коляску.

Женщина за шестьдесят в плюшевой чёрной тужурке и серо-коричневой шали ошалело отпрянула, забыв про коляску. С густыми седыми бровями старик в тулупе и высоких валенках с галошами на её вопрос: «Куда, куда вы бежите? Зачем?» остановился на мгновение: «Ты чего, дочка?», а затем, догоняя спутницу, низким баритоном прокричал: «Германцы, германцы!».

Маруся, как минуту назад солдата, проводила старика непонимающим взглядом.

Ксения, с огромным узлом через плечо, запыхавшаяся и раскрасневшаяся, не заметив метавшуюся между беженцами Марусю, подхватила свободной рукой младшего внука. Кате

приказала: «Держись за подол» – и решительно заспешила прочь от дома.

Катя заупрявилась:

– Не пойду. Мама? Где мама?

– Так где та мать?! – рассердилась Ксения. – Запропастилась куда-то. Уже никого и не осталось.

Действительно, на дороге оставались единицы убегающих от опасности людей.

– Вон она, вон она! – Катя пальчиком показывала на группу военных. Среди них невестка.

– Нашлась, – обрадовалась Ксения и заспешила к военным.

– Не верю вам! Вы всё врете! – настойчиво твердила Маруся, обводя взглядом столпившихся около неё солдат.

– Гражданочка, мне незачем вас обманывать. – Молоденький офицер с одним квадратом на петлицах, с перевязанной от кисти по локоть рукой устало объяснял: – Немцы на переезде, понимаешь? – Он терял терпение. Ему нужно выполнять приказ, а тут эта. – Прорвана оборона. Бой здесь будет. Приказано проверить дома, чтобы никто не остался из жителей.

– Зачем, зачем? Я не верю вам.

– Сержант, разберитесь с ней, – беспомощно сказал молоденький офицер и приказал остальным: – Бойцы, за мной. Сидоров, бери пулемёт и в крайний дом. Каюров! Где Каюров? Куда запропастился Каюров?!

С Марусей остался самый пожилой из солдат, весь какой-то серый – виски, усы, даже короткая шинель исполосована белёсыми разводами. Он ласково начал говорить:

– Дочка, тебе товарищ младший лейтенант вроде русским языком всё растолковал. Ты не дури, ступай отсюда. Видишь, все идут, и ты ступай. Туда иди, – серый солдат легонько подталкивал Марусю в сторону Москвы.

Но Маруся упрявилась:

– Вы врётё, я не верю вам.

– Да почему не веришь? Зачем нам обманывать? Вот посмотри, – он распрявился, чуть повернулся налево, потом на-

право, – я свой, а с той стороны фрицы прут. Скоро тут будут. – Серый солдат сплюнул. – Они убьют тебя.

– Вас разве не убьют? – подозрительно поинтересовалась Маруся.

– И меня, и тебя. Они всех убивают. Ступай, ступай туда. – Солдат опять попытался развернуть Марусю, но она сопротивлялась.

Терпение солдата кончалось, но тут к ним подбежала Ксения. Солдат спросил:

– Твоя, что ли? Не пойму, она не в себе или с перепуга очумела?

– Будешь тут не в себе, – заворчала Ксения. – То обнадёживают – не бойтесь, не пустим, то говорят – бегите. Куда бежать-то? Маруся, Маруся! – Она несколько раз с силой дёрнула невестку за руку.

Маруся встрепенулась, посмотрела на серого солдата. Уставший, немолодой, годящийся ей в отцы. Смотрит на неё с жалостью и сочувствием. Он не может врать, не может обманывать, как и тот солдат, который дал ей вот эту телогрейку. Он что-то просил сделать... Дети! Катя и Витя!

Несогласие с действительностью, в которой существование её детей определяет только война, улетучилось. Инстинкт материнства или что другое заставили не только принять реальность, но и приказали и телу, и разуму действовать с одной лишь целью – спасти детей.

– Мама, дети где?

– Тама, – махнула Ксения рукой и позвала: – Пошли, что ли.

Со стороны Вязьмы друг за дружкой раздалась мощные взрывы такой силы, что у всех заложило уши. Следом последовал ещё взрыв, затем ещё и ещё. Перекрикивая завывание рвущихся снарядов, серый солдат закричал:

– Да идите вы отсюда. Артподготовка началась. В атаку сейчас пойдут.

В небе послышался рёв самолётов.

– Дождались. Бегите! Тут бомбить не станут. Станция рядом. Она им целёхонькая нужна. Накось выкусы вам станция. Мы

вам такую станцию устроим. – Серый солдат вприпрыжку последовал за молоденьким офицером.

Маруся, окончательно пришедшая в себя, подхватив хныкающего Витю и узел, закричала: «Мама, Катю берите!» – и что было мочи побежала догонять виднеющихся вдали других беженцев.

ВОЛК

В последние дни октября сорок первого года железнодорожную станцию Дорохово и небольшой посёлок, прилегающий к ней, где жила Мария, захватили немцы. Из всех домов, оставшихся после бомбёжек и расположенных рядом с железной дорогой, фашисты выгнали жителей, поставили охрану и назвали «Запретной зоной». Потом, при отступлении, они сожгут посёлок почти дотла, а сейчас дома стояли пустыми, лишь кое-где – в благоустроенных – поселились немцы. Мирное же население оказалось погрязло на улице.

У кого были родственники в ближайших деревнях – ушли к ним, у кого не было – побрели из деревни в деревню. Старики, женщины и дети скитались в поисках пристанища. Вместе со всеми и Мария блуждала по просёлочным дорогам.

Семья у Марии большая: дети – двенадцатилетняя Маняша, восьмилетний Витя, маленький Толик, ему четыре, и двухлетний Алёша; престарелая мать Марья Ивановна и две младшие сестры: Наташа и Дуня.

В поисках ночлега семейству Марии пришлось ходить долго: кого-то пугала такая «орава», у кого-то занято, кто-то требовал продуктов в обмен на тёплый угол, находились и такие, кто не хотел себя стеснять. Две ночи они провели в чистом поле. Дети и сестра Наташа, в детстве переболевшая менингитом и в свои двадцать шесть лет как шестилетний ребёнок, спали в стогу. Взрослые отдыхали по очереди. Мария почти не спала, две ночи проходив вокруг стога, охраняя сон близких. На третьи сутки, в маленькой деревне Марьино сердобольный

хозяин пожалел горемычных и разрешил поселиться в бане на окраине деревни.

Там они и стали жить. Топили печь, в поле собирали мороженую картошку, колоски пшеницы, скошенные осенью и оставшиеся лежать под снегом. Несколько раз Мария ходила на станцию – на базар. Обменяла золотое обручальное кольцо на буханку хлеба; золотой нательный крестик матери, доставшийся ей от прабабушки, на толстый кусок душистого сала. Несколько дней с сестрой Дуней валили и пилили лес рядом с баней. Часть дров оставили себе, часть продали за полведра картошки и кулек муки одинокой женщине, живущей по соседству. Но как ни старалась Мария накормить семью, дети встречали её голодными глазами. У Наташи и младших детей открылся понос от плохо распаренной пшеницы.

Всё чаще и чаще Мария вспоминала: дома остались надёжно спрятанные продукты. Картошка, двадцатикилограммовый мешок муки, бутылка подсолнечного масла, несколько килограммов сала и сахар. Вспоминала о новом пиджаке мужа, куске материи, двух серебряных ложках – всё это можно поменять на продукты.

Как-то вечером, когда дети уже спали, Мария тихо, чтобы не услышала мама, сказала:

– Дуня, я завтра рано уйду. Ты уж здесь поберегись. Никуда не ходи и детей не выпускай. Если за дровами, то пусть мать сходит.

– Ты на базар что ли?! Менять же нечего, – затревожилась Дуня.

– Домой схожу. Там столько продуктов осталось, – тяжело вздохнула Мария.

– Ой, – из темноты простонала мать.

– Маш, туда нельзя. Убьют ведь.

– Не убьют. Я незаметно. А что делать? Смотри, что с детьми! Ещё немного, и младшие слягут.

– Давай, с тобой. Вместе больше унесём, – предложила Дуня.

– Нет, – решительно сказала Мария. – Если со мной что случится, так хоть ты останешься. А так?

– Маш, может тебе и, правда, взять Дуню, – слышалась из темноты. – Я одна управлюсь. Мне Маняша поможет. Она вон как изменилась, совсем взрослая стала.

– Мама, что вы говорите? Да разве можно ей в посёлке показываться? Я шаль надвину на глаза – старуха и есть старуха. Пройду – никто и не посмотрит. А она?

Дуне шёл девятнадцатый год: высокая, статная, с огромными, цвета полевого василька глазами, с длинной по пояс косой, она привлекала внимание.

– Её первый патруль остановит. Слышали, что люди говорят? Немцы ни одну красивую девушку не пропускают. Сами рассказывали, местную полиция остановили на дороге и убили. Сначала надругались по очереди, потом убили. Когда меня не станет, делайте что хотите, а сейчас – как сказала, так и будет. Всё, давайте спать, – твёрдо проговорила она и, немного помолчав, ласково добавила. – Мама, не волнуйтесь. Я туда и обратно. Всего-то пятнадцать километров в оба конца. К вечеру вернусь. Всё будет хорошо.

Рано утром Мария ушла.

До посёлка она добралась благополучно, лишь на станции остановил молодой полицейский и, проверяя документы, спросил: «Куда?» и получив ответ: «На базар», вяло процедил:

– Долго не задерживайся, мать. Сегодня на площади казнь будет.

С полчаса, потолкавшись среди женщин и стариков, Мария, оглядываясь по сторонам, юркнула к железной дороге. Чтобы попасть домой, нужно перейти через железнодорожное полотно, и это самое опасное. Марии повезло. Три здоровенных фашиста, охраняющих переезд, над чем-то громко смеялись, и лишь один из них, бросив мимолётный взгляд и увидев сгорбленную, в чёрном платке, старуху, ухмыляясь, отвернулся. Через десять минут Мария была на месте.

Дом встретил ледяной пустотой. Мария судорожно начала собирать вещи, готовая в любую минуту от малейшего шороха рвануть на улицу. Быстро набрала картошки, отсыпала муку, достала спрятанные на чердаке пиджак и серебряные

ложки. Одну, подумав, взяла, другую вернула на место. Остановят – всё отберут, а так что-то останется. В сенцах, стараясь не греметь, оторвала половую доску и из тайника достала два куска сала, остальное тщательно завернула в тряпки и опять спрятала. Разделила сахар на несколько маленьких кульков, взяла два.

Чуть меньше чем через час Мария готова была покинуть дом. Но неожиданно для себя, наперекор всему, затопила печь, почти не скрываясь сбегала за водой, замесила пресное тесто. Приготовила румяные с картофельной начинкой пироги и стала собираться. На дно корзинки положила муку, бутылку с маслом, ещё горячие пирожки, сверху всё прикрыла картошкой. Кульки с сахаром распихала по карманам, сало привязала к телу, от чего узкое материнское пальто не застёгивалось.

Счастливая, пряча сияющие глаза, Мария и в этот раз удачно миновала переезд и быстрым шагом направилась в Марьино.

Возвращаться в деревню решила лесом – по дороге то и дело шныряли немцы, и каждая встреча грозила опасностью. Мария не боялась за свою жизнь, опасалась за продукты. В лесу была еле заметная тропа, ей пользовались местные жители, избегая встречи с фашистами, и вероятность заблудиться отпадала.

Быстро пройдя половину пути засветло, Мария мысленно представляла радостные глазёнки своих кровинушек. Это придавало сил, и она шагала, не чувствуя ни голода, ни усталости, ни тяжести корзины.

В лесу быстро смеркалось. В ноябре день короток, и темнеть начинает чуть ли не в четыре часа, в лесу – и того раньше. Тропинка становилась едва заметной. Угрюмый лес надвигался со всех сторон, пугая неизвестностью. Раскаты непрекращающегося боя, близкая автоматная очередь, треск немецких мотоциклов и рокот танков, движущихся по дороге, – казались далёкими и нереальными. Лес, величавый в своем бессмертии спал, набирая сил для продолжения жизни.

Усталость постепенно давала о себе знать. Тяжёлыми шагами Мария приминала серые снежинки начавшегося снегопада.

Откуда-то сзади послышался шорох. Она обернулась, вглядываясь в темноту, и прибавила шаг. Шорох повторился сбоку, и опять стало тихо.

До деревни оставалось не больше двух километров, и пересекая поляну, она увидела контур какого-то зверя.

– Бездомная собака. Надо полагать, давно идёт за мной, – решила Мария и остановилась в поисках палки, но поблизости ничего не было. Недолго думая, достала два пирожка и пошла дальше.

В небе показался краешек луны, осветив лес, и Мария увидела в метрах пятидесяти прямо перед собой хищную, оскаленную морду, прижатый хвост и огромные лапы, изготовленные для нападения. Её охватил ужас. На пути стояла не собака, а матёрый волк. Луна, усмехаясь, скрылась, и два жёлто-зелёных глаза задвигались, приближаясь. Первое, что пришло на ум, – бежать, но ватные ноги не слушались. Два огонька надвигались, и уже слышан лязг зубов, видно, как слюна тонкой струйкой стекает из полуоткрытой пасти...

Перед глазами возникло очертание душевной баньки. Дети, убогая Наташа, красавица Дарья, измученная страхом за дочерей и внуков мать. Они, молча, смотрели на неё с мольбой и укором. Лишь маленький Алёша, протянув руки, спросил:

– Мама, а как же я?

Один миг и перед хищником уже стояла не беззащитная Мария, а бесстрашный зверь, готовый сражаться за жизнь своих детёнышей.

Прикрыв корзиной грудь и живот, смотря в глаза волка, Мария утробно прохрипела:

– Волк, лучше уйди с дороги. По-хорошему прошу. Уйди!

Волк повёл головой, зашевелил ушами, как будто вслушиваясь, и замер.

Мария продолжала хрипеть:

– Что нужно тебе? Моя жизнь? Не отдам. Ты, глупый, не знаешь, какая сила за мной. Тебе её не победить. – Она говорила и говорила. Голос эхом разносился по мрачному лесу и с новой силой возвращался.

Угрожала, пугала, молила, упрашивала, рассказывая о бабьей судьбе, о своих муках и слезах, о своих надеждах и страхах.

Волк сел, закрыл глаза, при смене интонации голоса у него нервно вибрировали уши. Какое-то время он сидел, затем встал, как показалось, понимающе посмотрел в её глаза, сошёл с тропинки и, взглянув в последний раз, скрылся под покровом леса.

Исчез, как будто его и не было.

Мария сорвалась с места и, первое время оглядываясь, не бежит ли следом зверь, устремилась в деревню.

КОРМИЛЕЦ

Мария устала бояться, вздрагивать от ненавистной речи и видеть голодные глазёнки детей.

Фриц повадился к ним. Жили немцы в клубе, от бани, что стала для обширного семейства Марии домом, не близко, но дней десять назад окаянные искали какого-то, ввалились и к ним, автоматы на изготовке, спрашивают что-то по-своему. Она попыталась детей и младшую сестру спрятать за спиной, да разве поместятся все? Дуня шагнула вперёд, она её за руку схватила и за себя толкает. Немец, что помоложе, на Дуню выдупился и влажными, мясистыми губами прищёпывать начал. Мария тогда подумала: «Всё, сестрёнку теперь не спасти...». Который постарше на детей посмотрел и автомат опустил. Ясно ему стало – в бане всё на виду, не спрячешься. Забарабанил на своём. Она только и поняла: «Фрау», к ней значит обращается. Потом спрашивать начал, она догадалась – детьми интересуется.

– Мои они, все мои киндер, – подтвердила.

– Хорошо, матка, хорошо, – похвалил её немец.

Ушли. Через два дня явился. Фото тычет: «Смотри». У этого ирода оказывается три сына и девочка. Скучает он. На киндер хочется посмотреть.

«Так бы и удушила!» – подумала Мария, а сама, улыбаясь, единственный табурет услужливо протёрла и подала.

В бане душно, немец верхнюю пуговицу на кителе расстегнул, закурил и Ольгу пальцем поманил: «Ком, ком». Четыре годика ей всего, она в материнский подол вцепилась, глаза полные слёз. Немец заулыбался, из нагрудного кармана достал плитку шоколада и протянул. Ольга только крепче ухватилась за мать. Немец перестал улыбаться и строго произнёс: «Братъ». Мария подтолкнула дочь, и когда шоколад оказалась в руках ребёнка, сама поклонилась и Ольгу заставила. Немец посидел и ушёл. Так и стал то раз в неделю, то два приходить, шоколадом больше не угощал. Молча посидит, папироску выкурит и уходит. Раз и с мясистыми губами заходил. Витя увидел его, сразу прибежал, и Дуня, слава Богу, успела спрятаться у соседей в подполе.

Устала Мария видеть голодные глаза детей и сделать ничего не могла. Понимала – опускать руки нельзя, но ничего с собой поделать не могла, словно кто-то за горло схватил и душил. Не железная она, мочи никакой не осталось и помощи ни от кого нет.

Мария безвольно сидела на лавке, низко опустив голову.

– Мам, мам! Посмотри, что принёс... – Девятилетний Витя протягивал клубни картошки.

Мария не среагировала.

– Марусь, ты только глянь, что Витя раздобыл, – засуетилась мама Марии. – Внучек, где взял такую роскошь?

Мария не пошевелилась.

– Марусь, ты часом не заболела? – она тяжело приблизилась к дочери. С каждым днём семидесятилетняя Мария Ивановна слабла. На улицу уже не выходила, всё больше лежала или сидела на узкой лавке. – Маруся, хоть слово скажи, – жалобно попросила она и ласково провела шершавой ладонью по руке дочери.

Та протяжно вздохнула и подняла глаза на Марию Ивановну:

– Что, мама?

– Маруся, посмотри на стол.

При виде ровных продолговатых клубней осунувшееся лицо Марии осветилось улыбкой, но поверить в такое чудо она не могла, поэтому спросила:

– Сынок, что это?

– Картошка, – горделиво сказал мальчик, – у меня ещё есть.

Он расстегнул не по размеру телогрейку. Женщины увидели голенькую грудь мальчика и привязанную к животу, как торбочка, рубашку. Мальчик аккуратно скинул телогрейку, повернулся спиной и попросил:

– Mam, развяжи.

Мария трясущимися руками развязывала узел, бабушка, прижав руки к своим щекам, раскачиваясь, причитала:

– Кто же это так сподобился! Смотри, от узла прямо вмятина. Роденький, как же тебе больно! – Её голос, пронизанный жалостью и сочувствием, мог согреть десяток обездоленных.

– Не, не больно, специально Кольке сказал – крепче затягивай, чтобы по дороге не развязалась.

Мария начала считать: «Раз, два, три...»

Мальчик знал, сколько картофелин, но говорить не стал. Пусть мама сама посчитает, он и больше бы взял, рубашка маленькая.

Мария досчитала:

– Двенадцать. Каждому по одной, и на суп останется. Только... – Она осеклась. В доме не было ни крупинки, и соль на исходе.

– Да, правильно, нужно суп сварить, – повелительно сказал Витя и добавил: – Давно мы, мать, супа не едали, – и протянул ладошку.

Горох! Настоящий горох! Правда, наполовину с землёй.

От слов «Давно мы, мать, супа не едали» (так любил говорить отец Виктора – Алексей, когда садился обедать), от нескольких горошин в детской ручонке на душе Марии стало и радостно, и горько, так бывает всё сразу – и боль, и счастье. Слезы сами собой тонкой нитью заблестели на её измученном лице.

Она не позволила себе проронить ни слезинки, когда проводила мужа на фронт, когда хоронила свёкра со свекровью, ни в могилу, постояла около сгоревшего от прямого попадания бомбы дома – и всё. Когда изверги пришли, выгнали из дома, и она, четверо детей, две сестры и престарелая мать скитались

из деревни в деревню в поисках жилья. Когда сердобольная селянка разрешила жить в заброшенной бане – не плакала. Не разрешала себе, а сейчас заревела.

Следом заплакал маленький Алёша и младшая сестра Наташа, в детстве переболевшая менингитом и в шестнадцать лет бывшая как четырёхлетний ребёнок.

Витя, испугавшись маминых слёз, обнял её и стал гладить ладошкой по волосам: «Мамочка, не плачь. Не плачь...». От нежных прикосновений сына она заплакала горче. Бабушка тоже начала хлюпать носом и, как обычно, причитать:

– Вылитый отец, вылитый отец!..

Мария обняла хрупкую фигурку:

– Сынок, кормилец ты наш.

Мальчик довольно заулыбался.

Бабушка подтвердила: «Кормилец». Наташа обняла мальчика сзади и повторила: «Кормилец ты наш».

Мария принялась мыть горох, из карманов телогрейки его набралось половина кружки.

– Откуда такое богатство? – спросила она сына.

– Со склада на станции.

– Как со склада?!

От деревни до станции почти пяти километров.

– Вот, оказывается, что, а я смотрю – был во дворе и нету, – с осуждением сказала Дуня, растапливая печь.

– Колька с неделю как ходить стал. Зачем, почему? Собрался и пошёл, молчком. Я спросил, он отмахнулся. Конечно, что он будет со мной разговаривать – ему почти тринадцать. А тут предложил: «Пойдём со мной». Спрашиваю: «Зачем?», он: «Там увидишь». Я ему: «Не пойду так. Мне рисковать нельзя. Я один в семье мужик».

Женщины переглянулись, Дуня чуть слышно хихикнула, сестра строго посмотрела, и та посерьёзнала. Витя, заметив переглядки взрослых, насупился, но Мария мягко попросила: – Сынок, рассказывай, – и он продолжил:

– Там склады, поезда приходят, наши военнопленные разгружают. Колька видел – обмундирование, ящики с патронами.

Третьего дня коров грузили в вагоны. Целое стадо, овцы, козы. Чуть в стороне деревянные склады, туда свозят картошку, зерно. Наберут много и в Германию отправят. Вот Колька и ходил туда, поживиться.

– Так опасно же, – предположила бабушка.

– Конечно, опасно, – согласился Витя, – а делать что? У него тоже сестрёнка и брат. Правда, они местные. Кое-какой запас припрятанный имеется. Только когда наши придут, никто не знает.

«Совсем взрослым стал», – подумала Мария. Вода в чугушке для супа закипала, сейчас она бросит туда горох, потом картошку, и будет у них пир.

Между тем Витя продолжал свой рассказ.

– Колька не зря лазил. В склад войти можно только через дверь, или подкоп сделать. Долго и опасно. Один склад кирпичной, новый, с окнами, не знаю, для чего.

– Чтобы проветривать, – подсказала Дуня.

– Ну, может так. Окна забиты, а в одном доска шаталась, он туда-сюда её – и юрк на склад. Там зерна полным-полно. Он сначала вот как я в рубашке принёс, потом два раза с мешком ходил. Наберёт и к себе привяжет.

– В руках почему не нёс? – Спросила бабушка.

– Баб, вы что? А полицаи? Они ж лютые. Начнут проверять: «Откуда зерно?» В комендатуру отведут, там и расстреляют. А так идёт пустой, ну, толще стал. Кто знает, может, он такой. Вчера приходит, окно забито. Стал искать другое, нашёл, только лаз маленький. Не пролезть ему. Меня и позвал. Я и то еле пролез.

– Сынок, не боязно было?

Витя сначала хотел сказать: «Не боязно», но потом сообразил:

– Струхнул немного. Мыши там, – он развёл руки, – вот такие, и хвосты у них длинные.

– Не мыши, крысы, – подсказала Мария.

– Наверное. Они меня увидели и в разные стороны, а некоторые, знаешь, мам, остались.

– Они такие, никого не боятся, – сказала бабушка, – могут и броситься.

– Как же немцы? Неужто их там нет?

– Везде они, кто разгружает, кто так ходит, охранники. И наши – пленные были.

– Как же вы?

– Мы подождали, когда у них обед, и потом на этом складе они сегодня ничего не делали. Вчера, Колька сказал, с него грузили, оставались мешки с горохом. Немного, он и думал набрать гороха. Указал, в каком углу. Я залез, оказалось мешки вывезли, а в угол картошки насыпали. Я сначала себе набрал. Колька говорил – ему, я не стал. Свою рубаху передал. Потом его мешок, и сам назад. Страшнее было, когда рубаху привязывал. Долго не получалось. Картошка всё вываливалась и вываливалась. Потом ничего. Шли и шли. Никто нас не остановил. Завтра, Колька сказал, опять пойдём. Мам, мне бы мешок какой.

– Хорошо, сынок, – согласилась Мария, про себя же подумала: «Не пуцу!»

Мария решила сварить только суп, картошку оставить на завтра, но потом передумала – пусть сегодня поедят, не вволю, но хоть чуточку. Себе оставила на доньшке и самый маленький клубень. Мария Ивановна увидела и, строго посматривая, протянула свою долю. Когда та начала отказываться, чтобы дети не слышали, сказала:

– Не дури, мне и этого хватит. Ты ешь. Ради детей ешь.

Когда младшие дети и сестра Наташа, уgomонились, Мария попросила старшую дочь:

– Маняша, ходи к бабушке Фёкле, – это была хозяйка бани, в которой они жили, – попроси иголку, может, и нитки есть. Скажи, завтра дров ей напилим и наколем.

– Шить-то из чего? – Спросила её Дуня.

– Не знаю, – чистосердечно призналась Мария. Не было у них ни одной не то чтобы холстины, тряпочки малой. – К Фёкле Сергеевне на поклон пойду.

– Не даст, или допытываться начнёт – зачем.

– Голь перекатную что допытываться, так видно.

– Отпустишь Витю? – зашептала сестра.

Мария так же тихо ответила:

– Делать-то что?

– Давай я, – неуверенно предложила Дуня. – Тряпкой повяжусь и пойду.

Мария строго взглянув на сестру, как отрезала: «Сама пойду. Подол у рубахи зашью и пойду».

РЫЖИК

Деревушка в десяток дворов для унтер-офицера Велтена Мелцера – как пустое место. Ни дорог, ни клуба. Более-менее подходящего жилья, и того нет.

«Но ничего, – успокаивал он себя. – Терпеть не долго. Оберст-лейтенант утверждал, через три недели – месяц будем в столице этих красных Ива́нов».

Мелцер слыл человеком не злым, школьные друзья более того – считали добряком, но упрямство этих Иванов превратило его в жестокого безразличного воина Великой Германии. Зачем Ивановы идут на верную смерть? Ему непонятно. Война проиграна. Вопрос – а как бы он поступил? сражался бы до последнего или сдался? – у него даже не возникал. Он и его страна не могут не победить. Разве не понимают жители деревушки, что возврата нет?

«Вот эта баба. – Он наблюдал за хозяйкой дома. Адъютант Ганс привёл её помыть полы. – Сколько ей лет? Пятьдесят? Двигается резво. Сорок? Что она всё время шепчет. Молится, что ли?»

Он вспомнил злую старуху из дома на окраине деревни. Та тоже шевелила губами. Смотрит в землю и двигает, двигает ртом. Ганс тогда ещё попросил:

– Господин офицер, эта старуха похожа на колдунью. Разрешите её пристрелить.

Он заверил, что такая возможность представится, а пока не стоит шуметь. Ивановы, выходящие из-под Вязьмы, не должны пройти мимо этой деревеньки. Господин оберст-лейтенант,

приказавший оставить здесь два отделения, был убедителен – деревня на отшибе, до ближайшего населённого пункта двадцать километров в одну сторону, и десять в другую. За провизией или оставить раненого обязательно заглянут.

Четвёртый день они тут, и пока тихо.

Тёмная движущаяся масса начала раздражать Велтена. Взглянув на кобуру, он скомандовал: «Schneller! Schneller!».

Баба, поправив платок, ускорила ёрзание по полу.

Он вновь взглянул на висящий на железной спинке кровати ремень.

Наконец-то баба домыла пол.

Велтен дошёл к печи, проклятая баба, выходя, дверь открыла настежь, и промозглый воздух, проскочив в помещение, заставил офицера поёжиться.

– Господин офицер, – адъютант, вытянулся перед ним по струнке, – разрешите доложить!

Велтен по взволнованному виду Ганса понял всё без доклада, но, не изменив позы и выражения лица, терпеливо выслушал адъютанта и лишь потом размеренно направился к железной кровати.

С западной стороны деревеньки послышалась автоматная очередь.

Господин оберст-лейтенант оказался прав.

* * *

Прасковья Каретникова, та сама злая старуха, как только начался бой, уткнувшись лицом в оконное стекло, попыталась хоть что-то рассмотреть на улице. В начале ноября темнеет рано, снега нет и перед глазами чернота. Убедившись, что старания напрасны, она начала молиться. Просила за сынков – своих, чужих. Разве Петя и Сергей чужие? Свои! Рука заскользила – лоб, живот, правое плечо, левое. Поклон. «Матерь Божья пожалей, убереги»...

Когда стрельба и взрывы прекратилась, Прасковья вновь уткнулась в оконное стекло и изумилась, как на улице стало светло. Выпал первый снег.

– Земля-то не мороженая, значит, растает, – решила она и расстроилась: «Теперь все следы видать».

Лоб, живот, правое плечо, левое. Поклон. «Матерь Божья, пожалей, убереги...».

Прасковье в марте исполнилось семьдесят пять годков. Много уже. Умаялась. Несколько дней назад упала в сенцах – вдруг закружилось всё вокруг, в глазах потемнело, в сердцах произнесла «Господи, помереть бы скорее!», а сейчас нельзя.

Вода выплеснулась из казанка на плиту голландской печи и зашипела. Для Прасковьи сигнал: пора заняться отваром. Све-кровь не то чтобы целительницей была, но травяными отварами лечила и близких, и себя. От температуры, болей в животе. Когда стала немощной, пришлось травы собирать Прасковье и под её руководством готовить. Так и запомнила. В это лето заготовила понемножку липовых цветков, мяты, ромашки, подорожника и других трав.

Прасковья плотно занавесила окна, зажгла лучину. Навыки из прошлого и тут пригодились. Вышла в сени, проверить, закрыла ли входную дверь на засов, голова стала дырявой – могла и забыть.

Запах от варёной картошки, обрадовал – приготовилась. На-лила вчерашнего отвара и открыла дверцу в подвал.

– Ребятки, как вы тут?

Снизу тихо раздалось.

– Ничего, лежим.

– Поесть несую, Пете отвару. Как он?

Тот же голос ответил: «Вроде получше!»

– Слава Богу!

Дом у Прасковьи и неплохой, и нехороший. Вроде пяти-стенок, а крыша соломенная. Сени во всю длину дома, но от времени фундамент из песка и глины просел, и казалось, сенцы, подвешенные в воздухе, от малого прикосновения, брёвнышко за брёвнышком, посыпятся. Пятидесятилетний стаж для дома – срок немалый. Григорий Парфенович – тесть Прасковьи, мечтал иметь дом под железом. Не успел. Сначала средств не хватило, потом война, иной раз он, посматривая на соломенную крышу,

говорил: «Сподобил Господи, не дал сгинуть», намекая, что будь дом крыт железом, быть ему в кулаках. На склоне лет всю свою хозяйскую хватку Григорий Парфенович вложил в подвал – размер во весь дом, отдельные комнаты, возможность ходить во весь рост.

За последнее три дня Прасковья не раз вспомнила тестя добрым словом. Удобная лестница, места много, из полок и шкафов, что любил мастерить тесть, можно сделать лежаки.

Третьего дня, чуть стемнело, она легла отдыхать. И снится ей сон: рыжий кот скребётся в дверь. Как так? Неужто вернулся? Оказалось, не сон это, явь. Кто-то скрёбся в дверь. Первая мысль – немцы? Нет, те бы дверь давно снесли с петель. Кто-то из деревенских. Стучаться боятся, вот и скребутся.

– Кто? – чуть слышно спросила она.

Из-за двери послышалось:

– Немцы в деревне есть?

– В соседнем доме.

За дверью зашумели.

– Вы зачем тут? – поинтересовалась Прасковья.

После некоторой паузы тот же голос ответил:

– Нам бы поесть чего и раненного перевязать. Не пустите?

Как не пустить? У Прасковьи внук на фронте!

Было их четверо. Одного волоком затащили, другой с перевязанной головой и ногой, едва ковыляет. Грязные, обросшие, в чем душа держится.

Прасковья заметалась по дому. Первым делом накормить. У того, что волоком, ранение в плечо и из ушей кровь. Пока его мыла и перевязывала, других разморило, уснули, горемычные. Пришлось с перевязанной головой будить, жалко, но нужно. С ним управилась под утро.

Один из не раненных проснулся, и давай другого тормошить:

– Товарищ, лейтенант, рассвет уже. Уходить надо.

Тот подскочил, словно и не спал.

Прасковья при свете взглянула на лейтенанта и ужаснулась – мальчишка совсем.

– Куда уходить? Ну-ка в подвал. Ночью уйдёте, а покудова – берите товарища и в погреб несите. Мне одной не справиться. – В голосе Прасковьи не строгость, приказ.

Следующей ночью из дома Прасковьи ушли два красноармейца, она предлагала им переодеться, но лейтенант ни в какую:

– Я командир Красной Армии.

«Мальчишка упрямый», – посетовала Прасковья и, провожая, перекрестила.

Прасковья напоила отваром Петю, от картошки он отказался – тошнит. Осмотрела плечо – подживает. Осколок под кожей был, крови много потерял, но опасности нет, а контузия, видимо, тяжёлая. Плохо слышит и не говорит – одно мычание.

– Сынок, так у тебя жар, – осматривая рану Сергея, забеспокоилась она. Ближе подвинула лампу, керосин, что берегла на всякий случай, пригодился. – Гноится. Оперировать надо.

Сергей едва не поперхнулся от такого заключения.

Прасковья улыбнулась.

– Что, сынок? Удивился? Бабка старая. Небось неграмотная. А такие слова знает.

Сергей, запихнув остаток картошки в рот, невнятно произнёс:

– Не знаю, что сказать.

– Читать, писать умею, хоть и деревенская. В Германскую в лазарете служила, оттуда и знаю про операции. Слышал про такую войну?

– Империалистическая. Да?

– Та война двух сынов у меня забрала. Один в пятнадцатом погиб, другой в шестнадцатом. Я в лазарете при земской больнице полы мыла. Эшелон придёт с ранеными, сестры милосердия, как пташки, час-два поспят – и опять мыть, кормить, перевязывать. Чуть управились – второй эшелон. Посмотрела я и думаю – надо помогать. Наперво никак не получалось перевязывать, руки-то к тяжёлой работе привыкли, но ничего, втянулась. И на операции меня звали. Бывало, раненые (офи-

церы – те нет, особливо из благородных) терпят, иной звуку не издаст, а какой солдатик – кричит, вырывается. Конечно, как терпеть, если в живом тебе ковыряются. Меня позовут, я где по голове поглажу, где слово какое скажу, иной раз и подержу, чтобы не дёргался. Насмотрелась вволю. Так что не бойся. В живот я и сама не полезу, а здесь нога. Завтра поутру сделаем. Наверх нельзя, одна не спущу потом. Окно занавешивать не буду, дверь в погреб открою, лежак передвину, посветлее будет. Придётся, сынок, потерпеть. У меня чуть самогона припасено, налью немного. Потерпишь? – Она ласково посмотрела на курчавого Сергея. – Надо, сынок.

– Потерплю, – заверил раненый.

– Ладно, сынки, отдыхайте.

Уже поднявшись на несколько ступенек, она вернулась: «Уйду я. Крышку закрою, стол сверху поставлю. Тяжело без воздуха, но бережёного Бог бережёт. Я быстро».

– Мать, ты куда? – Сергей назвал её так впервые.

– На душе тревожно. Скрутило и не отпускает. Пойду, гляну.

Куда пойдёт, она не разъяснила, но Сергей и так понял.

* * *

В который уже раз Прасковья изумилась – как природа может преображаться.

Болезненные деревья превратились в нарядных красавиц, на смену мрачно-гнетущей округе явилась ширь и чистота простора. И дышать стало легче, и настроение не то чтобы улучшилось, но словно посветлело.

Ненадолго. В ночной тишине немецкая речь разносится далеко.

Прасковья не по годам быстро от куста к кусту засемила в сторону леса, благо, располагался он почти за огородами. Прячась за деревьями, дошла до другого конца деревни. Рокот немецких машин, направляющихся в деревню, одна из них какая-то странная – не грузовая, и не легковая, заставил при-

пасть к земле. Когда машины скрылись Прасковья начала оглядываться по сторонам. Бой вроде где-то тут был. Вот и первый убитый. В одной гимнастёрке. В стороне другой. Сжался в комочек и лежит. Вдруг: «Ма-ма-а-а».

У Прасковьи похолодело в груди. Прислушалась. Берёзки друг с другом разговаривают вот и кажется. Вон стоят. У одной ствол корявый в трещинах от старости, рядом штуки четыре – тонкие, белые.

Вгляделась. Кто-то сидит. Крадучись подошла. К дереву прижался и сидит. Мёртвый. Снег лицо припорошил. Она опять начала оглядываться по сторонам и тут её пронзило – на губах у мёртвого снега нет! Дотронулась до лица. Живой.

– Сынок, сынок! – прошептала и чуть взяла за плечо.

Раздался стон.

Какая же её охватила радость! Живой!

Солдат открыл глаза.

– Сынок, встать можешь?

Он покачал головой:

– Не могу.

– Надо, сынок, надо.

– Не могу, – повторил солдат, и его голова медленно опустилась.

Прасковья сняла с себя тужурку, расстелила позади солдата и начала аккуратно укладывать на неё.

Как доволочка солдата до дома, она не знает. Только, задыхаясь, просила: «Матерь Божья, помоги и защити!». Занести в дом даже не пыталась, в сарае, вплотную пристроенном к тыльной стороне, устроила вроде лежбища. Пришлось с другим раненым поделиться полушубком и байковым одеялом. Осмотрела раны – две сквозные. Примочки, перевязки. Солдатик задышал ровнее. Можно отдохнуть.

Прилегла – и тут же провалилась в сон, и опять рыжий кот скребётся в дверь.

Проснулась. Следы от волочения? Метнулась на улицу, глянуть – снег своё дело исправно сделал? Посмотрела в сторону

деревни и ахнула. Немцы рыскают по домам и стогоняют жителей к комендатуре.

На непослушных ногах она рванула в дом, схватила старую мужнину безрукавку на вате, поддевала её иногда для тепла и скорее на встречу немцам. Перехватила их буквально за несколько метров от калитки.

– Schneller! Schneller! – Загаркал молодой немец. Его раздражала и сама старуха, и её нерасторопный шаг.

Когда Прасковья оказалась впереди его, он для ускорения ударил её автоматом в спину. Прасковья едва не упала.

* * *

В деревне был кирпичный дом. Когда-то купец Уваров, родившийся здесь, решил для местной ребятни открыть земскую школу, но помешала революция. Школу не достроил и сам сгинул. Когда организовался колхоз «Коммунистический путь», из оставшихся кирпичей соорудили квадратное здание – низкое, с одним окном. Открывалось оно перед приездом начальства – колхозного, партийного, районного. На выборы и праздники. Ключи хранились у бригадира с фермы, его жена следила за порядком.

Теперь над несостоявшейся школой развивался немецкий флаг. Слева от крыльца в ряд лежали пять трупов красноармейцев.

Когда Прасковья подошла к горсти молчаливых односельчан, немец, шагающий за ней, что-то сказал стоящему у крыльца другому солдату, и тот быстро скрылся в тёмном проёме комендатуры. Прошло совсем немного времени, и на крыльце показался Велтен Мелцер.

Прасковья уловила шёпот: «Явился гад, чтоб пусто тебе было!». Следом: «Фриц поганый!». Проклятья смолкли, когда немец подозвал высокого с сединой не из местных полицая и начал говорить. Полицай переводил.

– За укрывательство – расстрел! За помощь – расстрел!
Прасковья всё это слышала, и не раз. И что?

Она думала о своём – не успела проведать Сергея, не стало ли ему хуже. Как ухитриться и перенести солдата из хлева в дом? От мыслей её отвлек окрик:

– Господин офицер спрашивает! Вам понятно?

За всех ответил Степан Гольцов:

– Так точно господин, офицер. Понятно. – Он известный любитель выслужиться перед властью. И этой готов кланяться.

– Хорошо, – по-русски произнёс Мелцер и посмотрел на толпу – старухи, несколько мужиков, подросток. Остановил свой взгляд на Прасковье.

«Прав был Ганс, похожа на колдунью. – подумал он. – Хороший был солдат». Скосив взгляд на останки красных Иванов, ухмыльнулся и тут же помрачнел.

Жителям разрешили расходиться, Прасковья медленно, чтобы не вызвать подозрение – если спешит, значит, есть за чем, – прихрамывая, пошла домой. Почувствовав, что сзади кто-то идёт, оглянулась. Гольцов. Что ему нужно? Он живёт на другом краю деревни.

– Прасковья, болеешь что ли? – поравнявшись с ней, спросил Гольцов.

Прасковья промолчала.

– Вид у тебя измученный. Жена говорит: «Иди, спроси, может, помощь какая нужна. Как-никак родственники, пусть и дальние».

– Болею.

– Простыла или что другое?

– Не знаю. Может, тиф. – Сказала Прасковья и сама испугалась: «Вот сказанула, так сказанула. Тиф. А что? Так-то и лучше. Теперь ни один в избу не сунется».

Она оглянулась, любопытный Гольцов удалялся чуть не вприпрыжку.

«Немцы прознают? Что тогда? На всё Божья воля», – подумала она, хотела перекреститься, но не стала. Привыкла на людях, теперь нельзя. Но мысли о помощи Божьей Матери сразу успокоили.

* * *

Ох уж и досталось Сергею! Не легче далась операция и Прасковье. Под конец он потерял сознание от боли, она чуть стояла на ногах. Зато к утру температура спала. Значит, пойдёт на поправку. У Пети кровь из ушей перестала идти, начала трястись голова. Что делать? Сержант Маслеников Иван Серафимович, тридцати шести лет, не приходит в себя, Прасковья, когда переодевала, нашла его военный билет. Всё время бредит, зовёт какую-то Ольгу. Хорошо не громко.

Пару часов вздремнула, и нужно вставать, а сил нет. Ноги крутят, затылок болит, сердце не стучит, болтыхается. Полежать бы денёчек. Нельзя. Стирка, уборка ждёт. Полы нужно отскреести от кровенёных пятен, половиками она их прикрыла, благо, про запас были, но кто заденет ногой – и вот тебе, пожалуйста. Тиф – пугалка хорошая, но лучше побережься.

Пока хлопотала, вспомнила, свекровь головную боль лечила отваром из шишек. Нужно нарвать для Пети. Заглянула в сарай. Радость так радость – Иван очнулся.

– Где я? – Чуть слышно спросил он.

Что ответить ему?

– Считай, дома, сынок, – как можно мягче ответила она.

– Вы кто?

– Прасковья Захаровна. Я, сынок, нашла тебя в лесу, после боя. Ранило тебя. В избу не смогла занести, тут положила.

– Где остальные?

– Убили их. Всех.

Раненый закрыл глаза и попросил пить. Дала несколько глотков чистой воды, потом глоток отвара. Он поморщился.

– Ничего, сынок, горечь не беда. Водички больше нельзя, потерпи. Часок. Потом ещё дам. Ты поспи пока.

Она погладила его по голове, он вздохнул и уснул.

Прасковья не утерпела, чтобы не поделиться радостью с другими своими сыночками. Те тоже обрадовались, Петя заулыбался. Был он круглолицым, конопатым, густая щетина напоминала по цвету лисий хвост. Прасковья всегда задер-

живала взгляд на его бороде и немного грустнела. Сергеем не осталось это не замеченным. До войны он работал учителем труда в детском доме и привык оценивать настрой своих подопечных.

– Мать, – он только так теперь называл Прасковью Захаровну, – Петя вам кого-то напоминает? – отложив в сторону пустую миску, спросил он.

– Кота.

Сергей посмотрела на товарища и переспросил:

– Кота?

– Рыжего кота, – повторила она. Ей бы нужно уйти, но сил нет. А здесь появилась причина задержаться. Она присела на лежак, приготовленный для Ивана.

– Был у нас в лазарете рыжий кот. Мать его жила с выводком в подвале. В руки не давались. Дикие. Сестры милосердия подкармливали семейство, лекарь ругался, но не сильно, мышей ловили исправно. Рыжий котёнок стал приходить на крыльцо, сядет и по сторонам смотрит, прозвали его Рыжиком. Приглянулась ему старшая сестра милосердия Мария Александровна. Все её любили: добрая, слова плохого не скажет. Бывало, возьмёт и давай мыть полы, я ей «Как можно!», а она «Вы, Прасковья Захаровна, устали, я же отдохнула». Она всех уважительно называла, и меня тоже. Кот подрос, и как только Мария Александровна выйдет на улицу воздухом подышать – он к ней, сядет рядом и сидит, но в руки не даёт. Потом заметили: если на крыльчке Рыжик, значит, новых раненых везут. Смеяться стали: «Рыжика нет, сегодня раненых не будет». Потом, когда все закрутилось, – Прасковья вздохнула, – одним словом, Мария Александровна из лазарета ушла. И Рыжик пропал. Был кот, каждый день видели, а тут нету. – Она опять вздохнула. – Он мне иногда снится. Вот когда вы ко мне пришли, тоже снился. – Она задумалась.

– Хотелось бы мне узнать, куда делся Рыжик, и что стало с Марией Александровной. Ладно, посидела отдохнула. Уйду на часик, вас закрою, Вы тут не шумите.

* * *

Шишки для отвара желательны зелёные, но кабы знать, что нужны будут, разве она не запаслась бы? Но всё равно, шагая по рыхлому снегу, она то и дело принималась:

– Голова пустая! Сколько раз ходила, то за ягодами, то за грибами, нет бы глаза поднять. Увидала и, глядишь, вспомнила бы.

Набирать шишки на опушке не стала, хотя углубляться в лес не хотелось. Была она человеком много повидавшим и оттого ставшим не впечатлительным, но в ряд уложенные пять красноармейцев стопудовым грузом легли на её материнское сердце. Сколько теперь по русским лесам таких сыночков лежит? Трепет наткнуться на такую находку и не пускал в когда-то знакомый и почти родной лес.

Чуть продвинувшись с опушки, она принялась рвать шишки. Но, как правило, всё находилось выше, чем она могла достать и, переходя от ёлки к ёлке, не заметила, как зашла достаточно далеко.

Корзина, плетёная для маленького внука, полна, пора домой.

– Здравствуйте! – Словно из-под земли дорогу ей загородил в обожжённой в нескольких местах шинели человек – на голове гражданская ушанка, через плечо винтовка.

От неожиданности Прасковья перекрестилась и чуть не выронила корзину.

Взгляд у незнакомца настороженный и в тоже время какой-то беззащитно-виноватый, так на неё смотрел старший сын, когда, набедокуривши, приходил к ней виниться.

– Здравствуй, сынок.

– Вы из деревни. Немцы там есть?

– Есть. Куда ж они денутся. – В её голосе прозвучал упрёк, так, во всяком случае, незнакомцу показалось, и он, опустив голову, чуть слышно спросил:

– Мать, а хлебушка у тебя нет?

– Нет, сынок. – Прасковья осмелела. – Ты здесь один или как?

Из-за дерева показался красноармеец в почти чистой телогрейке и зелёной, выдавшей вида фуражке, следом – другой в шинели.

– Что ж вы здесь делаете?

– Партизанам. – уверенно прозвучало из-за спины Прасковьи.

Она оглянулась. Опрятно подтянутый, в кожаной, как у лётчиков, куртке сероглазый парень смотрела внимательно и твёрдо. По выправке, тону в голосе, Прасковья определила – командир.

– В каком доме располагаются немцы и сколько их?

Прасковья рассказала. Её внимательно выслушали, поблагодарили.

– Мать, а зачем тебе шишки? – поинтересовался появившийся перед Прасковьей первым.

– Для отвара. Голову лечить.

Партизаны переглянулись

– От гноя и жара какой отвар? – последовал вопрос.

– Сынки, говорите всё без утайки.

– Раненый у нас, – начал в кожаной тужурке, подумал и добавил: – Раненые.

– Сколько?

– Трое.

– Далеко от сюда?

– Нет.

– Где ж они лежат? – Прасковья знала, никакого пригодного для жилья строения поблизости нет.

– Шалаш соорудили.

– Мороз же?! Значит, так. Ты, видать, командир у них? – строго спросила Прасковья и, не дождавшись ответа, властно продолжила: – Пускай, кто пошустрее, со мной идёт, дорогу покажу, получится засветло – вынесу картошки и грибов солёных, ничего другого нет. – Она задумалась. – Нет, засветло не получится, в соседнем доме немцы. К полночи придёте, а я покамест к подруге схожу. Может, у ней что из еды найдётся.

– Не выдаст? – насторожился в кожаной тужурке.

– Кто выдаст, про тех я знаю, а у ней сын и два внука на фронте. А раненых несите ко мне.

* * *

Унтер-офицер Велтен Мелцер с тревожным чувством покидал опостылевшую деревню. Что ждёт его подразделение на фронте? Заверения господина оберст-лейтенанта оказались голословными. Наступление затормозилось, и выпивка шампанского за победу немецкого оружия откладывается на неопределённое время.

Мелцеру больше всего осточертел мороз. Стоит выйти на улицу, как перехватывает дыхание, про ноги и говорить не приходится. В кабине грузовика от радиатора чуть теплее. Он покосился на водителя и с сожалением подумал об оставленном в доме ватном одеяле.

Непонятный звук. Водитель уткнулся в руль. Мелцер, выхватывая пистолет из кобуры, на ходу выпрыгнул из грузовика и, не прицеливаясь, начал палить в сторону леса. Брезентовый кузов грузовика горел. Кто-то из солдат отстреливался, кто-то уже лежал на окровавленном снегу.

Мелцер увидел, как из леса показались партизаны, и успел подумать: «Какая рыжая борода у этого Ивана».

Прасковья Захаровна Каретникова, жительница села Риза Вяземского района Смоленской области, осенью-зимой 1941 года выходила 14 раненых солдат Красной Армии, устроив в своём доме подпольный госпиталь. Все солдаты после выздоровления ушли через линию фронта или в партизаны.

Прасковья Захаровна умерла в 1942 году на оккупированной территории.

Нина САНИЦКАЯ

(28.01.1925—12.11.2022)

Нина Ивановна Саницкая (28.01.1925 – 12.11.2022) – поэт. В совсем юном возрасте познала, что такое война. На войну ушла добровольцем. Награждена военными наградами: орден Отечественной войны 2 степени; медаль Жукова; медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др. В мирное время долгие годы работала в типографии «Гудок». Посещала литобъединение «Магистраль» в Центральном доме культуры железнодорожников (ЦДКЖ). Была членом МГО Союза писателей России. Награждена: Литературно-общественной премией «Золотая осень» им. С.А. Есенина с вручением одноимённого ордена; Памятной медалью «А.С. Грибоедов»; Дипломом «За верность отечественной литературе с вручением медали «И.А. Бунин (1870–1953)» и др. Автор пяти поэтических книг. Печаталась в периодических изданиях, в том числе в сборниках произведений московских писателей-фронтовиков, посвящённых 65-летию и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

СПАСИБО, ПАМЯТЬ...

* * *

Случается такое – как недуг.
Тогда взываю к помощи единственной:
– Яви мне, память, гордых и воинственных,
Ремнями перетянутых подруг!

Раздвинь неумолимые года...
Тот берег охраняется зенитками.
Навстречу им огромными улитками
Ползут дымы, не ведая куда.

Земною пахнут горечью они.
Давно другие позабыты запахи...
И с берега восточного огни
Спешат на берег чёрный, берег западный,

Вдоль моста растянувшись на версту.
И мост тот охраняется зенитками,
И озаряется он изредка улыбками
Подруг моих, стоящих на посту.

Тоскую по глазам их, по рукам...
Усталые, мы встретимся за ужином.
И ложек алюминиевых дюжина
Потянется со звоном к котелкам.

Но будет миг:
 как паутинки нить,
Коснётся слуха девичье молчание,
Как будто распустилась роза чайная
И невозможно слова обронить.

И невозможно пить, и невозможно есть.
Молчание, на стон скорей похожее.
Но словно утро, раннее, погожее,
Оно во мне – спасибо, память, – есть!

МАТЕРИНСТВО

1

Что кануло, то походя не тронь –
Суждений прежних, преклонений...
Но перед женщиной, в ком вечности огонь,
Как мы не встать посмели на колени?

Как мать могли мы в ней не разглядеть?
Шинель накинувшую на себя, ушанку,
Так высоко сумевшую взлететь, –
Ни самолёту не настичь уже, ни танку.

Но, уподобясь осуждающей толпе,
Мы не слышали одной ей ведомого зова.
Мы думали: «Неужто по тропе
Не больно ей нести клеймо позора?»

Зачем понадобилось ей влезать в шинель,
На плечи взваливать нелёгкий груз погон?
Не для того ли, чтобы спрятать цель –
За маленькой страстишкой в погоне,

Когда одна владела всеми цель –
Смертельный клин таким же выбить клином,
Остался б только край родимый цел
С берёзами и клином журавлиным».

Мы думали: «О Господи, какой позор!
Ложится тень на всё девичье войско...»
А как был страшен политрук и зол:
«Так вот оно – то яблоко румяное в авоське.

То, сорванное тайно с древа зла...»
Но живота круглилось полукружье.
И женщина во всеоружье шла,
Хотя и старшине сдала своё оружие.

Одна потёртая и старая на ней шинель.
И снят ремень, живот раздвинул полы.
И взгляды, взгляды следом, – как шрапнель,
Ухмылки в спину, – как штыков уколы.

Я тоже гнев испытывала там,
Глядела вслед со всеми, негодуя.
Со всеми шла незримо по пятам.
Но как с собою – прежней – не в ладу я.

2

Отрезаны, позаросли назад пути.
Не дай туда нам, Боже, возвращенья.
Но где её, чтоб на колени встать, найти,
И попросить, как мать у матери, прощенья!

Сказать: «Несовершенен мир земной, жесток.
Но материнство женщиной повелевает каждой.
И лишь любви пронзительный глоток
Способен утолить мучительную жажду.

Испить его хоть раз бы на веку..
Одежды о штыки и жерла обрывая,
Ты потянулась жадно к роднику,
Как ягода, зардевшаяся, заревая.

Прильнула. Разве в том твоя вина,
Что сыпались не бомбы сверху – поцелуи
С горячих и желанных губ, как семена
На землю, жадную до жизни и сырую,

Готовую из семени взметнуть росток...
Не вынося пороховой и дымный запах,
Ушла ты, тяжело ступая, на восток.
И багровел и клокотал от злобы запад,

Что уносила жизнь из лап его в века...»
Нет-нет, я встречу, я найду её, узнаю.
Дымы светлели, превращались в облака.
Она по ним ступала, неземная.

3

Так над землёю высоко взлететь!..
Смотрели люди. Не дышали: «Богоматерь!..»
Что думал он, дерзнувший кисть воздеть,
Что знал, когда холста коснулся кистью, мастер?

Откуда столько в нём явилось сил?
Что чувствовал в тот миг далёкий сердцем,
Когда её над миром возносил –
Мать человеческую – у груди с младенцем?*

Печальная, она идёт по облакам.
Трепещет покрывало, словно парус.
И люди, благодарные векам,
К ней руки простирают, улыбаясь.

* Имеется в виду картина Рафаэля Санти «Сикстинская мадонна».

И люди ждут столетия подряд,
Когда она ногой на землю ступит,
Где мудрецы над книгами мудрят,
Слова толкут, рай обещая, в ступе.

А люди знают, что такое ад.
Не надо рая им, им только бы покоя.
Им страшно глянуть в прошлое, назад.
Покой? Они забыли, что это такое.

На лицах ожидания печать.
Ревут аэродромы, космодромы.
Пытаются тот рёв перекричать
Новорождённые под крышами роддомов.

Надежды те дома в себе таят.
Там вечный зайчик солнечный на окнах.
У окон матери с младенцами стоят,
Как на не созданных пока ещё полотнах.

* * *

Мой мозг как беспристрастный объектив.
Он разностями всякими напичкан.
Вот и она в мой просится актив –
В окошко постучавшая синичка.

И хочет пониманья и любви,
Не признавая никакой границы...
Добиться пониманья меж людьми
Куда труднее, милая синица.

Порой меня охватывает страх:
Что значу я с порывами благими
На тех животорпещущих весах,
Где мир пытается уравновесить гири?

Все помыслы мои несущу добру
(Вопрос лишь в том – какие миллиграммы),
Когда спешу в заботах поутру
Или в строке оттачиваю грани.

Задача, понимаю, нелегка.
Да вот опять прокаркал хрипло ворон.
И сразу вздрогнула моя рука.
Заговорил во мне, как прежде, воин.

Заговорил знакомо из глубин...
Мы в памяти с ним и поныне носим
Наш
 в сорок пятом
 сданный карабин.
Напомню номер –
 двести
 двадцать
 восемь.

ПРИВАЛ

Друзьям военных лет

1

Редеют ряды ветеранов.
Всё реже их, реже следы.
Редеют – и поздно иль рано –
Последний покинет ряды.

Вы, вслед ему глядя, поплачьте.
Он жил средь трагедий и драм
На этой земле. А пока что:
«Привал!» – пронеслось по рядам.

«Привал!» –

до меня, как волна, докатилось,
И сердце застало врасплох, и строку..
«Привал!» –
будто благо иль высшая милость
Идущему денно и ночью стрелку.

«Привал!» –

долгожданному рада привалу.
В дороге и впрямь без привала нельзя..
Седому поклон отдаю генералу.
Ему козыряют седые друзья.

Он сам пожимает ладони нам просто.
Лампасы алеют в вечерних лучах.
Держать так легко все свои девяносто
Непросто, как видно, ему на плечах.

Ему этих лет, как котомку, не сбросить,
Какие пути впереди ни стели..
И девочка рыжеволосая просит
Войны поколение сесть за столы.

Восторга исполнена и поклоненья,
Загадка – сама и сама вся – полёт..
Прозрачный дымок моего поколенья
Над нею – красивой и юной – плывёт

Туда, где туманы укутали дали
И где приутих над могилами гнев..
Звонят вдоль столов мелодично медали,
О грани стаканов случайно задев.

2

Впритирку сидят вдоль столов командиры.
И с ними солдаты бок о бок сидят.
Сдирают с картошки горячей мундиры
И, солью посыпав, картошку едят,

Как там, на дорогах тех пройденных, ели,
На землю поставив меж ног котелки.
Стояли над ними, как матери, ели
И сверху задумчиво, молча глядели,
Ни звука не смея подать, ни руки...

Седые сидят вдоль столов ветераны.
Светло-пресветло вдоль столов от седин.
Однажды (случится ведь) – поздно иль рано –
Сидеть здесь, как перст, будет кто-то один...

Пока ж деловой, в стороне от «Привала»,
Всесильный мудрит с поварами завком.
Уже на столах – современный приварок.
И сдержанным веет пока говорком.

Нет, не под прямой, как бывало, наводкой.
Не каркает, клювы раскрыв, вороньё...
Сверкают стаканы. И русская водка
Творит уже доброе дело своё.

И говор, и гомон растёт понемножку.
И голос хмельной, над столом покружив,
Басит нараспев:
– Понимаешь, Алёшка!
Не верю опять я глазам, что ты жив.

Сам видел: где встал ты с гранатой – воронка.
В воронке той нынче – зелёная тишь.
В шкафу у жены – вся в слезах – похоронка,
А ты среди нас, как архангел, сидишь,

Слетевший с небес, как ни в чём не бывало...
– Бывал, мой дружище хороший, бывал...
Скажи лучше, где запропал запевала?
Без песни «Привал» наш – совсем не привал.

3

Он только и ждал – гармонист – приглашенья,
Чтоб песню, как птицу, пустить впереди.
Гармонь развернул. Голосистая шельма
Прильнула к широкой солдатской груди.

Забилась послушно в руках гармониста.
(Ах, как постарел с той поры гармонист!)
И падают, падают жёлтые листья,
Кружится и медленно падает лист.

Слетает, совсем невесом и неслышен,
В лесу, на привале, слетает с берёз...
Играй, гармонист, выводы, да не слишком,
Не надо тревожить до боли, до слёз.

Друзьям фронтовым нелегко возвращаться
Туда, где остались подруга и друг...
И девочка, полная жизни и счастья,
Качнулась легонько и вышла на круг.

4

Такая, разэтакая да сякая,
Играй по-иному, певунья-гармонь!..
И воздух бочком, как волну, рассекая,
Плясунья ладонью стучит о ладонь.

Стучит каблучком о каблук акселератка
Себе и летящему времени в ритм.
По-девичьи лёгкая, рыжая прядка
Над бровью крутую, как пламя, горит...

Не выдержит кто-то, хоть лопни, хоть тресни.
Не хватит для этого воли и сил.
Такой же плясун, весельчак и ровесник
Поклоном свой выход принять попросил.

Не дрогнув, прошёлся пред нею по кругу,
Загадочен тоже, высок и лобаст.
Отдаст он рубашку последнюю другу.
Её – никому никогда не отдаст.

В полёте себя опустил на ладони,
Вприсядку промчался, присев на мыски...
И сколько же скрыто в обычной гармонии
Огня колдовского, мечты и тоски!

5

И сколько же скрыто в гармонии такого –
Вернёт даже то, что давно потерял...
Ему бы покоя, ему бы покоя –
Да вот он не выдержал – сам генерал.

Навстречу поднялся знакомому звуку.
Что ж, может, последний его – этот вальс...
Но Боже! Ко мне простирает он руку:
– Прощу! Этот танец старинный для вас!

И всю обдаёт меня холодом, жаром.
Икону готова в уста целовать,
Чтобы спасла. Ни с каким генералом
Во веки веков не пришлось танцевать

Ни тёткам, ни бабкам любого колена –
Во всём материнском, отцовском роду...
Какие тут могут быть «па» и «колена»?
Какие «пассажи»? И всё же иду.

Ладонь подаю. Улыбаюсь невольно.
Едва генеральских касаюсь погон.
Навстречу несутся «Амурские волны»
От ветра, от бури, от диких погонь.

В лицо ударяют незримые брызги.
То слышится голос, то целый хорал.
Земля и пучина... по краешку жизни
Ведёт осторожно меня генерал.

Земля и пучина...
– Скажите: доколе?
Ни сердцу постичь не дано, и ни уму...
– Земля, как корабль, что не знает покоя,
Где вместе плывём мы, не по одному.

– Уже до предела натянуты тросы...
– Но чтобы не лопнул под бурями трос,
На то и корабль, чтоб не спали матросы...
Да вот он спешит мне на помощь, матрос...

В лицо ударяют незримые брызги.
То слышится голос, то целый хорал.
Несут меня волны по жизни, по жизни.
Простите! Прощайте, седой генерал!..

* * *

*Стихи написаны после прочтения Михаилом
Матусовским на поэтическом вечере своей поэмы
«Голоса Равенсбрюка»*

Горит он – вечной памяти огонь.
Как для огня священного полено,
Вы положили перед нами на ладонь, –
Рождённую в бессонницах – поэму.

И начали читать.
Был страшен час.
И наши лица искажала мука,
Когда звучал Ваш голос и на нас
Глядели женщины безмолвно Равенсбрюка.

Вы называли их по именам
И номера произносили узниц.
И шли они поочерёдно к нам,
Ни троп не признавая и ни улиц.

Вам Муза помогла воздвигнуть мост.
И, проступая медленно сквозь стены,
Качались перед нами в полный рост
Их лёгкие, в лохмотьях полосатых, тени.

Обезображенные стрижкой наголо,
Они в пространство простирали руки.
Молчанье их взывало и звало –
Не повторить веками Равенсбрюка.

Тамара ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – поэт, прозаик, переводчик. Родилась в Иркутской области. Член МГО Союза писателей России, член Клуба писателей Центрального дома литераторов, кандидат исторических наук, доцент. Автор шести сборников стихов, двух книг прозы, сборника поэтических переводов стихов непальских поэтов, книжечки для детей и двух музыкально-поэтических альбомов. На стихи Тамары Потёмкиной написано свыше 40 песен. Стихи и рассказы автора, а также переводы произведений болгарских, непальских, чеченских, ингушских и дагестанских поэтов опубликованы в многочисленных сборниках, в журналах «Великороссъ», «Невский альманах», «Новые витражи», «Московский вестник», «Камертон», альманахах «Золотое руно», «Москва поэтическая», «Славянская лира», «Святыни сердца» (Луганск), в луганских сборниках из серии «Специальная вербальная операция “Культура спасёт мир”», «Айсберг в пустыне» (ДНР, Горловка), антологии патриотической поэзии СПР «За други своя», газете «Московский литератор» и др. Победитель и лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов и премий. Обладатель литературных наград.

Живёт в Москве.

СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ

Очерк

(Основано на реальных событиях)

Шёл 1924 год. В семье Василия и Агриппины Шапошниковых ожидали первенца. В том, что это будет именно сын, Василий не сомневался. Он уже час ходил возле избы, нервно курил и прислушивался к тому, что происходило в доме. Наконец, раздался крик младенца. Василий рванул на себя дверь избы, но войти не удалось: дорогу преградила дородная пожилая соседка тётя Глаша.

– Куда прёшь? – грозно спросила она, – Дай жене прийти в себя. Погуляй чуток.

– Кто, скажи, кто родился?! – в нетерпении прокричал новоиспечённый папаша, стараясь просунуть голову в комнату, но соседка стойко держала оборону.

– Не лезь, говорю. И не дергайся зря, не пуцу! – но увидев его волнение, разулыбалась и торжественно объявила:

– Казак! Хорошенький такой, крепенький! И орёт, как генерал!

Счастливый папаша как ошпаренный выскочил из дома и, добежав до берега Волги, раскинул руки и закричал во всё горло:

– Сын! Слава Богу, сын!

Вдоволь накричавшись, Василий опустил руки и застыл. Перед ним гордо несла свои воды матушка-Волга, её величавое течение успокаивало. Село Никольское, в котором жила молодая пара, располагалось на правом, высоком её берегу, и отсюда было далеко видно русло реки с лодками местных рыбаков, редкие деревеньки на противоположном берегу, просторные заливные луга. Синее безоблачное небо и жаркое июньское солнце дополняли картину. Василию показалось, что сама природа ликует вместе с ним. Постояв немного на берегу, молодой

мужчина повернулся и засобирался домой. И первое, что бросилось ему в глаза, была известная во всей округе церковь. Храм был построен лет тридцать пять тому назад в честь Рождества Пресвятой Богородицы. В отличие от первых двух деревянных церквей, ушедших под воду Волги, новый храм был кирпичным, стоял подальше от берега могучей реки. Первоначально он был задуман как двухпрестольный – в честь Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца. Однако рыбаки села Никольское решили сделать храм трёхпрестольным и освятить придел в честь Святых первоверховных апостолов Петра и Павла, которые считались покровителями рыбаков. Это был самый большой православный храм в Поволжье. Здесь они с Агриппиной венчались. «Здесь надо будет и сына окрестить», – подумал Василий и решил, не откладывая дело в долгий ящик, сегодня же договориться о предстоящем таинстве.

Несмотря на то, что в стране уже активно развернулась атеистическая пропаганда, в Никольском прихожане по-прежнему ходили на службу, причащались, исповедовались, крестили детей и поминали усопших. Местный батюшка служил здесь уже не первый десяток лет. Этот крупный, немолодой мужчина с красивой серебряной от седых волос бородой обладал в селе непререкаемым авторитетом. Он знал почти всех своих прихожан, с ним они делились и радостью, и бедами. А семья Василия была у него на особом контроле. Когда-то он был дружен с его дедом. Тот не раз с гордостью рассказывал о своих предках, ставших свободными задолго до отмены крепостного права. Дело в том, что в 1803 году из Курской губернии сбежали от помещика Шереметьева 23 семьи крепостных, среди которых были и Шапошниковы. Шереметьев, узнав о месте пребывания своих беглецов, требовал возвращения их через суд, но пока производилась переписка, крестьяне по Манифесту правительства остались здесь навсегда. Каждый раз рассказ заканчивался демонстрацией иконы Петра и Февроньи, привезённой в Никольское в то далёкое время и бережно хранившейся потомками переселенцев. В Храме такой иконы не было, и батюшка не раз просил передать её для всеобщего поклонения, но ответ всегда был отрицательным:

– Не обижайся, святой отец, не могу я. Это наша семейная реликвия. Матери обещал беречь её и передать старшему ребёнку, когда он или она обретут спутника жизни. Если уж на чьё-то венчание или другое важное семейное событие понадобится, могу принести на время службы, но навсегда отдать не могу, не сердчай.

Когда Василий пришёл к батюшке со своей просьбой, тот искренне поздравил молодого отца. Они договорились о времени крещения, а на прощание батюшка напомнил:

– Икону-то вашу семейную не забудьте.

– Как можно без неё? Без её благословения ничего важного в семье не предпринимается. Она у нас на почётном месте висит.

Он не мог тогда и подумать, что так будет не всегда. Атеистический угар доберётся и до Никольского, храм закроют, а икону придётся убрать с видного места...

Ну а пока счастливый и довольный собой Василий шагал домой на встречу с любимой женой и сыном.

Первенца назвали Борисом. Позже в семье появилось ещё четверо детей, а когда у брата Василия случилась беда и его дочка осталась одна, приютили и её. Так и жили большой дружной семьёй. Родители много работали: мать – дояркой, а отец – механизатором в колхозе. Да и в своём хозяйстве хлопот хватало. Дети помогали во всём. Очень любили, когда отец брал их на рыбалку. Это было не только увлекательное, но и полезное занятие: возвращались всегда со знатным уловом – хорошей добавкой к их простой еде. Когда мальчишки подросли, бегали рыбачить и без отца. Особенной любовью у них пользовалась рыбалка в займище. Это место образовалось несколько сотен лет назад. Тогда русло Волги у села Никольское проходило с севера на юго-восток. Затем оно изменилось. Теперь Волга протекала с запада на восток. Там, где когда-то было старое русло, образовалось займище, или пойма, а старый берег Волги, на котором возникали села, превратился в отлогие горы. Во время половодья все займище затоплялось, превращаясь в необозримое море, среди которого, словно островки, виднелись макушки деревьев дальних садов и ветловых рощ. После спада воды займище, словно ковром, покрывалось цветущими луговыми травами,

высотой до колен человека. Среди этих луговых трав было множество озёр и речушек с разнообразной рыбой и дичью, которые являлись большой удачей для любителей – рыболовов и охотников. Сколько радости и азарта испытывали мальчишки, когда в их бредешки попадались сазанчики и раки!

Жизнь текла своим чередом. Дети росли, учились в школе, вступали в пионеры, становились комсомольцами. Как и все их сверстники, в школе они воспитывались атеистами, но никто никогда не осмеливался спорить с матерью о существовании Бога, да и она не особо пыталась навязывать им своё мнение. Время было такое. Дети знали, что по вечерам мама молится у себя в спальне, видели среди других икону с двумя фигурами, женской и мужской, привыкли, что эту икону она всегда брала с собой, когда они уезжали на сельхозработы на другой берег Волги, но особого интереса к ней не проявляли. Впервые Агриппина открыто достала икону, когда началась война и Василий отправлялся на фронт.

– Вот, дети, – пояснила она. – Это – наша семейная реликвия. Она охраняет нас от зла, болезней, ссор. Этой иконой нас с отцом благословили его родители и всех вас благословляли на крещение. Привезли её в давние времена предки отца, когда сбежали от барина. Молились, чтобы он не смог вернуть их обратно. Так и вышло. Святые на иконе – Пётр и Февронья. Знаю, что жили они в благости и умерли в один день. Многим помогали, многих спасли.

Затем повернулась к Василию:

– Позволь, Василий, перекрестить тебя. Поцелуй икону. Пётр и Февронья сохранят нашу семью в целостности, не дадут тебе сгинуть в боях. Я очень в это верю.

Муж послушно поцеловал икону, поглядывая на детей – не осудят ли? Но они стояли серьёзные и притихшие, словно тоже верили в чудотворную силу семейной реликвии и надеялись, что она спасет отца от смерти.

За старшего в семье остался Борис. Он окончил девятый класс и, как все его сверстники, мечтал поскорее попасть на фронт, но таких молодых не брали. В 1942 война подобралась

совсем близко к родному дому. Боря наспех сдавал экзамены за десятый класс, когда Никольское бомбила немецкая авиация. В районе села была организована переправа через реку, и фашисты сделали её своей очередной целью. Волга горела от пролитой нефти, вниз к Каспию проплывали разрушенные корабли с трупами на борту. Но страха не было, только желание отомстить и разгромить врага. На фронт он попал в июле 1942 года после короткой подготовки. Борис так вспоминал отправку на фронт*:

– Нас, призывников, погрузили на баржу для отправки в Астрахань, где готовились резервные части для Сталинградского фронта. Помню, это было вечером. На берегу Волги у причала собралось всё село – с грустью провозжали мальчишек на фронт. Младшие мои сёстры и брат окружили маму. Она еле держалась на ногах и не могла скрыть слёз: «Ну, сынок, ты, наверное, больше не вернёшься...» А я лишь ответил: «Как же не вернусь-то, мама...». Вот так и поплыли мы на этой барже на войну. Мне было всего восемнадцать лет.

Их обмундировали, обеспечили всем необходимым и распределили в уже сформированные части. В сентябре – октябре 1942 года с ними проводили занятия по боевой подготовке. Изучали тактику боя, стреляли, бросали гранаты в цель. В конце октября Борис принял воинскую присягу и стал красноармейцем 889-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии. Был получен приказ совершить многокилометровый марш в район юго-восточнее легендарного города с задачей вступить в бой. Шли день и ночь по калмыцким степям. На подступах к Сталинграду неоднократно подвергались авианалётам противника, открывали огонь по самолётам и снова шли на указанный рубеж. 23 ноября 248 стрелковая дивизия совместно с другими соединениями вышла севернее населённого пункта Яшкуль, а

* В рассказе о Б.В. Шапошникове использованы материалы из личного архива ветерана, публикации в журнале «Тема», газетах «Брянский перекрёсток», «Брянские известия», «Комсомольская правда», материалы пресс-центра правительства Брянской области, авторской телепередачи Алексея Хотяновского «Всё, что было» на телеканале «Брянская губерния», личные рассказы Бориса Васильевича.

27 ноября все части ударной группировки перешли к обороне на внешнем кольце окружения немецко-фашистских войск под Сталинградом. И там же группа немецких армий под руководством фельдмаршала Манштейна стремилась деблокировать окружённую в Сталинграде армию фельдмаршала Паулюса. Бились они до конца декабря 1942 года, пока войска Манштейна не были опрокинуты в сторону Ростова и группировка фельдмаршала Паулюса не оказалась в сталинградском «мешке».

Много позже, отвечая на вопрос корреспондента одной из газет, страшно ли было ему, мальчишке, попавшему на фронт прямо со школьной скамьи, Борис скажет:

– Глупо говорить, что страха не было, я же живой человек, а не машина. Но мы шли в атаку, не думая, что нас может сразить пулей. И рядом частенько приходилось слышать слова: «Мама!» и «За Родину!». Для нас это было едино.

В Сталинграде Борис Васильевич получил своё первое ранение. После госпиталя его направили на Южный фронт. Вспоминая возвращение на фронт, он рассказывал:

– Мы ехали по сожжённой и разорённой земле, мимо сёл, от которых остались только печные трубы... Донбасс фашисты старались удержать. Оставление его и центральной Украины повлекло бы к утрате угля, продовольствия, аэродромов.

Ранен он был трижды, но ни разу не простуживался. Видимо, организм максимально мобилизовал силы для самосохранения. А ещё, как отмечал Борис Васильевич, многое зависело и от самого бойца:

– Один не поленится, портянки перематает и пойдёт в бой с сухими ногами. А другой – сутки с мокрыми ногами провоюет и заболит. Сапёрная лопатка – добрый друг солдата. Первое, что нужно сделать при перемене позиции, – окопаться. Не важно, рыхлая под ногами земля или промёрзшая, необходимо сразу же вырыть углубление, чтобы спрятать голову. Остальное – подождёт. Как-то лежал я в госпитале, к нам пришёл корреспондент и говорит: «Почему у вас у всех тут руки-ноги раненые?!» А ему отвечают: «А те, кому в голову попало, там и остались...»

С 1944 года Шапошников Б.В. командовал стрелковым взводом, затем взводом разведки. Воевал в составе Сталинградского, Южного, 1-го Прибалтийского, 2-го Белорусского фронтов. Победу встретил в Кёнигсберге (нынешний Калининград). Какое же это было счастье! Всеобщее ликование, гордость за советскую Армию, за весь народ! Правда, как поётся в известной песне, праздник был «со слезами на глазах». Миллионы людей отдали свои жизни за эту Великую Победу. Вечная им память и слава! Позже, уже в наше время корреспонденты не раз спрашивали его, как можно охарактеризовать войну. Вот, один из ответов:

– Война – это напряжённый 24-часовой труд, связанный с работой лопаткой, стрельбой по противнику, маскировкой, перебежкой. Важно хорошо знать своё оружие, постоянно его проверять. Важно ценить фронтовую дружбу – она многим спасала жизни. Важно думать не о спасении собственной шкуры, а анализировать действия врага. Важно во всём до конца оставаться человеком. И это, возможно, дарует солдату шанс вернуться домой.

Домой Борис попал в 1946 году. Самого дома, правда, уже не было. 21 августа 1942 года, через месяц после его ухода на фронт село было почти полностью уничтожено в результате налёта немецко-фашистской авиации: бомбардировка вызвала пожар, в котором сгорело более половины жилых и хозяйственных построек села. Родные обитали в землянке. Перед тем, как войти в жилище родителей, Боря достал из вещмешка китель с прикреплёнными на груди наградами и переоделся. Награды (три ордена – Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной войны степени, а также многочисленные медали) засияли под ярким южным солнцем. Бравый офицер немного волновался, ведь он больше четырёх лет не видел родных. Наконец, собравшись с духом, решительно шагнул в землянку. После яркого уличного света здесь было темновато, но он сразу увидел маму. Она стояла спиной ко входу и что-то стряпала. Оглянувшись, когда братья и сёстры радостно закричали:

– Боря вернулся, ура! Брат дома! Живой!

Они окружили Бориса, каждый стремился обнять и расцеловать брата, рассмотреть его награды, но он ласково, но решительно остановил их и сделал шаг в сторону мамы. Агриппина Тимофеевна застыла как вкопанная. Она произнесла, словно выдохнула:

– Сынок...

И тут же упала в обморок. Когда пришла в себя, тихо плакала и всё время повторяла:

– Я верила, Боря! Я молилась, чтоб ты вернулся с войны! Пётр и Февронья помогли, сохранили нашу семью: все живы, все дома. Счастье-то какое!

Она была уверена, что именно её молитвы защитили в войну и мужа, и сына.

Короткая побывка закончилась, Борис засобирился обратно на службу. Он навсегда связал свою жизнь с армией. Перед расставанием мама предложила сыну забрать с собой их семейную реликвию – икону Петра и Февроньи:

– Ты, сынок, теперь совсем стал взрослым. Забери икону. Так в нашем роду принято – передавать её старшему ребёнку. Она защитит тебя от лихих людей, от несчастий, от зла.

Но сын отказался.

– Нет, мама, пусть икона пока у тебя останется. У меня и дома своего нет. Где я её в казарме держать буду? Вот заработаю денег, поставим вам с отцом новый дом, там она и найдёт своё место. Лучше ты пока сама молись святым обо всех наших.

Агриппина подумала и согласилась:

– Хорошо, Боря, но обещаю тебе, что как надумаешь жениться, то привезёшь невесту познакомиться. Мы с отцом благословим ваш будущий брак, чтобы всю жизнь вместе прожили и были счастливы, как Пётр и Февронья. Ну а икону заберёшь, когда сам захочешь.

На том и порешили.

Старший сын уехал, и началась его долгая офицерская служба. Через некоторое время он получил звание капитана и поступил в военную академию в Калинин. Учился хорошо, с большим интересом. Жадно читая учебники по военному искусству,

внимательно слушая опытных педагогов, не раз думал: «Вот бы с этими знаниями воевать тогда пришлось, а то до многого приходилось доходить самому». Все эти годы Борис вёл переписку с родителями, был в курсе всех домашних новостей. Как мог, помогал родным деньгами. Это позволило им в начале пятидесятых построить новый дом и переехать из землянки.

После окончания академии капитан Шапошников получил назначение в Забайкальский военный округ, в Иркутск. Иркутск в те годы был промышленным, образовательным и культурным центром Восточной Сибири. Это был растущий, строящийся город с многочисленным молодым населением. Значительную часть молодёжи составляло студенчество. Молодые люди тянулась не только к знаниям, но и к культуре. Иркутские театры (драматический, музыкальный, филармония), семь кинотеатров, дома и дворцы культуры города всегда были наполнены молодыми и не очень иркутянами. Особым местом проведения культурного досуга был иркутский Дом офицеров. Именно здесь и повстречал свою любовь бравый капитан.

Как-то раз вместе с однополчанами Борис пошёл в Дом офицеров. На второй этаж вела широкая парадная лестница. Стоя на самом верху, он перебрасывался словами с друзьями, изредка поглядывая в сторону лестницы. Народу всё пребывало. Внезапно его взгляд остановился на небольшой группе людей, вошедших в просторный вестибюль. Это были мужчина и женщина средних лет, интеллигентного вида с двумя молоденькими девушками. Друзья тоже обратили на них внимание.

– Смотрите, – бросил один из них. – Родители привели двух дочек-красавиц. Наверное, боятся их одних отпускать. Здесь же кругом наш брат, офицер. Думают, наверное, что мы можем обидеть, не знают, что офицеры – сама галантность.

Друзья продолжали шутить, но Борис их не слышал. Его взгляд был прикован к одной из «дочек». Высокая, красивая девушка с тонкой талией величаво поднималась по лестнице. На мгновение Борису показалось, что она плывёт. Он понял, что погиб. «Вот на ней я и женюсь», – пронеслось в его голове. Девушка тоже заметила капитана. Крепкий, стройный, с копной

чёрных кудрей на голове, он так на неё смотрел, что, проходя мимо, она зарделась от смущения. Борис стал лихорадочно думать, как найти повод познакомиться. Решение пришло само собой. В фойе стояло пианино. Капитан решительно подошел к инструменту, открыл крышку, сел, заиграл и запел модную в те годы «Бессаме Муча». Он никогда не учился музыке, но, обладая прекрасным слухом, легко подбирал разные мелодии. Пел он прекрасно. Вокруг молодого офицера собралась толпа почитателей мексиканского шедевра. Закончив пение, он услышал гром аплодисментов и увидел, что совсем рядом с ним стоят родители девушек. Они первыми с ним заговорили:

– Как приятно, что наши офицеры так прекрасно образованы, – начала женщина. – Нам очень понравилось ваше пение. Повезло вашей жене, наверное, вы её частенько балуете.

– Спасибо, но я не женат, – слегка смешался Борис.

– Подожди, дорогая, давай сначала познакомимся, – перебил её мужчина.

Оказалось, что мужчина и женщина – преподаватели университета, а одна из девочек, Мила – их дочь. Молодой офицер им очень понравился, и в глубине души они уже рассматривали его как потенциального жениха Милочки.

– Девочки! Где же вы? – почти прокричала женщина. – Идите скорее к нам!

Девушки подошли.

– Вот, – продолжала суетиться мамаша, – это наша Милочка, студентка университета, а это – Тамара, её сокурсница и подруга.

Каково же было их разочарование, когда они поняли, что дочь не заинтересовала капитана! Он смотрел только на её подругу.

С этого дня Тома заняла в жизни Бориса главное место. На третьем свидании он сделал предложение любимой, но та не спешила с ответом, хотя Боря ей очень понравился.

Тамара училась в Иркутском университете, на химическом факультете. Училась на «отлично», была активной комсомолкой, прекрасно пела, замечательно шила, вкусно готовила. Яр-

кая, красивая, со вкусом одетая, она всегда обращала на себя внимание. Многие молодые люди мечтали дружить с ней. Нравилась она и родителям однокурсников, особенно мамам, которые по достоинству оценивали все её таланты, втайне надеясь, что именно эта девушка составит счастье их сыну. Но Тома никого особо не выделяла среди своих поклонников. Конечно, молодые люди нередко приглашали девушку в кино, театр, на танцы или просто погулять, но ответ зависел не только от её желания. Дело в том, что она жила вместе со старшей сестрой Любой и её мужем Виктором в маленькой комнатке общежития. Девушки были родом из небольшого городка Усолье-Сибирское, где у них жил папа. Мамы не стало, когда младшей дочери ещё не исполнилось восемнадцать лет. Мария Фёдоровна знала, что дни её сочтены, и перед своим уходом взяла обещание с Виктора, что он будет заботиться об обеих сёстрах. Виктор очень уважал тещу. Это была удивительная женщина. В три годика Маруся осталась сиротой. Как она выжила – одному Богу известно. Когда подросла, её взял в няньки один купец. Здесь она выучила грамоту, научилась стряпать, шить, вязать. В 15 лет одна на подводе перевезла все кирпичи для строительства Дома культуры. Сама заработала себе на приданое: перину, подушки, одеяла, а главное – швейную машинку. К шитью у неё был талант. Без всяких выкроек шила любые вещи – платья, костюмы, пальто. Малообразованная женщина, Маруся была по-житейски мудра. За советом к ней ходило полгорода. В доме у Маруси всегда был порядок – к каждому празднику белила стены, на столе – всегда белоснежная скатерть, на окнах – накрахмаленные занавески. А ведь ещё надо было ухаживать за скотиной. Корова Февралька, куры, поросёнок и небольшой огород помогли семье выжить в страшные военные годы. Девочек воспитывала в строгости и трудолюбии. Они помогали по хозяйству, а по вечерам обмётывали швы на солдатских гимнастёрках, вязали специальные варежки с двумя пальцами для стрельбы, шили кисеты для фронта. Иногда они просили маму:

– Мамочка, мы всё работаем, а соседские девочки играют на улице. Можно и нам с ними?

Отпускала она их редко, чаще говорила:

– Время сейчас такое. Они играют, но всё время голодные, а вы – сытые. Да и фронту надо помогать. Может, ваш кисет или гимнастёрка нашему папе попадутся. Он почувствует нашу любовь, поймёт, как мы его ждём, и быстрее прогонит фашистов с нашей земли.

Данное тёще обещание Виктор сдержал. Когда Тамара поступила в университет, они с Любой поселили её вместе с собой. В небольшой комнатке общежития жили дружно. На правах старшего Виктор заботился и о том, с кем общается и куда ходит его свояченица. Так повелось, что он решал, отпустить или нет Тому с тем или иным молодым человеком погулять, в кино или на танцы.

Об ухаживании за ней капитана, прошедшего войну, взрослого мужчины (Борис был старше Тамары на десять лет), Тома стеснялась рассказать своим родственникам. Тем более о сделанном им предложении руки и сердца. Сестра с мужем узнали об этом случайно. Как-то раз в гости пришла та самая Милочка, с которой Тома впервые посетила Дом офицеров, где познакомилась с Борисом. Подружки о чём-то секретничали и всё время смеялись, причём было видно, что этот разговор несколько смущает Тамару.

– О чём это вы шепчетесь? – с интересом поинтересовалась Люба.

Сестрѐнка хотела уйти от ответа, но Милочка опередила её и радостно выпалила:

– К Томе один капитан пристаёт, даже жениться предлагает.

– Что за капитан, почему мы с Витей об этом ничего не знаем? – с укором спросила Люба сестру.

– Да он старый, – парировала Мила, – молодые, красивые девочки за таких замуж не выходят.

– Что значит «старый»? – вмешался в разговор Виктор.

– Ничего и не старый, – обиделась Тамара, – всего на десять лет старше меня. Зато он много повидал, очень образованный и воспитанный человек, а ещё прекрасно поёт.

– Да он тебе тоже нравится, – сделала вывод Люба, глядя на раскрасневшуюся от смущения сестрёнку.

Тамара стала отнекиваться, но получалось это у неё очень неубедительно, что только подтвердило правоту сестры. Позже, когда гостя ушла, они с мужем решили, что надо обязательно познакомиться с этим загадочным поклонником.

Борис им понравился. Он оставлял впечатление надёжного, серьёзного, доброго человека. Родственники одобрили выбор Тамары. Через некоторое время молодые подали заявление в загс, но Борис всё время думал об обещании матери привезти невесту в Никольское до свадьбы. Он не знал, отпустят ли Виктор и Люба с ним молодую девушку. Но те неожиданно согласились:

– Конечно, Боря, поезжайте, – в голос ответили они на его просьбу, – надо обязательно познакомить невесту с родителями. Надеемся, что она им понравится.

Молодые отправились в путь. Хотя Боря успокаивал невесту, она очень волновалась.

Волновались и в далёком Никольском. Дома только и разговоров было о том, какая она, будущая жена Бориса. Отец ворчал на детей:

– Чего обсуждаете зря, вот приедут, сами всё увидим.

Мать молчала, только молилась, прося у Петра и Февроньи счастья для старшего сына.

Молодые приехали вечером. Когда они зашли в дом, вся семья была в сборе. Дом был чисто прибран, на столе стояло угощение, вкусно пахло недавно испечёнными пирогами. «Как у мамы», – подумала Тома. Она была немного смущена, оказавшись в центре внимания. Родственники жениха во все глаза рассматривали гостью.

– Красивая, – услышала она слова одной из сестёр.

– А какая нарядная! – вторила ей другая.

Отец цыкнул на детей и первый подошёл к будущей невестке.

– Василий Гаврилович, – представился он. – Добро пожаловать в наш дом!

– Агрипшина Тимофеевна, – мама Бори приобняла девушку и пригласила её за стол:

– Садись дочка, будем ужинать.

За ужином Тамара познакомилась со всей семьёй. Вопросы сыпались на неё как из рога изобилия. Родители еле остановили этот поток.

– Хватит, – строго сказал отец, – ещё наговоритесь. Сколько времени погостите у нас, сынок?

– Три денька, папа, – ответил Борис, – на третий поздно вечером поедем в обратный путь.

– Не долго, – подытожил отец.

– Что поделаешь, дольше не отпустили. Служба!

Перед сном мать с отцом делились впечатлениями.

– Уважительная девушка, воспитанная, красивая, – шептала Агриппина мужу, – только городская. Сумеет ли хозяйство вести как надо!

– Поживём – увидим, – отвечал ей Василий.

Но, оказалось, волновались они зря. Тамара хоть и родилась в городе, умела многое. Жила она с родителями и сестрой в своём доме с огородом, держали птицу, корову, откармливали поросёнка. Агриппина порадовалась, видя, как ловко и красиво девушка накрывает на стол, вкусно готовит, не боится помочь убраться в стайке. Окончательное одобрение получил выбор сына, когда выяснилось, что невеста умеет шить. На второй после приезда день Тома предложила Агриппине Тимофеевне сшить новое платье. Эта идея была с восторгом встречена сёстрами Бориса.

– Вот здорово! – наперебой закричали они. – У мамы давно не было нового платья!

Но сама Агриппина отнекивалась:

– Да зачем ты будешь на меня силы тратить? Отдыхай лучше. Да и времени для этого совсем нет.

Но Тамара не отступала. Она сняла мерки, вместе с сёстрами выбрала в магазине подходящий материал, и на следующее утро платье было готово.

Агриппина настороженно примерила обновку. Платье сидело на ней как влитое! Увидев жену в новом наряде, Василий искренне воскликнул:

– Вот это мастерица! Ты, мать, даже помолодела!

Вечером Агриппина Тимофеевна поговорила с избранницей сына «с газу на глаз». Рассказала и о семейной реликвии, поинтересовалась, как девушка относится к вере. Узнав, что мама девушки была набожной, водила девочек в церковь, успокоилась. Перед отъездом родители благословили их будущий брак. Но икона Петра и Февроньи по-прежнему осталась в Никольском, поскольку молодым предстояла долгая кочевая офицерская жизнь. За время службы они сменили 14 квартир, семь лет скитались по коммуналкам.

Первым местом службы Бориса после женитьбы стала станция Мирная. Здесь родился сын Алексей. Мальчик рос смыслёным, рано стал говорить. От отца он унаследовал прекрасный музыкальный слух и в два годика знал и исполнял много песен. Когда Бориса перевели в Читу, Тамара засобиравалась на работу. Решили устроить Алёшу в детский сад. Директор садика с сомнением разглядывала красивого, кудрявого карапуза.

– Позвольте, мамаша, – наконец вымолвила она, – вашему сыну, наверное, и трёх лет нет. Мы таких маленьких не берём. Ему отдельная нянька нужна.

– Что вы, – заволновалась Тамара, – мальчику, действительно только исполнилось два с половиной годика, но он прекрасно себя обслуживает: сам кушает, одевается, умеет рисовать и со всем не конфликтный.

– Ладно, давайте проверим уровень его развития, – согласилась директор.

Она задала Алёше несколько вопросов, ответы на которые ей понравились. Малыш отвечал быстро и правильно. Небольшая заминка произошла, когда женщина достала листочки разноцветной бумаги, предлагая ребёнку назвать цвет. Ей показалось, что Алёша замешкался, и она решила ему помочь.

– Ну что же ты, – лаково проговорила она, – наверное, это – красный цвет?

Мальчик с удивлением посмотрел на странную тётю.

– Нет, – решительно ответил малыш. – красного цвета карандаш на вашем столе, а это – нежно-розовый!

Своим ответом Алёша окончательно покори́л директора и был принят в детский сад.

Время шло, Алёша стал учеником. Весь день его был расписан по минутам: мальчик учился и в музыкальной школе, занимался фигурным катанием, посещал шахматный клуб и даже вёл на телевидении детскую передачу. Родители очень гордились своим сыном. Он им отвечал взаимностью. В редкие часы отцовского отдыха он любил слушать его рассказы о военных сражениях, друзьях-однополчанах, снова и снова рассматривал ордена и медали отца. К сожалению, это случалось не так часто, как хотелось бы. Служба занимала у офицера много времени. Были и разного рода учения, и командировки, во время которых жена и сын не видели его месяцами. Если Алёша по своему малолетству не осознавал опасностей таких отлучек, то Тамара всегда очень волновалась за мужа. Особенно напряжённой была обстановка в 60-х годах двадцатого века, когда на советско-китайской границе назревал самый крупный вооружённый конфликт в современной истории России и Китая. Борис тогда был направлен в составе танковой дивизии в Даурию. В военных действиях дивизия не участвовала. Её использовали больше для устрашения гигантских масс китайцев, выстраивавшихся вдоль границы с антисоветскими лозунгами и криками и грозящих кулаками в нашу сторону. Слава Богу, на участке, где служил Шапошников, так и не дошло до прямых столкновений, в отличие от острова Даманский. Здесь в 1969 году в ходе вооружённого конфликта с советской стороны погибло и умерло от ран 58 человек, ещё 94 человека были ранены. Китайцы потеряли от 100 до 300 человек. Но были и более мирные командировки. Например, полуторамесячная инспекционная поездка в Монголию. На основе полученных данных и их анализа тогда были разработаны предложения по серьёзному укреплению советско-монгольской границы, которые впоследствии и были реализованы на практике. После этой поездки подполковнику Шапошникову было присвоено звание полковника.

Борис никогда не забывал о родителях. При первой же возможности поддерживал их материально. В отдельной шкатулке

хранил их письма. Писала в основном мама, отец лишь делал небольшие приписки, передавал приветы, звал в гости. Мамины письма были подробными, с описанием новостей обо всех его сёстрах, братьях, соседях. О себе сообщала скупо, правда, один раз написала целый рассказ о поездке в Москву. Дело в том, что её, как лучшую доярку района, посылали на ВДНХ вместе с коровой-рекордсменкой. Это произвело на женщину неизгладимое впечатление: огромные дома, широкие улицы, заполненные людьми и машинами, фонтан «Дружба народов» и величественные павильоны главной выставки страны навсегда остались в памяти Агриппины Тимофеевны. А какие внимательные люди повстречались ей в столице! В письме подробно описывалось, как её вместе с коровой перевёл на другую сторону улицы милиционер-регулировщик: «Представляешь, Боря, он остановил все машины и повёл меня с Зорькой через дорогу. А шофёры в машинах спокойно ждали, не ругались, не возмущались, а только улыбались». В письмах Агриппина Тимофеевна часто спрашивала о внуке, удивлялась его способностям, радовалась успехам. В редкие встречи во время отпуска сына и невестки старалась не отпускать Алёшу от себя ни на шаг, но это ей плохо удавалось. Любознательный малыш всё время куда-то убегал. Для него, городского жителя, в селе всё было в новинку, всё интересно. При первом приезде Агриппина спросила Тамару, окрестили ли Алёшу.

– Конечно, – поспешно ответила невестка. Это было неправдой. Почему она так ответила, и сама не знала, наверное, не хотелось расстраивать свекровь. Через много лет она пожалеет об этом, считая, что, если бы она сказала тогда правду, мальчика бы окрестили в знаменитом Никольском храме, и судьба сына сложилась бы по-другому. Но, как известно, история человеческой жизни, как и история стран и народов, не терпит сослагательного наклонения.

Когда Алёше пошёл в пятый класс, Борис был направлен на службу в группу советских войск в Германии. Жили в военном городке в Дрездене. Это было хорошее время...

После Германии полковник Шапошников получил назначение в Одесский военный округ, и семья переехала в Кишинёв.

Город им понравился. Он был зелёным, просторным, с красивыми домами и приятным климатом. Здесь сын стал студентом, а потом поступил в аспирантуру, но через год оставил занятия, поняв, что не испытывает большого интереса к науке. Пошёл работать на завод радиоэлектроники. Ему нравилось возиться с техникой, разбираться в первых компьютерах, придумывать новые схемы, изобретать. На работе он был на хорошем счету. Когда возникала необходимость провести согласования со смежниками, совместно с ними «поколдовать» над новыми проектами, в командировку в подмосковный Зеленоград всегда направляли Алексея. Не оставлял Алёша и музыку. Ещё в Германии родители купили ему электрогитару, на которой он успешно играл в заводском ансамбле.

У Бориса служба шла своим чередом. Жизнь всё время ставила перед ним новые непростые задачи, с которыми, впрочем, он успешно справлялся. В конце 70-х годов к советскому правительству обратился за помощью Самора Машел, Президент недавно освободившейся от португальской зависимости Народной республики Мозамбик. После прихода к власти новый Президент провозгласил курс на социалистические преобразования, которые сопровождались изгнанием португальских поселенцев, что лишило новую страну практически всего корпуса квалифицированных специалистов. Это касалось и армии.

В составе группы советников Президента был направлен в Мозамбик и Борис. Здесь он в течение трёх лет участвовал в процессе создания регулярной армии этого южноафриканского государства. Его усилия были заслуженно оценены со стороны правительств обеих стран. А Самора Машел лично вручил Борису документ, удостоверяющий его почётное гражданство Народной республики Мозамбик.

После длительной командировки Борис с подарками отправился в родное Никольское. Семья давно разрослась. Сёстры вышли замуж, братья женились. Появились племянники и племянницы, и для каждого из них полковник вёз свой сувенир. Встреча с родителями была доброй и трогательной. Они не могли нарадоваться на старшего сына, удивлялись его рассказам,

поражались знаниям. Среди подарков были и африканские маски, искусно вырезанные из чёрного дерева. Дети хотели повесить одну-две маски в родительском доме, но Агриппина Тимофеевна запротестовала:

– Зачем мне эти чёрные неизвестные лики! Пусть в Африке им молятся, а я всю жизнь православная. У меня свои иконы. Грех это – нехристей в доме держать.

Как ни убеждали её дети, разъясняя, что маски – это не замбийские идолы, а произведения искусства, она осталась при своём мнении. После общего ужина, когда младшие дети разъехались по своим домам, родители со старшим сыном ещё долго сидели за столом, обсуждая его службу и семейные новости.

– Не волнуйтесь, родные мои, – успокаивал их сын, – у нас всё хорошо. Тамара работает, Алёша тоже.

– Жениться-то не собирается? – поинтересовалась Агриппина Тимофеевна.

– Да вроде пока нет.

– Ну-ну, как соберётся, сообщи, сынок, надо будет их с невестой благословить. Сам видишь, как Пётр с Февроньей нашу семью хранят. Мы с отцом больше пятидесяти лет живём в любви и согласии, да и вы с Тamarой уже серебряную свадьбу отыграли.

Сын обещал, что выполнит мамину просьбу, но судьба распорядилась по-своему. По возвращении домой он узнал, что Алексей готовится к свадьбе. Борис пожалел, что не забрал у матери семейную реликвию, но было уже поздно, не возвращаться же. Через год у молодых родилась чудесная девочка Светочка, и жизнь наполнилась новым смыслом. Девочка росла доброй, сообразительной, умной. Хорошенькая, с белокурой кудрявой головой, она была похожа на ангелочка. Казалось, что впереди всех ждут только радостные дни.

Беда пришла неожиданно. В середине 1986 года не стало Агриппины Тимофеевны, а несколько месяцев спустя – и Василия Гавриловича. Они прожили долгую, трудную, но счастливую жизнь и оставили земной мир в один год. Похоронили их рядом, как Петра и Февронью. На семейном совете решили

передать дом одной из сестёр, но родительскую спальню не трогать, оставить всё на своих местах, как будто мама и отец не покинули их навсегда, а просто ненадолго вышли. Одна из сестёр спросила старшего брата:

– Боря, может, заберёшь семейную икону? Мама очень хотела, чтобы она была в твоей семье.

Но тот отказался

– Не сейчас, пусть пока всё остаётся, как при жизни родителей.

С этого времени жизнь дала трещину. Не заладилась семейная жизнь у Алексея. Через пару лет они с женой развелись, и Борис с Тамарой стали реже видеть внучку. Это обстоятельство их сильно огорчало, хотя при каждом удобном случае они спешили поучаствовать в её жизни: помочь, поддержать, сводить в театр или на концерт, почитать, поучить ...

Почти военные испытания устроила жизнь Шапошниковым после развала Советского Союза. Соседи-молдаване стали относиться к русским как к оккупантам. В городе проходили антироссийские митинги, главным лозунгом которых был «Чемодан – вокзал – Россия!». Молдавское правительство держало ориентир на Румынию, заставляло всех учить румынский язык. Тамаре тоже пришлось закончить курсы. Но это не решило проблемы. Не стало работы, денег катастрофически не хватало. Нередко их выручала семья Томиной сестры: посылали из Москвы с проводниками продукты и небольшие денежные суммы. Позже в дом пришло настоящее горе. Не стало их единственного сына. Алёше было всего тридцать шесть. Первые дни после похорон родители провели как в тумане. Казалось, что мир рухнул. В душе Тамара винила себя в таком исходе. На девятый день, после поминок, призналась сестре:

– Знаешь, Люба, Господь меня покарал, забрал сыночка.

– За что, милая моя, что ты могла сделать такого страшного? – удивилась сестра.

– За обман мой. Когда спрашивала меня Борина мама, крещён ли Алексей, я солгала. И позже не отвела Алёшу в храм. Может, из-за этого жизнь его так сложилась?

– Не знаю, Томочка, это одному Богу известно, не вини себя, – сестра помолчала, а потом спросила: – А Светочку крестили?

– Нет, но это я точно исправлю.

Внучку окрестили. Крёстной матерью стала племянница, дочь Любы и Виктора.

Горе сильно подломило Бориса и Тамару. Молдавия окончательно стала для них чужой. Кроме внучки здесь их уже ничего не держало. После окончания школы девушка мечтала поступить в московский вуз. Тогда окончательно созрело непростое решение уехать в Россию. Наступило время длинных очередей в посольство, к консулу. Месяцы ожидания, продажа имущества. В Россию, в Брянск, семья попала в начале двухтысячных. На родине они стали вынужденными переселенцами. Борису гражданство восстановили сразу. А вот Тамаре более полугодом ежемесячно оформляли только временную регистрацию. Чтобы вновь стать гражданкой родной страны, пришлось даже писать письмо Президенту В.В. Путину. Кроме волнений с получением гражданства семейной паре пришлось немало пережить сложных моментов, связанных с перезахоронением сына. Решение не оставлять останки Алексея в Молдавии было принято ещё во время переезда. Внучка уже жила в Москве, кроме неё вряд ли кто стал бы ухаживать за могилой. Бывший однополчанин Бориса, друг их семьи, помог решить вопрос с местом на кладбище. Шапошниковы второй раз пережили похороны сына. Очень тяжело было на душе.

– Зато теперь наш сыночек рядом. Всегда можно прийти, поклониться ему, поговорить, – говорила Тамара.

Муж был с ней полностью согласен.

Постепенно жизнь налаживалась. Очень скоро их пара стала в Брянске достаточно известной. Борис проводил большую патриотическую работу среди школьников, учащихся колледжей, студентов. Выступал он очень хорошо, увлекательно рассказывал об армии, эмоционально читал стихи, ненавязчиво прививая молодым людям чувство гордости за нашу страну, её героическую историю, российский народ. Не оставалась в стороне и Тамара. Школьникам нравились её рассказы о том, как во время

войны даже малые дети помогали фронту. Ветераны старались не отказываться от участия в патриотических мероприятиях, и нередко их пара становилась героями публикаций в прессе и местных телепередачах. Но главной их заботой оставалась внучка, её дальнейшая судьба. Девушка жила в Москве, успешно закончила один из престижных российских университетов, пошла на работу. В Москве её опекала семья Любы, особенно крёстная Светочки. Но дедушка и бабушка всё равно тревожились. Им очень хотелось дожить до внучкиной свадьбы, увидеть правнуков.

Накануне одной из годовщин Сталинградской битвы Бориса направили на торжественные мероприятия в Волгоград. Ветеран очень обрадовался возможности увидеть родные места, своих родственников. Они договорились встретиться в городе, а после окончания праздничной программы всем вместе поехать в Никольское. Перед отъездом Борис посоветовался с женой:

– Хочу, наконец, выполнить мамину просьбу, забрать семейную реликвию.

– Вот и правильно, – поддержала его Тамара. – Традиции надо уважать. Кто знает, были бы Пётр и Февронья с нами в Кичинёве, может, и у Лёшеньки судьба сложилась бы по-другому.

На её глаза навернулись слёзы. Борис постарался успокоить супругу:

– Не плачь, что было, того уже не вернёшь. Надо о будущем думать, о внучке, о её судьбе.

Из Волгограда он вернулся воодушевлённым. Воодушевленно делился впечатлениями, рассказывал и о торжествах, и о родственниках, и о родном селе. Но главное, был доволен, что выполнил мамину просьбу. Икона Петра и Февроньи заняла своё место в их квартире, и теперь уже Тамара молилась святым о благополучии всех родственников. Вскоре пришла весточка от внучки. Девушка встретила свою любовь и собиралась замуж.

– Как вовремя, Боря, ты привёз семейную реликвию. Надо будет благословить их брак. Пусть живут долго и счастливо.

Свадьба прошла замечательно. Бабушка с дедушкой радовались, глядя на счастливое лицо внучки. Одно огорчало:

у молодых не было своего жилья, и икону пришлось забрать обратно в Брянск. Через год родилась правнучка, а чуть позже и правнук. Это было счастье! Правда, с правнуками виделись редко. Здоровье уже не позволяло часто уезжать из дома, детки были маленькими, и внучка с мужем пока не возили их на далёкое расстояние.

Приближалось 95-летие Бориса. К этому событию готовились не только юбиляр с супругой, ведь ветеран был заметной фигурой в городе и пользовался большим уважением. В подготовке участвовало всё руководство области. Но главной радостью для супругов стало решение внучки приехать с мужем и детьми на праздник. Дети приехали заранее. Дом наполнился звонким смехом, топотом детских ножек, улыбками, радостью. На следующий день Тамара с зятем уехали по каким-то делам, связанным с юбилеем, детей уложили спать, и внучка с дедом остались наедине. Светлана осмотрела множество фотографий, выставленных за стеклом стенки, дошла до угла, где находились иконы.

– Деда, – попросила она, – расскажи мне историю нашей семейной реликвии.

Борис обрадовался её интересу и поведал всё, что знал.

– Значит, Петр и Февронья должны будут потом переехать в семью твоей правнучки? – спросила внучка.

– Конечно, а сейчас икона по праву принадлежит тебе.

– И я могу её забрать?

– Мы с бабушкой были бы очень рады.

Юбилей прошёл замечательно. На следующий день вечером семейство внучки отправилось в обратный путь. Икона ехала с ними.

Эту ночь Борис спал как младенец. Не болели старые раны, не тревожили и новые, приобретённые позже болячки. Во сне он снова был маленьким мальчиком, поймавшим большую рыбу и спешившим показать её родителям. Боря бежал через цветущий луг. Сладко пахло травой и медовой кашкой. В необъятном синем с редкими облачками небе светило огромное солнце. Мальчик добежал до дома. На пороге стояла мама и с удивлением вглядывалась ввысь. Увидев сына, показала рукой:

– Посмотри, сынок, какие два облака над нами.

Сын поднял голову и увидел две воздушные фигуры.

– Мама, они похожи на святых с нашей иконы, – изумлённо промолвил мальчик.

– Да, мой родной! Заметил! Это знак, что наша семья находится под покровительством Пётра и Февроньи. Всё будет хорошо!

И она поцеловала сына в макушку.

Прошло ещё пять лет. 18 июня 2024 г. Борис Васильевич встретил свой сотый день рождения. Это – особое событие, поэтому размещаю здесь подробное его описание.

К празднику готовилась не только его семья, но и руководство Брянской области, администрация города и Володарского района. Ещё бы: Борис Васильевич – Почётный гражданин г. Брянска, его легенда, участник всех значимых патриотических мероприятий. Торжества по случаю юбилея были организованы в брянской гимназии № 3, носящей его имя. А началось всё на школьной площади, где специально для юбиляра прошёл специальный парад. Мимо ветерана, отдававшего честь участникам шествия, чеканя шаг проследовали юнармейцы, колонна военнослужащих и военный оркестр. Это было очень торжественно и волнительно. Затем юбиляра поздравили самые юные учащиеся гимназии. Десятки очаровательных девочек и мальчиков окружили Бориса Васильевича. Каждый из них вручил ему красную розу в знак уважения и благодарности за ратные подвиги и воспитательную работу с молодёжью и как символ неувядающего русского духа полковника Шапошникова.

Затем торжество продолжилось в актовом зале гимназии. Ведущая рассказала гостям о жизни и ратных подвигах юбиляра, особо отметив:

– И в столь почтенном возрасте Борис Васильевич остаётся в строю. Гордо несёт звание ветерана Великой Отечественной войны. Всегда открыт для общения и готов принять участие в любом достойном мероприятии во славу города, области, страны. А помогает ему в этом, всегда поддерживает добрым словом

его верная супруга Тамара Ивановна, с которой они рука об руку идут по жизни 68 лет. Это – огромный, совместно пройденный путь их семейное богатство, большое человеческое счастье. Опыт Бориса Васильевича бесценен, уважение к нему безмерно.

Со сцены зачитали поздравительный адрес от Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. Его поздравление, особенно слова о том, что жизнь юбиляра всегда будет служить примером стойкости, веры в добро и справедливость, глубокой, беззаветной любви к Родине, до слёз растрогали ветерана.

Бориса Васильевича поздравил губернатор Брянской области Александр Богомаз:

– Поздравляю Вас с юбилеем! Ваш жизненный путь – это путь всех наших отцов, дедов и прадедов, путь поколения Победителей. Вы победили в самой кровопролитной войне из всех, что были в истории человечества, подарили нам мир, свободу, возможность гордиться своей страной и своим народом.

Александр Богомаз выразил благодарность Борису Васильевичу за его огромный вклад в воспитание молодого поколения. Он подчеркнул его особую важность в современной обстановке, когда наследники поколения Победителей выполняют задачи специальной военной операции, освобождая мир от нацизма.

Символично, что именинника поздравил и представитель нового поколения защитников Отечества – Герой России Андрей Фроленков. Он поблагодарил юбиляра за пример мужества и героизма и заверил его, что последователи поколения героев не подведут их и окончательно освободят нашу родину. Поздравление пришло и с фронта. Брянские воины отправили Борису Васильевичу записанное на передовой видео-обращение.

Многочисленные поздравления официальных лиц города и области, советов ветеранов, родственников и друзей сопровождалось выступлениями творческих коллективов Брянска, а также учеников гимназии № 3, для которых Борис Васильевич является наставником уже 20 лет.

В ответном слове полковник Шапошников поблагодарил всех за поздравления и добрые пожелания и призвал собрав-

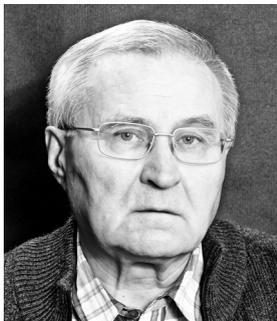
шихся в зале чувствовать постоянную связь со своей Родиной, любить свой город, область, Россию. Свою любовь к Отечеству Борис Васильевич выразил строками из песни Давида Тухманова «Я люблю тебя, Россия». В едином порыве гости торжества встали со своих мест и подпевали юбиляру.

Поздно вечеров, когда закончились и домашние посиделки с соседями, родственниками и друзьями, внучка Бориса Васильевича Светлана зашла к деду пожелать ему спокойной ночи.

– Деда, как я рада за тебя! Никогда в жизни не видела, чтобы столько людей таких разных кого-либо так чествовали. Мы очень тебя любим и гордимся тобой. Живи долго, сохраняя свой боевой русский дух на радость всем нам, – с любовью и заботой в голосе начала она разговор. – Хотела спросить тебя. С тех пор, когда вы передали мне нашу семейную икону, всё хочу понять, действительно ли она защищает от бед и невзгод, и что надо делать, чтобы реально почувствовать её помощь? Вот и в твоей жизни было много несчастий, значит святые Пётр и Февронья не всемогущи?

– Сложный вопрос ты задаёшь, внучка. Однозначного ответа у меня нет. Знаю лишь одно: моя мама свято верила в силу иконы, молилась и считала, что это сберегло нашу семью от самого страшного. Ведь и с войны все вернулись живыми, и потом жили дружно, во всём помогая друг другу. Я уважал мнение матери и старался ей не перечить. А мои беды, возможно, связаны с тем, что никак не забирал в свой дом семейную реликвию. Может, так, а может, и нет. Ну а тебе надо самой решить, веришь ли ты в её силу. Думаю, искренняя вера в лучшее всегда помогает в жизни. Однако уже поздно. Иди, отдохай, Светочка. Да и мне пора спать, чтобы завтра встретить свой второй день нового столетия бодрым и радостным.

Анатолий ВЕРШИНСКИЙ

Анатолий Николаевич Вершинский – поэт, публицист, переводчик, редактор. Член МГО Союза писателей России. Родился 6 декабря 1953 г. в селе Семёновка Уярского района Красноярского края в семье учителя, ветерана Великой Отечественной войны. Окончил Красноярский политехнический институт и Литературный институт имени А.М. Горького, работал в научно-исследовательской лаборатории, в газете, служил в Советской Армии. Стихи переводились на английский, болгарский, молдавский, украинский, французский и другие языки. Автор двенадцати поэтических книг, исторической драмы в стихах, трёх сборников переводов и трёх книг исторических очерков и статей. Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...», Международного литературного конкурса имени Андрея Платонова «Умное сердце», фестиваля исторической поэзии «Словенское поле», Международного творческого конкурса «Гомер» и ряда других фестивалей и конкурсов. Дипломант премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству», обладатель пяти дипломов Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь». За книгу стихов «Апостолы Победы» награждён Дипломом победителя литературного конкурса «Лучшая книга года – 2024», проведённого Московской городской организацией Союза писателей России.

Живёт в Москве.

НАМ ПАМЯТЬ ЭТА ДОРОГА...

«МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ НЕИЗВЕСТНО...»

Помянем дедушку Петра
Победною весной!
Не виноваты доктора:
Война тому виной,
Что канул дедушка во мрак
В числе других больных
В могиле, общей, как барак
Брюшнотифозный их.

У смерти логика своя:
Нагрянула война –
И значит, каждая семья
Отдать ей дань должна.
На поле брани пасть могли б
Отец мой и дядя.
Но дед один за всех погиб...
До фронта не дойдя.

Не годный к службе строевой,
Сражался не в бою –
Как трудармеец рядовой
Он принял смерть свою.
Залили хлоркой дедов прах
В одной из тысяч ям...
На чьих мы топчемся костях,
Никто не скажет нам.

ЗВЕЗДА

Привязана память к родному селу,
К дороге до школы и клуба,
К избе с жестяною звездой в углу
Белёного известью сруба.

Червонная звёздочка с краю стены –
По счастью, без чёрной обводки,
А значит, хозяин вернулся с войны:
Не много таких в околотке.

В избе подросла, повзрослела семья,
И дом с огородом и стайкой
Сменяли на кров городской сыновья,
А после – хозяин с хозяйкой.

Изда обветшала, лишившись тепла,
Со стен облупилась извёстка,
Со звёздочки алая краска сошла,
Пургой иссечённая жёстко.

Избу, раскатав от венца до венца,
Свезли на дрова, не жалея...
Созвездье отцовского знака – Стрельца
На звёздочку стало светлее.

МЕМОРИАЛ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1941–1942 ГОДОВ

Здесь память никогда не умирала
О воинах, кто смертным сном уснул.
На площади, у плит мемориала,
Сменяется почётный караул.

Поднявшись по ступеням строгим строем
К огню, что почитается святым,
Подростки, точно перед аналоем,
Колени преклоняют перед ним.

Как будто припадают к изголовью
Героя, чьими ранами болит
Сама земля, пропитанная кровью,
Запёкшейся в граните скорбных плит.

Где место юным на больной планете?
Их будущее скрыто от меня.
Одно скажу: не станут эти дети
Прикуривать от Вечного огня.

СПОДВИЖНИКИ

Если бы не было ратных побед,
Кем бы себя ощущали сегодня
Пастырь духовный и светский поэт?
Как бы звучала молитва Господня?

Если надломится, будто в тисках,
Русский хребет в мировой костоломке,
Петь и молиться на чьих языках
Станут безродные наши потомки?

Равный с поэта и воина спрос:
В общем строю, что по-прежнему тесен, –
Русич Бояна, державинский росс,
Русский солдат из фатьяновских песен.

В слитной шеренге упасть не дадут,
С шага не сбиться помогут в колонне.
Отчая речь – и таран, и редут;
Знамя – в атаке, броня – в обороне.

Приняли б, верно, другой оборот
Битвы: на Воже, в Москве и под Плевной,
Если бы силу не черпал народ
В грозной молитве и песне душевной.

9 МАЯ

День Победы растянулся на года:
Вновь наследники отеческих героев
Зачищают от нацистов города,
Горький дедовский урок всерьёз усвоив.

Мы сегодня отмечаем праздник, но –
Торжествуя, поминутно помнить надо:
Там, на фронте, льётся кровь, а не вино
И грохочет не салют, а канонада.

РАТНИКИ

...не мир пришёл Я принести, но меч...

Мф. 10. 34

С долин и круч родной державы,
Из тундры, степи и тайги
Идут они дорогой славы.
Я слышу мерные шаги.

На них кевларовые латы,
Что крепче рыцарской брони.
Они по званию – солдаты.
По духу – витязи они.

Не вижу, юны или седы:
В забралах лиц не разглядеть.
Идут апостолы Победы.
Так было, есть и будет впредь.

Их ждут – в Орле, Чите, Надыме...
И молят Бога мир вернуть.
Но меч Христов простёрт над ними,
Обозначая правый путь.

ВОЙНА

Бессмертный полк становится моложе:
Колонны дедов полнят внуки их.
Гордимся мы героями, и всё же –
Уж лучше бы свинцовый шквал утих,
Земля бы ожила от птичьих кликов
И строил бы народ свой город-сад...
Но даже не двенадцать языков –
Почти полсотни Родине грозят.
В которое по счёту лихолетье
Вступает осаждённая страна?
Становится Отечественной третьей
Казавшаяся местною война...

МАКОВ ЦВЕТ

Обширные поля восточней Пскова
В июне полыхают кумачом.
Распахивают их, но маки снова
Растут, как будто всё им нипочём.

И много лет народному преданью,
Что шли бои у ближнего села
И где-то между Доном и Кубанью
На сына похоронку мать прочла.

А летом вышла в степь, где зрели маки,
И вылущила в жменю семена.
И в гости к сыну, павшему в атаке,
Приехала, когда прошла война.

И высыпала зёрна вдоль дороги,
Где кровь бойцов насытила подзол...
Читатели, не будем слишком строги
К бесхитростным легендам русских сёл.

И в радостные дни, и в пору бедствий
Народ в преданьях выскажет верней,
Чем форменный значок причин и следствий,
Мудра ли жизнь и царь ли случай в ней...

Восстали недобитые вояки,
И где-то между Доном и Днепром
Цветут необоримо, будто маки,
Огни изделий с биркой «Военпром».

И чья-то мать от сына ждёт ответа.
И снова плакать чьей-нибудь вдове.
И реют флаги макового цвета
На бэтэрах псковских ВДВ.

СВЯТОЕ

Вовек такому не забытья –
Нам память эта дорога:
Совпали Светлая седмица
И сдача лютого врага.

Их совмещение по датам
Считать случайным не могли
В победоносном сорок пятом
Бойцы воспрянувшей земли.

В чужие варварские дали
Из отчих мест ушли они,
Но Пасху помнили – и ждали
Приход её в страстные дни.

Страстные годы смертной сечи!
Без похоронок – чья родня?
Горят во имя павших свечи
И пламя Вечного огня.

И к чуду вновь душа готова,
И День Победы – снова он
От Воскресения Христова
Неотделим, не отдалён.

НЕДОБИТКИ

Для закрепленья знаний и сноровки
Война к авиатехникам строга:
Когда настало время стажировки,
Отцу досталась Курская дуга.

А позже, в подмосковные морозы,
Осваивал с товарищами он
Крылатые ночные бомбовозы,
Что слал Москве союзник Вашингтон.

Их лётный полк Победу встретил в Польше.
Большой пожар в начале мая стих,
Но малые огни горели дольше:
Бандеровцы запаливали их.

Бандитами кишела вся округа,
Они творили чёрные дела.
От них аэродромная обслуга
Крепила оборону как могла.

В те дни красноармейцы и жолнёры
Громили недобитков сообща,
А рыцари кинжала и плаща
Выискивали схроны их и норы.

На русской, кровью политой, земле
Сегодня вновь лютуют изуверы.
России мстят наследники Бандеры,
Но почему поляки в их числе?..

В Америку сбежали «юберменши».
В подполье «самостийники» ушли.
Десяток лет ловили их, не меньше,
И слали бить руду на край земли.

Но в продолженье всех своих подлянок
Вернул вражин в родимые места
Любитель гопака и вышиванок,
При Сталине игравший роль шута...

С повадками рептилий в парке Юрском,
Прорвавших чуть ослабленный кордон,
Нацисты вновь бесчинствуют под Курском,
И рад былой союзник Вашингтон.

Хлебнувшие с лихвой из горькой чаши
При проводах непрошенных гостей,
В своих гробах отцы и деды наши
Ворочаются от таких вестей.

ВАНДАЛЫ

Зачем Британия бомбила
Балтийский город Кёнигсберг?
От взрывов сотен тонн тротила
Для тысяч мирных свет померк.
Лишились выжившие крова,
Остался город без корней,
Ведь пострадал всего сильнее
Старинный центр, его основа...
Лишь девять месяцев назад
«Большая тройка» в Тегеране,
Преодолев былой разлад,
Размежевала поле брани:
Должна уйти под сень Кремля
Восточно-прусская земля.
На плод побед Елизаветы,
Достойной дочери Петра,
Хотя история стара,
Имели все права Советы –
В счёт возмещения потерь,
Что нам нанёс нацистский зверь...
Уже предвидя окончанье
Врагом проигранной войны,
Зачем крушили англичане
Трофей союзной им страны?

Игнатий БЕЛОЗЕРЦЕВ

Игнатий Александрович Белозерцев – поэт. Родился в 1951 году в деревне Теребаево Никольского района Вологодской области, служил в Военно-Морском Флоте, капитан 1 ранга в отставке, был учителем, государственным служащим, работал в исполкоме всероссийской общественной организации. Автор семи сборников стихотворений: «Другого счастья не ищу», «Судьбы причалы», «Возвращение к истокам», «Из глубины», «Поэтов узнают по чудесам», «По адресу детства», «Урановая музыка глубин». Член МГО Союза писателей России, член Вологодского землячества в Москве.

Живёт в Москве.

ОГОНЬ ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСКОМУ КРАЮ

ПОБЕДИТЕЛИ

Это – время отражается на лицах.
Это – в лицах отражается страна.
Не устанем восхищаться и гордиться
Поколением, чья молодость – война.
Как один они красивы и серьёзны –
В гимнастёрочках, пилотках, орденах...
И на лицах – от сражений отсвет грозных,
Но в глазах у них уверенность – не страх.
Поколение революцией рождённых,
И на труд всегда готовых, и на бой,
Гордых, смелых, одухотворённых,
К равенству и братству устремлённых,
Любящих, любимых, окрылённых...
Поколение с трагической судьбой.
Разворачивай, Бессмертный Полк, колонны!
Время лица превращает в лик.
И проносим мы портреты, как иконы.
Все в строю, никто не ранен, не погиб!

МОЕМУ ПОКОЛЕНИЮ

За что любить нас нашим молодым,
Как мы отцов-фронтовиков любили?
За то, что мы Союз не сохранили?!
Заветы революции забыли?!
Развеяли величие, как дым?!

Мы – сыновья, предавшие отцов,
Солдаты, позабывшие присягу.
Вперёд – ни шагу, и назад – ни шагу.
Глупцы и трусы, племя подлецов.
На кладбище, смятением объят,
Завидую отцовскому покою.
Нас даже там, за гробовой доскою,
Потомки за измену не простят!
Жестокие, обидные слова...
Мы больше не играем в эти игры.
Уже стоит на старте «Булава».
И по нацистам точно бьют «Калибры».
Есть те, кто сберегли потенциал.
Наш мастер для потомков неподсуден.
И гиперзвук для армии он дал,
И кое-что, что разглашать не будем.
И мужества бойцам не занимать,
И память о героях не забыта.
Не наша ли у молодёжи статья?!
Не мы ли их готовили для битвы?!
Ещё не все завершены пути,
И наш Парад Победы впереди.
И снова поднят над бронёй атак
С серпом и молотом наш красный флаг!

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЗАПАС

Поэтам-фронтовикам

Самосад да самокрутка,
Да малиновый кисет –
Им в свободную минутку
На войне замены нет.

Политрук сперва газету
Прочитает и – вперёд.
Коль вождя портрета нету –
Сыпь табак, честной народ.
Но однажды из газеты
Он такой нам стих пропел,
Что порвать газету эту
Ни один не захотел.
Горло крепче самосада
Те слова нам обожгли.
До Победного парада
Мы газету берегли.
Эти строки как молитву
На груди боец носил.
С ними выстоял он в битвах,
С ними верил и любил.
Фронтовик о том поведал –
Другом был ему поэт.
И сегодня для победы
Слов точней и крепче нет.
Откровенные, живые,
И молитва, и алмаз,
Эти строки фронтовые
Яростный, боевые –
Стратегический запас!

* * *

Мы все покинем и леса, и пашни,
Таков у смертных на Земле удел.
Лишь одного – быть без вести пропавшим
Я б на войне остаться не хотел.
Мне, за Россию павшему, наверно
Скостят грехи, и будет честь в раю.
Но я хотел бы, други, непременно
В победный день быть названным в строю.

Пусть знает сын, что в жирном чернозёме,
Который я, убитый, обниму,
Его отец, кореньев всяких кроме,
Живой травинкой тянется к нему.

* * *

Птица Феникс вознеслась над битвой,
«Серп и молот» сохранив тавро.
Снова славят гимны и молитвы
Пламенное с золотом крыло.
Славит Флаг Победы Севастополь,
Славят Мариуполь и Донбасс.
А прикажут, будет над Европой
Полыхать уже не в первый раз.
Гордо реет на просторе звонком
Огненная птица в вышине.
Бой ведут с нацистами потомки –
Внуки победивших на войне.
Птица Феникс – вечная Россия
Встрепенулась, тлен испепеля.
Красотой, и добротой, и силой
Прирастает Русская земля.

ЭСТАФЕТА

Судьба плетёт причудливый узор –
Меня зовут на встречу пионеры!
Чисты сердца детей, и ясен взор.
Могу ль я быть для юности примером?
Как много всякого и всяких позади.
Я падал и вставал, и снова оступался...
Гожусь ли для идущих впереди?
Всегда ли слову верен оставался?

Я должен что-то главное сказать,
Что мне досталось от отцов и дедов,
Чего нельзя предать или продать,
То, без чего ни счастья, ни Победы.
Что понял я у жизни на краю?
Одно скажу, важнее слов не знаю:
«Друзья мои, я вам передаю,
Как эстафету, и как флаг в бою,
Огонь любви к Отеческому краю».

Евгений КАЛАЧЁВ

Евгений Сергеевич Калачёв – прозаик. Родился в Новосибирске, рос в Туве, высшее образование получил в Омске. Там же начал писать. До этого в составе промысловой артели охотился на пушного зверя в тайге – месяцами жил в таёжной избушке без благ цивилизации, служил оперуполномоченным в уголовном розыске, работал сторожем, дворником, хлораторщиком. В 1996 году по итогам Совещания молодых писателей (г. Владимир) и по рекомендациям М.П. Лобанова и С.И. Шуртакова был принят в Союз писателей России. В 1997 году окончил Высшие литературные курсы Литературного института имени А.М. Горького (семинар Е.Е. Чернова). Публиковался в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «Российский писатель», «День литературы», «Московский литератор», «Омская правда», «Вечерний Омск»; в журналах: «Молодая гвардия», «Проза», «День литературы», «Милиция», «Золотое перо». Автор 16 книг.

Живёт в Москве.

ВОЙНА СЕРЖАНТА СОЛОВЬЁВА

Рассказ

1

В армию Ваня Соловьев призывался из родной деревни – Соловьёвки, в сороковом году, как раз когда ему исполнилось восемнадцать лет. Проводы были скромными, на дощатом, выскобленном до белизны столе стоял чугунок с картошкой, бутылка мутной самогонки, лежала зелень из тайги: щавель, дикий лук, коренья, да спелая сочная брусника в большой деревянной тарелке.

Ванькин батя в холщовой рубаше, выпущенной поверх портков, по такому случаю нацепил Георгиевский крест, которым он был награждён ещё в Первую мировую. Его матушка украдкой крестилась, боязливо посматривая в маленькое окно: не идет ли кто – греха не оберёшься! Донесут – арестуют.

– Ниче, сёдня можно, – успокаивая, говорил батя. Обычно неразговорчивый, он продолжал:

– И дед твой, Ванька, воевал. С япошками. И отец его, мой, стало быть, дед. С турками...

Младшие братья, Колька, Петька и Серёжка, смотрели на Ваню с завистью – им кто-то рассказал, что в армии кормят борщом с мясом и каждый день дают масло. А уж про настоящие кирзачи, которые получают послужившие солдаты, они даже и верить отказывались: на их небольшую деревню найдётся лишь пара настоящих сапог, а тут многие тысячи солдат – разве на такую ораву напасёшься?!

Ваня глотнул самогону, во рту зажгло – непривычен он был ещё к этому зелью, деревянной ложкой черпанул брусники.

– Ну, пора. Через два года вернусь, – Ваня обнял матушку, кивнул бате, – Отслужу, пойду к тебе в кузницу. – Подхватил

холщовый мешок с печёной картошкой да горбушкой хлеба из отрубей, перекинул его через плечо и шагнул за порог.

2

В армии Ване понравилось. Ему всё давалось легко: и ранние подъёмы, и физические нагрузки, и стрельбы, и даже строевая подготовка. Ко всему этому, кроме строевой, он был приучен с раннего детства: от зари до зари носился по тайге, знал все речки и озера в окрестностях деревни, метко стрелял из батинской берданки рябчиков, глухарей и уток, пока ружьё не изъял оперуполномоченный из райцентра, а став чуть старше, вместе со взрослыми работал на колхозном поле, потому что в кузницу батя его пока не пускал – силёнок у пацана было маловато. Ваня был в батю – молчалив и исполнительен, а это всегда ценилось в армии. И у парня началась армейская карьера: его назначили вторым, а потом и первым номером пулеметного расчёта РПД. И это в то время, когда у многих новобранцев были винтовки ещё с Первой мировой.

22 июня сорок первого года был обычным воскресным днем: подъём на полчаса позже; после завтрака – короткий инструктаж старшины миномётной батареи, в охране которой служил Иван, о том, чем должен заниматься боец в личное время; затем – два часа личного времени, которое рядовой Соловьев посвятил написанию письма в родную деревню; потом час по воскресному расслабленной и без обычных придинок строевой на плацу перед казармой с пением:

*По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперёд,
Чтобы с боем взять Приморье –
Белой армии оплот!*

После строевой – подготовка к обеду: можно было не спеша посмолить махорку и, завалившись на зелёную травку, отдающую в жаркий день окружающему миру дальневосточной тайги

и сопок свой неповторимый аромат, поглазеть в синее, уходящее в космос, небо, помечтать о доме. Обед. Опять по-воскресному неспешный и почти по-домашнему уютный, с безобидными шутками и подтруниваниями. В послеобеденное воскресное время жизнь на батарее и вовсе затихала: можно было в отсутствие командиров даже прилечь на кровать поверх одеяла, но Иван любил уходить в сопки, на всякий случай предупредив второго номера, чтобы побыть в одиночестве.

И в это воскресенье он пошёл уже знакомым маршрутом. Перескочив через ручей и обогнув заросли фундука, Иван взобрался на огромный плоский камень, снял гимнастёрку, стянул сапоги, распеленал портянки, несмотря на то, что они были чистые и сухие, разложил их проветриваться, и сам улёгся на горячий камень, улыбаясь от приятных ощущений.

Отсюда, с камня, открывался вид на дальние сопки, за которыми тёк Амур. За рекой же был враг. Иван никогда не видел живого японца, но по рассказам деда знал, что это серьёзный и фанатичный враг. Знал он и то, что японцы захватили не только китайские земли, но и наш Порт-Артур, и Дальний, где воевал его дед в начале века, и Сахалин, и Курилы.

Иван лежал, и думал об этом, и ему было обидно и непонятно: как мог его дед – крепкий, жилистый и в свои семьдесят лет, – проиграть японцу?

Его размышления неожиданно прервал прибежавший второй номер.

– Иван, полундра, – выдохнув, сказал он.

Иван вскочил, натянул гимнастёрку, сапоги:

– Бежим.

На батарее внешне всё было спокойно: комсостава видно не было, бойцы, расположившись в тени казармы, курили махру, но по малочисленным разговорам и по отсутствию командиров Иван почувствовал – что-то случилось.

Перед отбоем личный состав батареи осматривал сам комбат капитан Остапчук. Он был серьёзен, молчалив. Потом приказал удвоить боевое охранение. Иван пошёл в наряд и лишь на следующий день узнал о провокации на западной границе.

О том, что началась полномасштабная война с Германией, он узнал лишь через неделю и сразу, как и большинство на батарее, написал рапорт об отправке на Западный фронт. Ему, комбату Остапчуку и ещё половине личного состава отказали – японская граница была под боком. Ивану присвоили младшего сержанта и вменили в обязанность обучать присланных на батарею новобранцев.

Когда до батареи дошли сведения, что немцы рвутся к Москве, личный состав опять писал рапорта. И опять через всю страну пошли эшелоны. От его земляка из соседнего Варгате-ра – Алексея Бобылёва, служившего в соседней части, передали записку: «Еду на запад», а его, Ивана, опять оставили здесь.

– Кадровые бойцы нам самим нужны, – с грустью сказал комбат Остапчук. Ему тоже отказали в отправке на Западный фронт.

Когда сибирские дивизии начали наступление под Москвой, младшего сержанта Соловьёва приняли кандидатом в члены ВКП(б).

К сражению на Курской дуге Иван, за исключением комбата Остапчука, остался последним пришедшим служить на батарею до начала войны. Он уже привык к батарее, как к родному дому, но рапорта об отправке его на войну с немцами писать не переставал: слишком лёгкой ему казалась здесь служба, когда там гибли его товарищи. А то, что гибли, – он точно знал. Через всю страну с фронта, из госпиталей приходили ему треугольнички писем. Оказывалось, его уважали. Ну ладно бы там на гармошке наяривал или чечётку бил, а то просто учил своих сослуживцев, как метко стрелять да окапываться, чтобы жизнь свою на благо Родины сохранить. Гибли товарищи смертью храбрых. Вот и про Алексея Бобылёва, его земляка, весточка дошла: поднял он в атаку, взамен убитого командира, взвод. В рост шёл, впереди всех, сквозь шквал огня. Взвод взял высотку и удержал её до подхода подкрепления. Правда, осталось всего четыре бойца. Стали искать героя – тела не нашли. То ли снаряд ухнул, то ли авиа-

бомба – один из выживших рассказывал. Но в штабе решили: нет тела – нет и героя, и вычеркнули его из списков, представленных к награде.

В конце сорок четвертого к себе вызвал комбат Остапчук. Здесь, далеко на Востоке, в кабинете командира о большой кровопролитной войне, которую вёл с фашисткой гадиной весь советский народ, напоминала лишь карта с отметками об успешном продвижении Красной Армии к западной границе Советского Союза, да заклеенные на всякий случай крест-накрест бумажной лентой стёкла окна, из которого хорошо просматривался батарейный плац, за ним низкая казарма, сверху затянутая маскировочной сеткой, а дальше, если смотреть левее казармы, на спуске сопки, метрах в пятистах от настоящей батареи, были отчётливо видны бутафорские казармы, которые наверняка были отмечены на картах противника.

Комбат Остапчук, что-то писавший, при появлении сержанта Соловьёва – к тому времени ему уже присвоили очередное воинское звание, – отложил ручку, встал, выйдя из-за стола, покрытого зелёным сукном, подошел к Соловьёву и грустно, как показалось Ивану, посмотрел ему в глаза. Потом положил руку на плечо, кивнул в сторону окна:

– Подойдём.

Они подошли к окну, и Иван вспомнил, как четыре года назад он сопровождал вновь назначенного командира батареи по территории, прилегающей к их части, и что именно тогда они выбрали место для строительства бутафорского объекта, и, вспомнив это, Иван понял – с командиром они расстанутся, но лицо при этом у него осталось невозмутимым, лишь по спине пробежал холодок – предчувствие подсказывало: прежняя служба закончилась.

– Завтра отправляют на запад, – сказал Остапчук. – Письмо вот домой дописываю, в Новосанжаровку Омской области... После войны заезжай... Заедешь?

– А як же! – улыбнулся Иван.

Комбат Остапчук ещё раз внимательно и грустно посмотрел в глаза сержанта, похлопал по плечу. – Иди, Иван.

Выйдя от комбата, Соловьёв стрельнул у бойца самокрутку и первый раз в жизни закурил.

3

На следующий день на батарею прибыл командир полка и привез с собой «зелёного» – только из училища – младшего лейтенанта Накрутова. Новый командир батареи родом был из небольшого поволжского городка, где его отец, до революции неудавшийся по причине злоупотребления алкоголем и лени сапожник, колотивший с регулярной периодичностью свою тихую жену, сделал головокружительную революционную карьеру.

Отец комбата Накрутова вернулся в свой городок и стал управлять им по своему разумению: уравнивая всех и вся. Ему, как секретарю партийной организации и, как герою Гражданской войны, выделили большой чёрный автомобиль, на котором иногда катался и будущий комбат, поглядывая свысока на своих сверстников – босоногих мальчишек, росших зачастую без отцов. И почти гордился своим отцом – таким всесильным, затянутым в кожаные скрипучие ремни, в кожаных галифе, в блестящих хромовых сапогах. Почему почти? Да потому что даже в эти минуты он не мог забыть другого отца: пьяного до омерзения, в нижнем белье, матерящегося и истязającego мать. Его мать. Однажды, став постарше, будущий комбат пытался заступиться за мать. Но она запричитала:

– Уйди, сынок, а то он тебя покалечит!

Он ушёл в другую комнату, плача и унося с собой взгляд матери – взгляд человека обречённого и смирившегося со своей судьбой. И тогда он решил, что, когда вырастет, станет большим начальником, чтобы защитить от отца и других злых людей свою мать.

И еще, когда в стране начались массовые аресты военачальников, отец, видимо, уже боявшийся оставаться наедине с собой то ли из-за пьянства, то ли страх обуял, что и его не минует кара Господня, стал во время запоев проводить с сыном «политин-

формации». Выпив очередной стакан водки, отец что-то мало-связанно бормотал – только ругательства звучали эмоционально и чётко, но однажды он высказал мысль, и эта мысль вошла в мозг будущего комбата, как гвоздь. Как раскалённый гвоздь, убив, наверное, часть клеток головного мозга, которые ведают такими чувствами, как любовь к человеку, доброта... А сказано было следующее:

– Сейчас, сын, очень хорошее время для армейской карьеры. Как на войне: командира убило – ты занял его место. Ещё одного командира кокнуло – ты опять выше взлетел... И никогда не жалей людей. Люди – это материал для достижения твоей цели. Главное – это план, это директива, это приказ, который ты должен выполнить любой ценой... – И отец пьяно захохотал...

Младший лейтенант Накрутов поначалу ничем себя на батарее не проявил. Служба шла по накатанной годами колее: приходили новобранцы, их обучали военной службе опытные бойцы; немного послужив, молодые солдаты писали рапорта и опять, как в начале войны, эшелоны шли на запад – готовилась кровопролитнейшая операция по взятию Берлина.

Иван в один из весенних воскресных дней, когда Накрутов в очередной раз уехал в штаб – у одного штабного офицера был день рождения, – предупредив своего наводчика – к тому времени он уже был командиром минометного расчёта, ушел в сопки на любимое место. Взобравшись на камень, с высоты взглянул на окружающий мир, вдохнул глубоко, ощутив запах пыльцы цветущего орешника, и сердце его от радостного ощущения молодости и наступившей весны забилось в неожиданном порыве и ожидании неисполненной любви, мысли о которой он все эти годы старательно гнал от себя, нагружаясь повседневными воинскими заботами, физическими тренировками. И он понял, осознал, почувствовал, и радость от этого увеличилась до самых бездонных дальневосточных небес, что война, на которую он так стремился и на которую он так и не попал, для него закончилась. И что значит, он, его жизнь кому-

то нужна, если она была дарована ему за просто так... Но тут же Иван похолодел от следующей простой, но гениальной в своей простоте и правде мысли: жизнь ему дарована его братьями, и земляком – Алексеем Бобылёвым, и комбатом Остапчуком, весть о гибели которого дошла до Ивана месяц назад, и миллионами других солдат, которые погибли, чтобы он – Иван Соловьёв мог вот так радостно наслаждаться окружающим его прекрасным миром. И грусть накатила на него, но эта грусть была светлой.

Иван свесился с камня и отломил веточку доросшего за пять лет, которые он здесь служил, вровень с камнем орешника. У него на родине, на севере Сибири, фундук, как называют на Дальнем Востоке орешник, не растёт, и Иван стал рассматривать серёжки, покрытые обильной пылью, набухшие почки, из которых после цветения появятся нежные, похожие на берёзовые, зелёные листочки, и скромный, похожий на полуоткрытую почку, только розоватый женский цветок, из которого к осени созреет такой вкусный кругло-коричневый орех, который даст пищу и птице, и зверю, которые, в свою очередь, разнесут и обронят их по округе, дав жизнь новым росткам.

«Но только с этой сломленной веточкой уже ничего не произойдёт, как и с теми молодыми, не успевшими родить детей, солдатами, которые полегли на войне». – И сердце у Ивана горестно сжалось – он вспомнил своих младших братьев Кольку, Петьку и Серёжку, которые пали смертью храбрых, не успев сделать в жизни ничего. Как они были между собой погодками – так и гибли: Колька – в сорок втором, Петька – в сорок третьем, Серёжка – в сорок четвёртом. И узнал о их гибели Иван в один день лишь в январе этого года – в пополнении прибыл земляк-новобранец – друг младшего, Серёжки, – Игнашка Лошкарёв. Иван, услышав рассказ Игнашки, никак не мог поверить в это, и даже не потому, что на одной войне могут погибнуть три родных брата, а из-за того, что отец – мама была неграмотной – не написал ему об этом. Лишь потом он понял, почему отец так поступил...

День безоговорочной капитуляции фашистской Германии на батарее отмечали радостно, но действительно со слезами на глазах. Сержант Соловьёв в новенькой форме, выданной накануне, алюминиевой кружкой со спиртом чокнулся по очереди с тремя, стоявшими на столе наполненными спиртом кружками, накрытыми сверху кусочками хлеба:

– С победой, братцы! – Глотнул обжигающее зелье и, глуша подступающие слезы, неожиданно запел:

*Наливались знамена
Кумачом последних ран,
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан!*

А вскоре на батарею начало поступать подкрепление. Но прибывали не зелёные необстрелянные ничего не умеющие новобранцы, а повоевавшие на Западном фронте бойцы из госпиталей, не попавшие по той или иной причине в свои части. Практически все они имели награды. И на батарею зачастили разного рода начальники.

Командир батареи Накрутов как будто сдурел: перед начальством стелился, а своих подчинённых совсем перестал считать за людей. За малейшее, на его взгляд, нарушение формы одежды, распорядка дня кричал, хватался за пистолет, грозя расстрелять по законам военного времени, или отправлял на полковую гауптвахту. Но со старослужащим сержантом и командиром минометного расчёта Соловьёвым он в конфликт не вступал. И вообще, как бы обходил его стороной.

Но однажды, в воскресный день начала июня, когда привычный ритм армейской службы становился менее напряжённым и солдат мог заняться собой и даже пощеголять в новенькой форме, выданной в канун победы над Германией, вдруг позвонили из штаба полка и по секрету – не зря Накрутов туда часто навевывался – «свой» человек звонил – сообщили, что

на батарею направился командир полка с внезапной проверкой. Накрутов дал команду срочно гнать личный состав в сопки для проведения марш-броска и обучения бойцов скрытному передвижению в условиях пересечённой местности. Руководить этими занятиями он поручил младшим командирам, а сам остался на батарее – встречать начальство.

Вместе с командиром полка на батарею прибыли начальник штаба сто одиннадцатого укрепрайона, в который входили и полк, и батарея тяжёлых миномётов, начальник штаба полка, несколько штабных офицеров и малоразговорчивый майор с холодным цепким взглядом, с которым почтительно разговаривал даже сам начальник штаба укрепрайона.

Накрутов встретил проверяющих при полном параде в начищенных до блеска хромовых сапогах. Начальство, выслушав рапорт командира батареи, доброжелательно жало ему руку. Майор, пропустив всех вперёд, тоже пожал руку Накрутову, но, задержав ладонь комбата в своей жесткой сухощавой руке, представился:

– Майор Сухарев.

Накрутов невольно вздрогнул – до него просачивались слухи, что некий майор то ли из Смерша, то ли из контрразведки занимается личным составом укрепрайона.

– Это ваш отец застрелился в мае сорокового? – тихо спросил Сухарев.

У Накрутова, казалось, зашевелились волосы под фуражкой – этот факт своей биографии он скрыл даже при поступлении в военное училище, указав в анкете, что его отец умер.

Майор Сухарев, не давая опомниться, так же тихо спросил:

– Кто сообщил о нашем приезде? Фамилия!

– Филимонкин, – еле слышно произнёс Накрутов, и липкий пот заструился у него по спине, стекая в кальсоны.

Майор Сухарев убрал, как показалось Накрутову, брезгливо руку и с безразличным выражением лица присоединился к группе приехавших офицеров.

– лейтенант, показывай свое хозяйство, – окликнул оцепеневшего Накрутова командир полка...

Сержант Соловьёв добросовестно исполнил первую часть приказа – во главе расчёта пробежал весь маршрут, по которому они часто совершали марш-броски, а вот над исполнением второй части приказа задумался. И было это впервые. Нет, он никогда не выполнял бездумно любые приказы командира, не считая тех действий, которые были отработаны до автоматизма. Он всегда обдумывал приказы командира, но это обдумывание всегда было направлено на то, как лучше и быстрее выполнить порученное. А сейчас, впервые за пять лет службы, глядя на новенькую красивую форму солдат, засомневался в целесообразности того, что называлось – скрытного передвижения в условиях пересеченной местности, а проще говоря – где на четвереньках, а где и по-пластунски преодолеть подъём на сопку, а потом, так же незаметно для предполагаемого противника, спуститься с неё.

Сержант Соловьёв даже не брал во внимание то, что сейчас во влажных низинах цвел вечнозелёный багульник с сильным одурманивающим запахом, от которого потом у многих солдат будет тошнота. Тошнота – не пуля, пройдёт. А вот форму новую вряд ли скоро выдадут. И Иван решил:

– Снять гимнастерки и галифе! – скомандовал он и сам стянул гимнастёрку. – Рядовой Лошкарёв, сторожите форму. Расчёт, за мной!

Зрелище, конечно, было необычным: солдаты в нижнем белье и сапогах, где ползком, где пригнувшись, вперебежку продвигались к вершине сопки. Сержант Соловьёв, возглавлявший это необычное продвижение и первый добравшийся до вершины, наблюдая эту идиотскую картину, на какое-то время засомневался: правильно ли он поступил, отдав такой приказ, но, увидев, во что превратилось нижнее бельё, когда бойцы добрались до вершины, подумал, что он, наверное, всё-таки прав – лишь бы на глаза бойцам другого расчёта не попасться – засмеют.

Соловьёв, прежде чем начать спуск с сопки, приподнялся на ноги, глянул вокруг, да так и замер на некоторое время: от батареи к месту проведения занятий двигалась группа офицеров,

которую вёл за собой Накрутов. Прошла, наверное, целая вечность, прежде чем Иван начал что-либо соображать:

– Лежать! – крикнул он солдатам. – Ждать меня! – и, словно ящерица, извиваясь и прижимаясь всем телом к земле, он ринулся назад, со склона сопки, к рядовому Лошкарёву, охраняющему форму личного состава миномётного расчёта.

Изорвав в клочья кальсоны на коленях и взмокнув от пота, Иван в считанные минуты дополз до часового, из укрытия, которым послужил куст орешника, позвал Лошкарёва.

– Игнат, спрячься здесь, а когда появится Накрутов с офицерами, скомандуй: «Стой, кто идёт?» Одним словом, задержи их, а я с формой наверх, оденемся, спустимся с другой стороны сопки. – Иван вывернул свою гимнастерку наизнанку, затолкал в неё форму личного состава и опять ящерицей, но уже медленнее, всё-таки в гору, да набитая гимнастерка в руке, – поднялся на сопку.

Когда личный состав миномётного расчёта во главе с сержантом Соловьёвым прибыл на исходный рубеж, где перед офицерами по стойке «мирно» стоял рядовой Лошкарёв, лишь по красным вспотевшим лицам да грязным сапогам было видно, что солдаты занимались учениями. После доклада сержанта майор Сухарев, взглянув на командира батареи, усмехнувшись, негромко и ни к кому вроде бы, не обращаясь, сказал:

– Молодцы, проползли на брюхе сопку и не испачкались.

Накрутов побагровел:

– Сержант Соловьёв, вы не выполнили мой приказ?!

– Никак нет! Выполнил! – вытянувшись, сказал Иван.

– Почему тогда... Почему?.. – От волнения Накрутов не мог связно говорить.

Сержант Соловьёв стянул гимнастерку.

Начштаба укрепрайона засмеялся. Засмеялся командир полка, засмеялись другие офицеры. Даже майор Сухарев улыбнулся. Потом офицеры двинулись по тропке, по которой столько лет ходил Иван к большому камню.

– Стною, – прошипел Накрутов и пошёл вслед за проверяющими.

5

Вечером того же дня Накрутов перед строем сорвал с Ивана погоны и под конвоем отправил на полковую гауптвахту. А ещё через три дня арестованный был уже на гауптвахте укрепрайона. Там состоялась ещё одна встреча Ивана с майором Сухаревым.

– Значит, новую форму стало жалко?

– Так точно.

– А кто приказал идти на учения в новой форме? Это же натуральное вредительство, – голосом без каких-либо эмоций говорил Сухарев. – Назовите фамилию... Фамилию, и я вас освобожу.

Иван молчал.

Майор Сухарев отправил его назад, и только здесь, в душевной переполненной арестованными солдатами камере, Иван понял, что его расстреляют. По законам военного времени – без суда и следствия.

Он не спал эту ночь: всё прислушивался, ждал, когда загремят сапоги конвоиров по коридору, пронзительно, словно погребальный колокольный звон, зазвенят ключи надзирателя, открывающего дверь, и в оглушительной ужасающей неизбежностью тишине раздастся равнодушный голос:

«Соловьев с вещами»...

Обычно это происходило на рассвете до восхода солнца и именно сейчас, глубокой ночью, захотелось Ивану ещё раз, хоть на мгновение увидеть солнце. О, какое это было бы счастье просто увидеть солнце! И как он этого раньше не понимал? Как он многого раньше не понимал?!

Коротки ночи в июне. И вот уже далеко на востоке, наверное, где-то над Японией, взошло солнце, и первые, еле различимые отблески обесцветили сочный чёрный фиолет неба в серую узкую полосу над горизонтом, и Иван содрогнулся всем телом – по коридору шли. Шаги приближались. Иван посмотрел на арестантов. Казалось, все спокойно спали. Звякнули ключи.

«Ну, всё...» – Невероятным усилием воли Иван заставил свое тело повернуться к открывающейся двери.

– Иванов, Иван который, – спросонья откашливаясь, сказал надзиратель. – С вещами на выход.

После того, как дверь камеры с шумом захлопнулась, кто-то потянул Ивана за рукав.

– Закури, браток.

– Не курю, – произнес Иван.

Ему дали курнуть самокрутку с махоркой, и кто-то по-приятельски похлопал по плечу.

– Я здесь месяц. Уже привык, – арестант засмеялся, казалось, совсем искренне. – А вон и солнце встаёт, значит, будем жить, браток...

Через два месяца, которые показались вечностью, поседевший Иван был освобожден из-под стражи.

– Повезло. Обычно отсюда две дороги: в лагерь или... – надзиратель, выдававший вещи, красноречиво посмотрел вверх.

Иван был не просто освобождён, а направлен для дальнейшего прохождения службы на свою же батарею. И сержантские погоны ему были возвращены. Лишь через некоторое время до него дошёл слух, что его дело держал на контроле сам майор Сухарев.

На батарее младший лейтенант Накрутов встретил Соловьёва с плохо скрываемым удивлением и, как показалось, Ивану – со страхом. Рядовые же солдаты, хорошо знавшие сержанта, – с радостью. Иван Лошкарёв аж прослезился:

– Я думал, тебя того...

Иван обнял земляка, тихо шепнул:

– Молчи, потом после войны поговорим.

6

Должность Ивана – командира миномётного расчёта, оказалась занятой прибывшим с западного фронта старшиной, грудь у которого была в орденах и медалях. Сержант Соловьёв, конечно, огорчился, но окончательно воспрял духом, когда его

назначили первым номером пулемётного расчета РПД во взводе охранения. Свой пулемёт Дегтярева он с любовью разобрал до винтика, вычистил, смазал, проверил, как работает, – остался доволен им, и с наступлением отбоя с наслаждением, словно вернулся из далекого тяжёлого далека домой, погрузился в сон. Но сон был недолог. Ещё до рассвета их взвод подняли и в полном боевом снаряжении, соблюдая свето-звукомаскировку, двинули к границе. Так началось то, к чему готовился и чего ждал все эти долгие пять лет сержант Соловьёв. Началась война с милитаристской Японией.

Если быть точным, начались активные боевые действия, потому что в состоянии войны Советский Союз и Япония находились со времен Халхин-Гола. Но и эти активные действия после двухмесячной отсидки в камере смертников Иван воспринял как обыкновенную и даже радостную – можно было видеть и лес, и реку, и голубое незарешённое небо со свободно катящим по нему красным солнышком – прогулку, за которую, к тому же, давали медали и ордена.

Это потом уже, после войны, Иван узнал, что основной удар по Квантунской армии генерала О. Ямада с запада из Монголии нанесли Забайкальский фронт с Монгольской народно-революционной армией, отрезая пути отхода японцев в Северный Китай, к Жёлтому морю, и Первый Дальневосточный фронт – с восточного направления. А Второй Дальневосточный фронт, в который входил и сто одиннадцатый укрепрайон, где служил сержант Соловьёв, имел первоначальную задачу – не дать прорваться японским милитаристам из образовавшегося котла, и вторую – сжать котёл и уничтожить врага.

После ночного штурма японской заставы на реке Уша-Гоу, за что сержант Соловьёв получил медаль «За боевые заслуги», до горного хребта Малый Хинган ни батарея, ни её прикрытие не вступала вообще в бой.

Северный Китай. Иван знал, что эта местность называется Маньчжурией, и там, в России, она казалась какой-то необыкновенно романтически-вражеской страной, где скрывались белоказаки атамана Семёнова, где росли экзотические чудодей-

ственные растения: аралия, лимонник, и даже человек-корень – женьшень, употребляя которые, можно прожить сто лет, и где чуть ли не в каждом утаённом от людей уголке живёт самая большая кошка на свете – тигр, – на самом деле оказалась очень похожей на наше Забайкалье, и очень пустынным местом.

Дорога, делая небольшой изгиб у выветренной скалы из песчаника, плавно уходила вверх. Иван, шедший с рядовым Вальченко – вторым номером, впереди батареи, растянувшейся на несколько сот метров на дороге, остановился, снял с плеча пулемёт, передал его Вальченко, скрутил самокрутку, закурил. Выпустив густую струю, Иван вытер рукавом гимнастерки пот с лица, задумчиво посмотрел вперед, куда ушли батарейные разведчики, сделал ещё одну глубокую затяжку.

Тишина, привычная уже тишина после ночного боя на заставе, почему-то сейчас его раздражала. Он посмотрел снизу вверх на рядового Вальченко – крупный всё-таки парень, в его руках РПД кажется игрушкой, – опять затянулся. Второй номер выжидательно смотрел на командира.

– Ладно, давай сделаем так, – бросив сигарку, сказал Иван. – Заберёмся справа от этой скалы на гору.

– Зачем, товарищ сержант? – добродушно спросил Вальченко.

– Да так, проведём учение, – к чему-то прислушиваясь, сказал Иван.

Песчаник, лишь стоило к нему прикоснуться, рассыпался как труха. На гору подняться в этом месте Иван всё же смог бы, но вот грузный тяжёлый Вальченко с мешком, набитым дисками с патронами – в бою некогда будет вставлять патроны в диск, – подняться здесь не мог. Пришлось брать ещё правее, где подъём был не так крут.

За то время, пока сержант Соловьёв с рядовым Вальченко поднимались в гору, батарея начала втягиваться на дорогу, ведущую на перевал.

Когда первая лошадь с навьюченным миномётом поравнялась со скалой, Иван, наконец-то, взобрался на вершину, но ни отдышаться, ни даже смахнуть пот ему не пришлось – длинной

очередью, держа пулемёт на весу у бедра, он в упор расстрелял японский пулеметный расчёт, который уже держал на прицеле первый минометный расчёт и потому не заметил поднимавшихся в гору русских.

В ответ с соседних вершин по сержанту Соловьёву ударили винтовочные выстрелы, застрочил пулемёт. Иван, пригнувшись, прыгнул в пулемётное гнездо, которое устроили японцы, и, оттолкнув труп японского солдата, открыл ответный огонь.

Он слышал, что внизу, там, где находится батарея, рвутся ручные гранаты, бьют пулемёты, гвоздят винтовочные выстрелы, но даже взглянуть туда не мог – почти беспрерывно бил и выбивал, – видел, как от его очередей падают вражеские солдаты, не защищённые, потому что не ожидали нападения с этой стороны, временными, ни тем более долгосрочными укреплениями, потому что засада была организована наспех – рассчитана на внезапную вероломность.

Но вот диск последний раз крутнулся, и пулемёт замер. Иван с горечью бросил пулемёт, вырвал чеку из гранаты, давая японцам подойти поближе.

«Ну, видно, судьба такая – погибнуть в этом году», – хладнокровно подумал Иван, и в это время через бруствер, сложенный наспех из камней, перевалилось тело рядового Вальченко. С трудом подтолкнув мешок с патронами Ивану, он прохрипел:
– Кажется, зацепило. – На его губах выступила кровавая пена.

– Спасибо, – крикнул Иван и, зло матерясь, бросил гранату в сторону подбежавших японцев.

И опять забил РПД сержанта Соловьёва, давая время батарее и взводу охранения отступить, чтобы организовать оборону.

А синие глаза рядового Вальченко неподвижно смотрели в голубое небо Маньчжурии, и не было у Ивана ни минуты времени, чтобы закрыть глаза героя, пока на Северный Китай не опустилась ночь и на помощь батарее не подошел батальон пехоты.

И еще был один бой у сержанта Соловьёва с японцами. В предместье Лей-Шу-Хан. Бой со снайпером-смертником. Бой,

в котором опять погиб второй номер пулемётного расчёта; бой, в котором был дважды легко ранен сержант Соловьёв; бой, за который он получил второй орден Красной Звезды. И всё. Девятого августа началась война – девятнадцатого японцы начали почти повсеместно сдаваться. Три боя за десять дней войны. По одному победному бою за каждого из своих погибших братьев, а за честь деда постоять не смог – не получилось лично участвовать в освобождении Дальнего и Порт-Артура.

7

Прошло сорок пять лет. Соловьёв Иван Иванович, похоронив жену, жил в двенадцатиметровой комнате с печным отоплением. Единственная дочь работала в местном краеведческом музее экскурсоводом. У неё был сын – Петька и комната в рабочем общежитии, которую ей выделили как молодому специалисту. Комната отапливалась плохо, внук часто болел: температурил, кашлял. И Иван Иванович, который ждал благоустроенного жилья уже не один десяток лет, решил. Пошёл сначала в исполком, где он стоял на очереди, а потом в райком партии, который располагался в этом же здании.

В райкоме он, как будто только этим и занимался всю жизнь, направился в приёмную первого секретаря. Дорогу преградила секретарша. Еле сдерживаясь, чтобы не вспылить, Иван Иванович из внутреннего кармана пиджака с орденскими планками на левой стороне вынул тонкую красную книжицу с изображением основателя и положил её на стол:

– Я выхожу из партии, – дрогнувшим голосом сказал старик.

Секретарша, быстро среагировав, попросила старика присесть, и с его партбилетом зашла к первому. Через минуту дверь кабинета распахнулась, и в приёмной появился хозяин райкома партии. Что-то знакомое показалось в лице партийного секретаря Соловьёву, и Иван Иванович слегка наморщил и без того изрезанный глубокими морщинами лоб, вспоминая – где же он его видел? В райисполкоме он за последние двадцать лет был один лишь раз – когда вставал на очередь на благоустроенную

квартиру, а в райкоме и вовсе ни разу не был: на учёте он стоял по прежнему месту работы, а ходить, обивать пороги, как это делают некоторые ветераны, он считал унижительным, да и незачем это делать, если все в стране, и люди, и учреждения, живут и работают по справедливости, как он сам всю жизнь жил и работал... Говорят, таблички вешают на дверях с фамилиями начальников, но дверь была открыта настежь, а раньше прочесть он не сообразил. Вот так мучаясь – где же он видел это лицо, Соловьев вошёл в огромный кабинет с большими полированными столами, за один из которых сел хозяин кабинета. Старик взглянул на портрет Генерального секретаря партии, висевший над ним, потом посмотрел по сторонам. В кабинете было уютно, тепло и тихо.

– Иван Иванович, ну что вы стоите, садитесь, пожалуйста. Вы же старейший наш партиец и пришли к себе домой, – излучая доброжелательность, сказал первый секретарь, разглядывая партбилет Соловьёва.

Старик еще раз посмотрел на ряд красивых мягких стульев, обитых кожей, стоявших у стены, на изумительного качества и расцветки ручной работы ковёр – такой он видел лишь однажды – в кабинете японского генерала в Хингане, и про себя усмехнулся:

«Хорош дом. Вот бы здесь пожить моему Петьке – через неделю бы хронический бронхит прошёл...»

– Иван Иванович, возьмите свой партбилет... Я вас внимательно слушаю, – донесся до старика назойливый голос.

– Мне бы квартиру, – начал говорить Соловьёв, но, вдруг вспомнив, где он видел это лицо, себя прервал. – У вас фамилия не Накрутов?

– Накрутов, Накрутов! Меня все в районе знают. Тем более сейчас перестройка, гласность. От народа у нас секретов нет, – самодовольно улыбаясь, сказал хозяин кабинета.

«Ваш отец не воевал на Дальневосточном фронте?» – хотел спросить Соловьев, но передумал – и так было все ясно.

– Оставьте его себе, – старика начало трясти от нервного напряжения.

– Что значит оставить? – с нажимом в голосе спросил секретарь. – Объясните?!

– Я выхожу из партии, – твёрдо сказал старик.

– Вы в партии сорок семь лет. Через три года мы дадим вам золотой значок члена партии, – поняв, что старика на испуг не взять, сменил тон секретарь.

– На фиг мне ваш значок, мне бы теплое жильё для моего внука. – И старик, с выступившими на глазах слезами пошел к двери.

– Оставайтесь в партии, и мы дадим вам квартиру, – крикнул вслед Накрутов.

А ещё через пять лет журналист из областного центра, считавший себя по-прежнему диссидентом в «этой стране» и демократом, по случаю пятидесятилетия Победы поехал в глубинку – сделать репортаж: «Как живёте вы, ветераны?» и, наткнувшись в списке представленных к ордену Великой Отечественной войны на фамилию Соловьёв – он был неравнодушен к фильмам кинорежиссера Сергея Соловьёва, – решил сделать с него материал.

После подробной беседы – видно, к старости у Ивана Ивановича начал меняться характер, а может, просто от отчаяния – старик рассказал всё подробно и о войне, и о сегодняшнем житье-бытье, и о визите пятилетней давности к первому секретарю правящей тогда коммунистической партии, журналист подумал о том, что Накрутов, являясь сейчас мэром города, поддерживает демократов, и решил сделать репортаж для газеты с другим, более благополучным ветераном той ужасной, кровопролитной и, конечно же, справедливой войны. А с Соловьёвым он поступил так: то ли в шутку, то ли всерьёз – может, действительно старик задел его за живое, – он позвонил своему приятелю телевизионщику и договорился в связи с юбилеем Победы снять обращение заслуженного орденосца российского победителя к послу побежденной Японии с просьбой выделить победителю японских йен на покупку квартиры, потому что собственной стране, за которую проливал кровь, ветеран оказался не нужен.

Журналист-телевизионщик подробно проинструктировал фронтовика, Соловьёв надел ордена, настроили камеру и начали снимать.

Старик долго моргал – от яркого света слезились глаза, потом вдруг сжал руку в кулак и громко хрипло выкрикнул:

– А острова мы все равно не отдадим!

Больше от него не добились ни слова.

Вскоре ему дали квартиру, в которую Иван Иванович переселился вместе с дочерью и Петькой. Петька действительно перестал болеть, через полгода стал ходить на секцию греко-римской борьбы.

Дед проводил беседы с Петькой. Да и кто ещё с ним вот так поговорит: по-мужски откровенно, доверительно и с любовью – отца-то у Петьки нет. Уехал в другой город давным-давно, пил, да, говорят, и отравился – в киоске водку из технического спирта подсунули.

Дед подробно рассказывал о своём отце, о деде, о своих братьях. Братья жениться не успели и, соответственно, детей после себя не оставили. И они с бабкой вот только одну дочь, стало быть Петькину мать, смогли родить – уж больно сильно во время войны надорвалась, да намёрзлась старая. А вот дочь-то и могла бы нарожать, да мужиков, как после войны, нормальных почти не осталось. Вот и приходится одному Петьке скучать – ни братьев, ни сестёр, даже двоюродных, нет.

Петька эти разговоры слушал и снисходительно улыбался:

«Вот опять деда понесло».

А дед продолжал:

– Не дай Бог, что с тобой, Петька, – прервется наш род Соловьёвых... А кто землю нашу защищать будет? Вон и так уже китайцы нашу тайгу уссурийскую вырубают, на нашей земле селятся. Скоро отхватят Дальний Восток с Сибирью до Урала... Так что твоя задача, Петька, сохранить себя, нарожать побольше детей. И учится надо...

Петька нетерпеливо перебивал деда:

– Можно пойду погуляю?

– Гуляй. Но думай, о чём я тебе говорю, а то однажды придёшь с прогулки, а здесь, у тебя дома, сидит какой-нибудь самурай...

8

Через четыре года, когда Петьке исполнилось восемнадцать лет, из военкомата пришла повестка.

Проводы были скромными – к тому времени, даже в сравнении с годами застоя, музейные работники получали такие крохи, что материнской зарплаты хватало лишь на неделю, а на дедовскую, хоть и большую на общем нищенском фоне, пенсию, втроем особо не пошикуешь, – на полированном раздвижном столе, накрытым белой скатертью, стояли тарелки с варёной картошкой, селёдкой пряного посола, украшенной тонкими ломтиками репчатого лука, порезанным серым хлебом, с домашними соленьями, да ягодой прошлогоднего урожая, лежавшие до поры до времени замороженными в морозилке холодильника. Завершали праздничное украшение стола – поллитровка очищенной самогонки и графинчик домашнего вина на рябине.

Петькин дед в военной гимнастерке в орденах и медалях, выпив рюмку самогонки, крикнул, занюхал рукавом.

– Папа, – укоризненно сказала дочь. – Ты же ещё не совсем выздоровел.

– Ничё, сегодня можно, – успокаивая, сказал старик и продолжил свою речь. – И прадед твой, Петька, воевал. С япошками. И прапра... Тфу! Сбился! Стало быть, мой прадед, тоже воевал. С турками.

Младшие соседские пацаны Фёдька и Стёпка смотрели на Петьку с завистью. Но не потому, что он идет служить в армию, а потому, что он старше их и ему уже официально разрешено выпивать за столом вместе со взрослыми.

Петька глотнул самогону, во рту зажгло – непривычен он был ещё к этому зелью благодаря греко-римской борьбе, которой он занимался уже много лет; ложкой черпанул облепихи.

– Ну, пора. Через два года вернусь, – Петька обнял мать, кивнул деду. – Ты меня дождись, ещё в тайгу за орехом съездим.

– А ты мою науку помни: храбрость без ума – глупость; не ленись – окапывайся; стреляй всегда первым,.. – начал повторять старик.

– Ну, папа, сейчас же нет войны, – перебила его Петькина мать и суеверно постучала по косяку двери.

– Я пошел, не провожайте! – Петька подхватил дорожную сумку, закинул её за плечо и шагнул за порог.

Петьке Соловьёву повезло дважды. Во-первых, служить он попал в знаменитую псковскую дивизию ВДВ, а, во-вторых, через год ему дали краткосрочный отпуск. Высокий, сильный, красивый в форме десантника: с аксельбантами, тельняшкой и синим беретом, он произвёл впечатление не только на мать, соседских пацанов и девчонок, но и на деда.

Так они и запечатлелись на большой цветной фотографии: дед и внук. Оба в форме. Иван Иванович с пенсии купил рамку и повесил фото над своей кроватью – чтобы вечером, ложась спать, видеть Петьку, и утром, вставая, тоже видеть его. И ещё, втайне от дочери, он сходил в церковь, купил маленькую иконку и, когда её не было дома, он нет-нет да и обращался к Богу. Не за себя – за Петьку молился.

– Господи, спаси и сохрани моего внука, не дай прерваться роду нашему – Соловьёвых!

Потом у Петьки была Чечня и бой на перевале. От роты осталось только двое. Петька погиб.

Похоронив внука, старик, надев сохранившуюся с времён Отечественной войны, гимнастерку с сержантскими погонами и нацепив все ордена и медали, лёг умирать. Смерть не брала – зная, жизненная сила предков, создавших огромную, раскинувшуюся от океана до океана империю, и выживших на этих суровых пространствах, была так сильна, что и в восемь

десятков лет, когда всё было в жизни порушено и когда уже ничего изменить было нельзя, не давала умереть.

Старик лежал на диване сутки, двое... Утром третьего дня в дверь квартиры неожиданно позвонили. Старик вставать не спешил: он никого не ждал. У дочери, которая лечилась в стационаре после похорон единственного сына, были свои ключи.

Старик, подумал, что ему показалось, и снова закрыл глаза, но в дверь опять позвонили. На этот раз настойчиво, продолжительно, отчаянно. Старик медленно поднялся, голова закружилась, но звонок продолжал звонить. Старик медленно подошел к двери, открыл её.

Перед ним стояла хрупкая, но с большим уже животом девушка, одетая в чёрное. В её серых глазах стояли слезы, а в руках была дорожная сумка.

– Я – Надя. Мы дружили с Петей. Там, в Пскове. Хотели пожениться. – Она ступила через порог, уронила сумку и, обняв старика, заплакала, – Петя вас очень любил.

Юрий ПЕТРУНИН

Юрий Яковлевич Петрунин – поэт. Рождён в станице Слащёвской, что на берегу Хопра, в Сталинградской области. Было это за два с небольшим года до начала Великой Отечественной войны. Аттестат зрелости получил в одной из школ Сталинграда. В 1962 году с дипломом, полученным в Ленинградском политехническом институте, начал работать в мытищинском ОКБ кабельной промышленности. Параллельно учился на заочном отделении Литературного института. С 1975 года профессиональный журналист. Более полувека на общественных началах руководил мытищинским ЛИТО имени Дмитрия Кедрина. Издал пять стихотворных книг, две литературоведческие и одну журналистскую. Почётный гражданин городского округа Мытищи.

Живёт в г. Мытищи МО.

БЫЛА ВОЙНА НАРОДНАЯ...

КАК РОВЕСНИКАМ...

Как ровесникам, и мне
Довелось хлебнуть лишений.
Я участвовал в войне –
В страшном качестве мишени.

А ещё письмом затёртым
С обведённой пятернёй.
У отца под гимнастёркой
Был надёжною бронёй.

НАКАНУНЕ...

Памяти Тани Расшивалиной (1941–1973)

Дымом тянет из-за границы.
В моде карты на полстены.
Верх доверчивости – родиться
За два месяца до войны.

Мама доченьку пеленала.
В это время у папки их
Комсоставская
полиняла
На учениях полевых.

Но чего-то недоучили
Или просто недоучли...
Стаи вражеских эскадрилий
Омрачили рассвет земли,

Простиравшейся перед Бугом –
Той – зачёркнутою рекой.

Счёт былым боевым заслугам
Был оборван.
И грянул бой!

ЭВАКУАЦИЯ

Маме

Я путешествий в прошлое боюсь –
Немудрено попасть и под бомбёжку,
Особенно когда непонарошку
Пятнает небо свастичная гнусь.

Под перехлёстом пулемётных трасс
Открытой степью без дороги едем.
Четвёрка добрых шишкинских медведей
Самозабвенно охраняет нас.

Ни пред каким шедевром не забыть
Ту копию на старенькой клеёнке,
На прутиках натянутую тонких,
Чтоб наш возок от неба защитить.

Мы едем. Я, наверное, ору.
Опять у мамы воду вымогаю.
Как бомбы я перенесу – не знаю,
Но плохо вот переносу жару.

СЛОВО О ЖЕНЕ РУДНЕВОЙ

Мечтала девочка
на звёзды
Смотреть в огромный телескоп,
А ей достался жжёный воздух
И замороженный окоп.
Досталась штурманская карта,
Рисковый бреющий полёт,
От вдохновенья и азарта
Под шлемофоном едкий пот.
И мстила Женя за Лосинку,
За опустевший МГУ,
Чтоб небо русское
с овчинку
Казалось наглому врагу.
А звёзды тоже были. Были –
На плоскостях, одна к одной.
И был один последний вылет.
И самолёт упал.
Звездой.

* * *

*Памяти красноармейца Алексея
Ващенко, героически погибшего под
Сталинградом 5 сентября 1942 года*

Подробностей мало, а суть в трёх словах:
Собою закрыл амбразуру.
И в небо поднялся немислимый прах,
Земле ореол образуя.

Врагов не убил, сам себе дал приказ
Навек отлучиться из строя.
Врагов не убил, но товарищей спас
От смерти – для смертного боя.

Последний его полукрик-полухрип
Никто никогда не услышит.
Но честно о том, что геройски погиб,
Родным его писарь напишет.

Врагов не убил, но товарищей спас
От пуль озверелого роя.
Так встретил герой свой решительный час,
Но мало кто помнит героя.

С матросовским подвиг его не сравнят.
Ещё от приволжских откосов
Вперёд не шагнул богатырь Сталинград.
И жив ещё Саша Матросов.

1986 г.

ПЕРЕПОДГОТОВКА

На срок, известный военкому,
Нас оторвали от цехов,
От строек, от забот по дому,
От новомодных пиджаков.
Нам гимнастёрки непривычны,
Мы не умеем козырять,
Но служат нам оружием личным
Перо и общая тетрадь.
А молодежью майоры
Ведут нас в дебри хитрых схем,
Читают курсы, о которых
Болтать не принято совсем.

Да, есть военные секреты.
Но это вовсе не секрет,
Что нам, в военное одетым,
Милее взрывов – солнца свет.
Пускай нам жёны письма пишут
Да шлют на курево рубли.
Родные письма домом пишут
И необъятностью земли.

Земля советская огромна.
И чтобы защитить её,
Стрелой вонзается в жнивье
Бесплодный клин ракетодрома.
И мы свои же клетки мозга,
Как поле под ракетодром,
Под смертоносные ремёсла
В фонд обороны отдаём.

ШКОЛА ПОБЕДЫ

Учился я счёту по вражьи́м крестам –
По длинным рядам
на немецких кладбищах.
Они подступали к моим городам,
Нахально белы посреди пепелища.

Крикливые стаи военных ворон
На узкие каски садились устало.
Ворон – легион,
и крестов – легион
Но всё ж на кресты
всех ворон не хватало.

В меня география с хлебом вошла:
Сибирской горбушкой
 сорок второго,
А после – восходом над краем стола
Бессмертной тамбовской
 ковриги ржаного.

А спал я под картой, к Москве головой.
На карте – колючие красные стрелы.
Казалось, что рост
 ежеутренний мой
Войну задвигает в чужие пределы.

Не сказки я в памяти буду беречь –
От радостных сводок
 под крышей светало.
Единственно верную русскую речь
Поставил мне праздничный бас Левитана.

Я первую школу до школы прошёл –
По той же программе,
 что все одногодки.
Ещё и пешком мы ходили под стол,
Когда нам отцы подарили пилотки.

«Вояки» – в сплошных синяках и в пыли –
Грядущей счастливой эпохи полпреды.
Военные дети, мы трудно росли,
Но мы надыхались озоном Победы!

Константин СПАССКИЙ

Константин Николаевич Спасский – поэт, журналист, актёр театра и кино. Родился в 1963 году в Новосибирске. Служил в Советской Армии. Окончил Новосибирское театральное училище. Работал в Новосибирских драматических театрах. С 1997 г. артист московского Театра Комедии, Государственного театра киноактёра. Автор 15-ти поэтических сборников. Лауреат международных и всероссийских премий. Отмечен ведомственными и общественными наградами, а также премиями, дипломами и медалями РТСРК, СТД РФ, СПР, МАПБиМ. Спецкор газет «Московский вестник культуры», «Кино. Театр. Телевидение. Радио», «Вестник баталистов и маринистов». Член МГО Союза писателей России. Председатель Московского отделения Российского творческого Союза работников культуры (МО РТСРК).

Живёт в Москве.

ВЕЛИЧИЕ ЗНАМЁН

ПРАВДИВОСТЬ

Самоедство меня донимает неспешно.
Я хочу быть правдивым

и мыслить безгрешно.

Не утешат искомые ночью ответы.
В моей памяти живы солдат силуэты,
Пред которыми я в неоплатном долгу.
Этот долг я вернуть никогда не смогу,
Потому что ушедшие канули в Лету,
Потому что без них я блуждаю по свету,
И вернуть им уже ничего невозможно.
А мне надо идти, как бы ни было сложно.

Мои деды погибли в назначенный срок!
Сорок третий, совпало, подвёл им итог!
Мне ж война не закончилась! Памяти раны
Не рубцуются! Кажется странным,
Что так прошлое давит! И нет оправданий,
Что я мало своих прилагаю стараний
Быть достойным!

И мыслить безгрешно...

Самоедство меня донимает неспешно.

БОМБЫ

Фашисты бомбили мирных и спящих.
Сгоревшим могилами стали руины.
Страна обмерла от детей голосащих.
Смерть принимала земля Украины.

Год сорок первый умылся кроваво.
В любви и надеждах мы черпали воли.
Погибнуть за Родину высшее право
Мы постигали средь стонов и боли.

По судьбам военный пожарище вольничал.
В тылах оттянув до колен свои руки,
Ревели белугами женщины в полночах,
Азы познающие вдовий науки.

А нас убивали, топили в крови!
Союз нерушимый, и всё же распятый,
Господи Боже, благослови!
Россия, прости! И прими сорок пятый!

Мы были из плоти! Из веры! Из стали!
Мы в вечность ушли за солдатом солдат,
Чтоб только приблизить победные дали,
И Родине больше не ведать утрат.

КРОВАВЫЙ ХОД

Заботит провиденье слабых,
Героям смерть – всего лишь смерть.
Героям жить в деяньях правых,
Перевернув земную твердь.

Без срока давности утраты!
Война никем не прощена.
Приходят павшие солдаты
Свои напомнить имена.

И горечь мажет праздник смолью.
Кровавым кажется восход.
Пронизан болью, острой болью
Истории кровавый ход.

НАША ПОБЕДА

Не хватает земли для военных погостов.
Не хватает героям посмертных наград.
Наших славных побед Красной площади остов
Принимает сегодня Победы парад.

В этот праздник смешались и горечь, и гордость.
Мы помянем, как сможем, всех вечно живых.
Монументов холодных гранитная твёрдость
Крепкий сон охраняет войны рядовых.

Будем жить, памятуя о подвиге дедов,
Становиться прекраснее день ото дня,
Что бы кровью добытая наша Победа
Поколеньям грядущим была как броня.

КРОВАВАЯ ПАМЯТЬ

Сколько ж я за войну человек схоронил?!
На военных дорогах несчётно могил.
Есть надежда, что нынче никто не забыт.
И есть вечная память о тех, кто убит.

День Победы – наш праздник за всё и за всех!
Монументы не зря устремляются вверх!
Стелы сон берегут моих мёртвых друзей.
Тут большая могила. И сколько же в ней?

Заслезилась глаза от фамилий и дат.
Здесь лежат миллионы советских солдат.
Миллионы! И каждому Бог был судья.
Уходили на небо его сыновья.

И смотрели из синих глубин на меня,
От болезней, от ран и от смерти храня.
Я их помню! Всех тех, кто в боях был убит.
Есть кровавая память – никто не забыт!

ДРУЖИЩЕ, ПОКУРИМ?

Рвали снаряды плоть и бетон.
Бойцами давно перейдён Рубикон.
Красится яростью новый восход,
День для живых составляет дресс-код.

Дружище, покурим? Война подождёт!
Сегодня уж точно никто не умрёт.
Как тихо сегодня. Видать, неспроста.
Вся ширь впереди непривычно пуста.

Сегодня для смерти не будет причин.
С тобою должны мы дожить до седин.
А завтра ещё повоюем, поди.
Победа с тобою нас ждёт впереди.

Покурим, покуда всё тихо вокруг,
Вспомним оставленных дома подруг.
Сухой табачок, только дым горьковат.
Война не бывает слёз и утрат.

Покурим, дружище! Хороший денёк.
Да как бы обстрел я на нас не навлёт.
Давай-ка в окоп. Да всю ширь огляди.
Кто ж знает, что ждёт нас с тобой впереди.

Горит ненадёжный надёжный бетон.
Наш батальон перешёл Рубикон.
Кровью умылся новый восход,
День для живых составляет дресс-код.

ВЕЛИЧИЕ ЗНАМЁН

Мы были правотой всеильными.
Как сталь окрепла наша плоть.
Мы шли шагами семимильными,
Чтобы врага перемолоть.

Мы воевали подобающе,
Храня величие знамён.
И шли в бессмертие товарищи
Во славу будущих времён.

И нам, потомкам победителей,
Черёд побед вершить настал
И гнать завравшихся воителей,
И плоть свою облечь в металл.

ОКОПНЫЙ АНГЕЛ

Над окопом ангел белый,
От обстрелов обгорелый.
Он в Донецке надо мною
С непокрытой головою
Бережёт меня как может,
Сердце подвигом тревожит,
Охраняет день да ночь
Во всю ангельскую мочь.

Сединою убелённый,
Только Богу подчинённый,
Он в окопах стал своим.
За Россию с ним стоим,
Да спасаем Украину,
Бьём фашистскую вражину.

А по нам стреляет НАТО,
НАТО пушками богато.
Этих тварей словно вшей.
Мы погоним их взащей.
Обгорелое залечим,
Мёртвых всех увековечим.
Мой небесный визави!
По колено с ним в крови.
Грязный, стылый, очумелый,
Над окопом ангел белый.
От разрывов бережёт,
Перья ангельские жжёт.

ИЗНАНКА

Памяти полковника А.Г. Глотова

Мы пили с Гловым на пару.
Он отставник, и что ему
Поддать среди недели жару
Без неуместных «почему?».

С обидой, с болью про державу
Полковник заводил рассказ
И ратовал за честь и славу,
И поднимал стакан за нас.

Он с убеждённостью мессии
Доказывал, чтоб взял я в толк, –
За кровь израненной России
Есть у Европы старый долг.

С войны солдатские останки
Лежат без дат и без имён.
Победы знаем мы с изнанки
Расшитых золотом знамён!

Он мудрствовал про отречение.
Мол, сами мы судьбу влечём,
Найдя своё предназначенье, –
Быть жертвой или палачом.

Он вспоминал, что было ране
И знал – назад дороги нет.
И всё искал в своём стакане
Хмельной, но правильный ответ.

ВЗВОДНЫЙ

Разведчику Николаю Смолину

Сон опять повторился. И снова на сердце тревожно.
Так тревожно, что даже дышать невозможно.
И как будто бы жизнь предо мной открывает все двери,
Но пред каждую дверью порочный порог суеверий.

Мы опять попадаем в походе, в горах, в окруженье,
Где становится подвигом каждое наше движение.
Взвод проявит опять чудеса героизма и погибнет,
Без всяких сомнений, но с дьявольской долей цинизма.

Распахнул сам всевышний убитым небесные двери.
Перед мёртвыми нет у меня суеверий.
Но выходят подонки на грязную сцену
И считают героев поштучно, и знают им цену!

И почти я сдаюсь! Я хочу стать потолще, попроще.
Но не выйдет! Я столько убил, что стал жёстче.
Плохо спится ночами – приходят покойники ночью
И беседы со мною ведут,
Заставляя о совести думать порочно.

Как память давит
Душа плакучая.
Остались живы, –
Всё дело случая.

Кладбища полны!
Нет очищения!
Я у убитых
Прошу прощения!

Когда ж утихнут
Войны пожарища!?
Бойцы! Помянем
Своих товарищей.

СУДЬБА ПОТОМКОВ

Веков кровавые соцветья,
Где каждый день – смертельный бой,
Призвали и моё столетье
Измерить собственной судьбой!

Пусть скоротечны жизни годы,
Но то, что есть, – всё от щедрот!
Посей на будущее всходы, –
Продли могущественный род.

Минует время лихолетья,
Пройдёт последний смертный бой.
Пусть мира новые столетья
Потомки назовут судьбой!

НАШ БОЙ

Я думал, что святые святые,
Что жизнь проста, а смерти нет,
И что погибшие солдаты,
Вернутся вновь на белый свет.

Я думал, что пройдут парады
По окончании войны,
И что высокие награды
Получат родины сыны.

Все, в общем так.
И всё иначе.
Где смог, и я рискнул собой.
Покоя нет. А это значит,
Что продолжается наш бой.

* * *

Убили деда и прадеда.
Прадеда наши, деда фрицы.
Отцу досталась лишь победа,
А мне отцовы небылицы.
Кому судьба, кому судьбина –
Тюрьма, протез, звезда, медали,
Кусок земли, сырая глина,
Таёжный гнус, пустыни дали.
Кому-то космоса пространство,
Кому ещё войны достаток,
Да чёрное голов убранство,
Жизнь начинающих, солдаток.
Что ждёт меня? Работа? Пьянство?
Судьба героя или гада?

Убогой жизни постоянство?
Или Всевышнего награда?
Увидеть хочется прадеда,
Послушать деда, выпить малость,
Чтоб потекла у нас беседа
За жизнь, за молодость, за старость.
Но всех давно поубивали.
Кого-то наши, кого фрицы.
В истории пустые дали
Ушли родные сердцу лица.

ЗА РОССИЮ НАВЕЧНО!

Я отмечу как факт, что Идея чиста
Белизною открытого мною листа.
Но не стоит судить
 беспардонность чернил.
Закалится Идея в пожаре горнил.
Мы поднимем над войском
 Её, словно флаг.
Принимая Её выше всяческих благ!
И мы выживем, выдюжим, Бога моля,
Вздобрив потом и кровью родные поля.
Лишь бы наш триколор
 не поник от невзгод.
За единство! За мир голосует народ!
За Россию навечно! Вот наша стезя!
Нам предать память
 предков погибших нельзя!
Каждый день, как и раньше,
 судьба на кону.
За Россию навечно! За нашу страну!

ПОБЕДНЫЙ МАРШ

Моя Москва – мой град победный,
Где на знамёнах Царь и Бог!
И где богатый люд и бедный,
Дерзает к счастью дорог.

И пусть пресыщенная смутой,
Девятый век, из года в год.
То ходит нищей, необутой,
А то слывёт столицей мод.

Не в меру сыплющая златом
Паршивой разности тузам,
Убранством сказочно богатым
Бьёт по сердцам и по глазам.

Москва щедра! Миролюбива!
И по-разбойничьи лиха.
И либерально незлобива,
И только до поры тиха.

Моя Москва – святынь святыня!
Хранит столетья честь свою!
Мать городов! Мать-героиня!
И я ей гимн любви пою!

Пою, твой горожанин бедный,
О том, что лучше места нет
Пусть твой грохочет марш победный!
На целый мир! На Божий свет!_

Андрей ОБЪЕДКОВ

Андрей Юрьевич Обьедков – прозаик. Родился 8 июля 1971 года в г. Мичуринске Тамбовской области. Окончил филологический факультет Мичуринского государственного педагогического института. Защитил дипломную работу по творчеству В. Кубанёва: «В.М. Кубанёв. Гражданин. Поэт. Учитель». С 1993 по 2016 годы служил в органах внутренних дел. Ныне – специальный корреспондент газеты «Вечерняя Москва». Член Союза журналистов России. Член МГО Союза писателей России.

Живёт в Москве.

ВОЙНА АЛЕКСАНДРА ПОПОВА: БОРЬБА И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Повесть

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ САШИ ПОПОВА

Село Студенцы расположилось в степях Оренбургской области. Бескрайние поля, засеянные пшеницей, привлекали взгляд Саши Попова. Сначала он любил бегать к отцу, работающему в колхозе, – мальчишке нравилось ездить на тракторе. А летом наблюдать, как колосятся поля.

Но тридцатые годы двадцатого столетия были сложными: засуха заставила поволноваться даже жителей богатых регионов. А у Поповых была многодетная семья. Саша, родившийся как раз на первую годовщину смерти Владимира Ильича Ленина – 21 января 1925 года, застал самые трудные времена. Становление молодой Советской республики, новая экономическая политика, создание колхозов. В 1932 году, когда мальчишке исполнилось семь лет, пошёл работать в колхоз и одновременно учился в школе. После занятий быстро забегал домой, выпивал стакан молока с хлебом и быстро на подмогу к родителям. Ведь нужно было заработать трудовни, по которым был план. Не выработаешь – не получишь скудного пайка из колхоза. Но несмотря на работу, всё-равно закончил 7 классов и стал полноправным членом колхоза.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВОЙНЫ

В мае 1941 года по селе начали появляться новые люди, они настораживали местных жителей. Нет, это были не чекисты.

Слава Богу, коллективизацию местные жители прожили, да и урожай был нормальным, на жизнь вроде бы хватало.

– Это шпионы, – говорили меж собой бабы, – скоро война начнется, как пить дай!

Мужики вначале посмеивались. Но разговоры о шпионах не прекращались. Зашёл как-то Александр вечером в местный клуб, начал осматриваться. А сидевшие рядом на лавочке женщины разговаривали меж собой.

– Семёновна, видела, как сегодня у конторы и у сельпо сегодня вертелся мужик?

– В серой рубахе и чёрных брюках?

– Он самый. Подозрительный, уже который день вижу на улице: всё высматривает, у мальчишек что-то выспрашивает. Видела, что разговаривал с соседским Колькой. Подошла потом к нему, спросила, что дядька спрашивал, а Колька ответил, что выспрашивал, сколько у него в семье человек, сколько из них работают в колхозе.

– Точно, шпион. Наши и так друг друга знают, а этот сведения узнает...

– Как пить дай, быть войне...

В Оренбуржье уже несколько месяцев была напрягающая обстановка.

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

22 июня 1941 года запомнилось всем. Мужчин призвали в армию, поэтому вся нагрузка легла на женщин и подростков. Александр Попов стал уже за двоих трудиться в колхозе: комбайнёром и трактористом. Он был рослым и смахивал за совершеннолетнего. Поэтому в середине января 1942 года, когда приехали представители военкомата, не задумываясь повезли на сборный пункт. Это увидели соседи и побежали в контору колхоза, где работала Александра Ильинична Попова.

– Там твоего Сашку на фронт забирают.

У женщины поначалу онемели ноги. Но она быстро опомнилась, быстро взяла конторскую лошадь и на санях помчалась на станцию, отыскивала сына, поинтересовалась, где командир и стала доказывать, что его нельзя в армию.

– Ему ещё шестнадцать, – доказывала мать. – Семнадцать только через неделю. А в армию ведь можно только с восемнадцати.

– Документы есть? – строго спросил политрук.

– Свидетельство о рождении дома.

– Если за полчаса успеете предоставить, то отпустим.

Женщина, как ошеломлённая, помчалась на лошади домой, схватила бумаги и снова на вокзал. Когда ещё на платформе увидела новобранцев, обрадовалась. «Не успели...», – промелькнуло в голове. И тут же к командиру. Тот проверил, сделал какие-то пометки в своих бумагах.

– Александр Иванович Попов! – выкрикнул он.

– Я!

– Шаг вперёд! Вы свободны, проследуйте за матерью.

Какие чувства кипели у стоявших рядом парней, можно только догадываться.

А женщина кинулась на сына, обняла, посадила в сани, и повезла домой. Наивно верила, что война скоро кончится.

ПОПОВА ПРИЗЫВАЮТ НА ФРОНТ

Но война продолжалась. Ожесточённые бои за центр и юг Советского Союза продолжались. 9 февраля 1943 года парню пришла повестка. Но тут уже мать была бессильна: парню уже 18 лет.

Направили его учиться в Рижское пехотное училище, а потом на учёбу в башкирский город Стерлитамак. Попов вроде бы обрадовался – рядом с Оренбуржьем, по соседству с родными краями. Но когда прибыл туда, защемило сердце: вроде до дома

рукой подать, каких-то несколько десятков километров, а в гости сбегать невозможно. Ведь военное положение! Можно и под трибунал попасть.

К тому же курсантам не дали доучиться, так как немцы подступали к Кавказу. Их – в эшелон и привезли в Северный Донец, где они попали в 79 стрелковую дивизию. Прибывшие только что на передовую бойцы вначале обрадовались: их накормили, выдали новое обмундирование, винтовку и будёновку старого образца. Все были довольны, что отъелись до отвала. Такого уже не было давно. Но радость прошла уже к вечеру, когда пришлось идти в первый бой: вот уж была страшная мясорубка. Все, кто остался жив, подумали: лучше недоедать, но не видеть этого ужаса.

У командиров знакомство с личным составом порой было только по списку. Так как после каждого боя было новое пополнение и новые списки.

А Попову везло: несмотря на высокий рост, он умело уворачивался от пуль, проявлял находку и выделялся физическими навыками. Именно поэтому его вскоре направили служить в инженерно-штурмовую бригаду. Бойцам выдали штурмовые щиты из брони, которые одевали на живот и «брали» высоты, в которых засели фрицы. Эта бригада была чем-то сродни нынешнему СОБРу, который освобождает здания от бандитов, взявших заложников.

* * *

Шёл как-то бой за одну деревеньку. Названия у бойцов не запоминались. Отсчёт шёл на поселения «наши» и «не наши». А эта деревня была неизвестно чья: в одном доме советские солдаты, в соседнем – немцы. Колодец находится посередине. А пить хочется всем. Что делать? Начали договариваться, что за водой ходят по очереди: сначала советские солдаты, потом фашисты, а в это время никто не стреляет. Сильнейший пусть определится в бою. Вот такая договорённость существовала между враждующими солдатами. Но при этом заметили, что

старые немцы были более разумными и более сговорчиво шли на уступки. А вот молодые были головорезы.

ДЕЗЕРТИРАМ НЕ МЕСТО РЯДОМ

Да и в нашей пехоте были разные люди. Как-то в окопе во время боя Александр Попов заметил, как один боец выстрелил себе в ногу, упал и лежит.

- Что с тобой, – спросил Сашка, когда подбежал к нему.
- Немцы ранили.
- Я же видел, как ты сам себя...
- Нет, немцы, – доказывал раненный.

Его отправили в госпиталь, но Попову пришлось выступать свидетелем на разбирательстве. Когда его оппонент вышел из больничной палаты, состоялся трибунал, на который вызвали всех свидетелей, которые видели эту ситуацию. Оказалось, что это наблюдало несколько человек.

– Мне хотелось попасть к любимой девушке, – оправдывался парень. – Давно не видел её. Хочется с ней в кино...

– Но у всех же дома семьи, матери, у кого-то жены, у кого-то девушки, – говорил с презрением майор. – Но никто так не поступает.

Рядового приговорили к смертной казни и повели на расстрел. Долго стояла этак картина у Попова в глазах. Жалко парня, но поступили с ним правильно. Было обидно, что с тобой рядом попадают такие трусы, предатели. «Как можно рядом с таким идти в бой? Ведь подведёт в любую минуту», – думал Александр. Лучше рядом будет меньше народу, но они будут преданные, которые не убегут и спасут в нужную минуту. И при этом мечтал попасть в танкисты: вот там действительно должна быть команда, готовая в любую минуту примчаться на помощь друг другу. Да что примчаться: в танке замкнутое пространство – бежать и так некуда. Поэтому он с удовольствием принял предложение пойти учиться в училище тяжёлых танков. После выпуска Попов служил командиром танка в Молдавии, Румынии, Прибалтике.

Было ранение и контузия после того, как подбили его танк. Но всем удалось спастись. За тот бой его наградили медалью «За боевые заслуги».

КОНЕЦ ВОЙНЫ

Вернувшись в строй, Александр Попов прослужил ещё недолго. 31 декабря 1944 года его направили в училище самоходной артиллерии, где переучивали личный состав с Т-34 на новый танк СУ-100. Именно последний был разработан под 100-миллиметровые снаряды, которые свободно расправлялись с «Тиграми». Это училище перевели в Орджоникидзе, где он и встретил Победу. Но демобилизовался только в 1952 году.

СЛУЖБА В МВД

Незадолго до этого уже танкисту, имевшему выслугу восемь лет, предложили пойти работать следователем в МВД Северной Осетии. Выбор был сложным: дома ждала мать, но семьи как таковой не было – холост. Да и привык к военному укладу. Поэтому остался в городе Орджоникидзе. За полтора года успел закончил десятилетку, при этом работал в полную силу.

А в производстве находились самые сложные дела.

ПОИМКА ДОМУШНИКОВ

Орджоникидзе был столицей Северной Осетии. При этом город был многонациональным: осетин жило чуть больше половины, четверть – русских, остальные – армяне, азербайджанцы, греки и много других национальностей. Проще было сказать, кого там не проживало. Горцы были гордыми людьми, но в послевоенное время жили не очень богато. А жить честным путём хотелось не всем. Поэтому во многих регионах образовывались

банды, члены которых занимались кражами, обогащаясь за счёт других.

Как раз в 1953 году в милицию стали часто обращаться люди, что у них обокрали квартиру. Заступив на очередное суточное дежурство, следователь Александр Попов, получил сообщение от дежурного: обратилась пожилая женщина: у неё из квартиры похитили только что купленную шубу.

Выехали на место происшествия. Частный дом был неприглядным. Можно сказать – убогим. Муж потерпевшей погиб на фронте, поэтому женщина поднимала дочурку одна. Брала разные подработки: обстирывала более богатых соседей за копейки. А недавно девушка закончила школу и поступила в институт и сетовала, что однокурсницы щеголяли в новых обновках. Вроде бы дочка была скромной, но женщина видела, что ей тоже хочется одеваться красиво и мечтала о новой шубе. Поэтому копила долго, откладывала каждый рубль, который никогда не был лишним. А когда принесла домой долгожданную шубу, была счастлива от того, как обрадовалась дочь, кинулась женщине на плечи со словами: «Спасибо, мамочка!»

Они повесили обновку в шифонерку. Дочка каждый день открывала дверцу и любовалась. Но радость длилась недолго. Как-то женщина, пришла домой и увидела беспорядок. Что случилось? Дочка не могла такое натворить, тем более сейчас она на учёбе. В глаза бросилось разбитое стекло в форточке окна. Дверца шифонерки приоткрыта, а там нет шубы.

– Мне ведь по-новому не скопить, – рыдала женщина. – Мы же с дочкой в еде отказывали для этой покупки, недоедали. У неё и так иногда голодные обмороки случались. Я хоть после этой обновки стала выделять больше денег на еду. И что же делать? Последнюю ценность украли. Помогите, пожалуйста.

У Попова защемило сердце. На душе стало обидно. Он восемь лет служил в армии. Прошел пекло, горел в танке, видел смерть в лицо. И никогда не прогибался перед врагом. Но на фронте было проще. Там враг ясен. Он перед тобой. Вопрос в другом: кто кого? Или он тебя, или ты – его. Побеждает сильнейший. А раз мы выиграли войну, то оказались самыми

сильными. Мы победили фашизм, но не победили какого-то подлого врага, который живёт у нас же в стране и делает пакости своим родным советским гражданам. И самое обидное, что изначально ты не знаешь врага в лицо. И уже это не первая кража, где почерк один и тот же: вор залезает через форточку, быстро обнаруживает в доме ценные вещи, выносит их и скрывается. И как это ловко это получается? Но при этом мы не знаем, где он появится в следующий раз. А преступления надо остановить.

– Вы успокойтесь, – обратился Александр Иванович к женщине. – Я обещаю вам, что найду вора, и верну шубу.

– Точно, сынок? – удивилась женщина и вытаращила на мужчину глаза, точно не ожидая такого обещания.

– Слово офицера, я даю слово, что раскрою преступление и лично верну вам шубу.

Оперативники тоже обернулись. Один из них подошёл к Попову и прошептал:

– Ты сбрендил, Иваныч такими обещаниями разбрасываться? Я понимаю, что мы стоим на страже закона. Но посуди, у нас уже сколько зарегистрированных краж, почерк один и тот же, а мы ещё толком не можем вычислить, кто это.

– Ну, допустим, система уже есть. Ясно, что действует не один, – чётко ответил Попов. – И явно ворует один, а сбывает кто-то другой.

– Это же понятно, но когда мы их задержим. А когда задержим, возможно, уже вещдоков и не будет.

– Но стараться найти надо...

К счастью, на шифонерке в квартире у женщины вор успел оставить отпечаток пальца, хотя на других квартирах никаких улик практически не оставалось. За эту зацепку ухватились милиционеры, отправили на проверку в экспертно-криминалистический центр. Только база отрабатывалась вручную, и человек, заносающий в картотеку изъятые на месте происшествия отпечатки, только через два месяца сообщил: есть совпадение, отпечаток принадлежит Александру Зайцеву, двадцати лет, уроженцу Пятигорска.

– Проверьте, кто такой, почему оказался в базе? – попросил Иванов оперативников.

Вскоре они пришли в кабинет к следователю.

– Слушай, Иваныч, странная история получается, – сказал оперуполномоченный Сергей Карташев. – Зайцев привлекался когда-то за пьяный дебош в Пятигорске, его «откатали». Но дактокарту чуть не выбросили, так как его папа председатель горисполкома, местная шишка, второе лицо в городе после первого секретаря горкома партии. Что будем делать?

– Как что? Отрабатывать, – чётко дал задачу Попов. – Его же отпечаток пальца на месте происшествия. У потерпевшей нет знакомых в других городах, тем более родственников – сама говорила во время допроса. Попал не просто так. Это уже улика.

– Но если не изыдем ничего у него?

– Отпечаток – это уже доказательство. Я уже могу его «закрыть». Как минимум на 72 часа. Я за свои действия отвечаю. Едем задерживать. Надеюсь, он будет арестован и на два месяца. Всё будет зависеть, как его раскрутим.

Вскоре Санёк был задержан, поначалу отпирался. Но следователь сразу внушал доверие. Его отец на фронте тоже был танкистом, и они завели разговор о танках, дома у них Попов заметил детскую игрушку и невзначай спросил про неё. У Попова осталась любовь к танкам. Санёк ответил, что подарок отца. Так, слово за слово, заговорили о личном. И преступник пропитался доверием к милиционеру и неожиданно для себя начал выкладывать всё о соучастниках. Оказалось, что в банде было 19 человек: 9 парней, которые совершали кражи, и 10 девушек, которые сбывали похищенное. Задержать их было делом техники. Среди них была и возлюбленная Санька – Светлана.

– Система была отработана до автоматизма, – рассказывал Зайцев. – Вначале я ходил по городу, осматривал дома. И какое-то внутреннее чутьё подсказывало, что именно здесь есть ценные вещи или новые дорогие обновки. И ни разу чутьё не подвело.

Затем Александр проверял, когда хозяева уходят, выжидал момент, пока никого не будет. Пользуясь тем, что худощав, разбивал стекло в форточке и пролезал внутрь жилища. Опять-таки внутренне чутьё подсказывало, где надо осматривать. В квартире надолго не оставался, ведь никто не знал, на сколько покинули дом хозяева, вдруг вернуться быстро. Ограбили дом в Пятигорске – уезжают в Орджоникидзе, сбывают её там на рынке. И в каждом городе были свои люди, которые скупали вещи. И не боялись: украдена не здесь же, значит, именно в этом городе её никто не будет искать. Пока женщины сбывают на рынке вещи, мужики обходят улицы, осматривают дома и совершают новые кражи. Пока те и другие за день сделают свои делишки, к вечеру уезжают в Грозный. Там женщины сбывают вещи, украденные в Орджоникидзе, а мужчины работают по своему плану. И так – по кругу.

* * *

Повезли Александра на следственный эксперимент в дом женщины, у которой украли шубу.

– Когда утром я увидел выбегающую из дома радостную девушку, сразу понял, что у неё радость, – констатировал Зайцев. – А радость у девушки может быть только по двум причинам: либо замужество с беременностью, либо новая обновка. Первая версия отпадала сразу, так как у нее не было кольца на пальце, значит, оставалась вторая. И я был уверен, что вещь приобретена у неё дорогая. Поэтому полез в дом, хотя он сразу поражал беднотой.

– И не стыдно было?

– Нет. Мы живём тем, что берём у других. И для меня неважно, у кого. У меня цель, чтобы что-то достать и обеспечить себя.

– Понятно, – констатировал Попов. – И что было дальше?

– Я постучался в дом на всякий дом. Если бы открыли, я спросил бы Ивана Ивановича, а когда ответили бы, что здесь такой не живёт, откланялся и ушёл бы. Но такого не произошло,

я осторожно выдавил стекло, залез в дом, открыл шифоньерку и увидел шубу. Достойный барыш. Ради такого стоило бы лезть. На всякий случай открыл тумбочку. И вновь не ошибся: там лежало несколько облигаций, схватил их на развод.

«Надо же, потерпевшая про кражу облигаций ничего не сказала, надо уточнить», – подумал про себя Попов и стал заносить показания Зайцева в протокол следственного эксперимента и не стал уточнять, что этот момент пока не фигурирует в показаниях пострадавшей. Чистосердечное признание тоже является доказательством.

* * *

Когда приехали в ОВД, Попов завёл Зайцева к себе в кабинет и начал разговор по душам.

– Саш, куда вы сбывли шубу?

– Александр Иванович, честное слово, не знаю. Сбывала Светлана. Как правило, я не вмешиваюсь в работу баб, лишь бы делали свое дело правильно. Мое дело воровать, их – сбывать. А раз справляются, что мне лезть в их работу. Поинтересуйтесь у ней.

* * *

Попов вызвал на допрос девушку, но она упёрлась:

– Я ничего не воровала, ничего не сбывала, на меня наговаривают.

– Но ты же прекрасно знаешь, что свидетельские показания, что вы члены группы, уже есть. А это доказательства.

– Ты мне еще в уши подуй, что чистосердечное признание смягчает вину. Я не лохушка: чистосердечное признание – прямой путь в тюрьму.

– А без показаний расскажи, куда сбывла?

– Начальник, я ничего не совершала, не наговаривай на меня, я чиста перед законом...

– Сержант, приведите сюда Зайцева.

Чувствовалось, что девушка заволновалась, но старалась держаться спокойно и уравновешено. Когда парень зашел в кабинет, девушка продолжала отказываться от всего. Вдвоём упрасивали рассказать, куда продала шубу часа три. Надоело самому Зайцеву.

– Ах ты сука, – стукнул её обвиняемый. – Хоть раз в жизни я тебя о чём просил? Только по одной шубе спросил, а ты ради меня не можешь сказать?

Девушка разрыдалась.

– Я думала, что ты меня любишь, а ты руки распускаешь! – заистерила Светлана. – Зря я хотела за тебя замуж!

– Свет... – парень было хотел обнять её, но засмутился Попова.

Тот отвернулся к окну.

– Свет, очень прошу, расскажи, куда дели шубу. Очень прошу. Прости меня.

– Ладно, скажу, – стала утирать слёзы с глаз девушка, – только без протокола. Чисто на дружеских началах.

– Обещаю, что ваши показания в деле фигурировать не будут, – пообещал Попов.

– В общем, эту шубу из Орджоникидзе мы привезли с другим барахлишком в Нальчик, – начала девушка. – Я сразу на рынок, к милиционеру, который дежурит там. Он всегда помогал мне реализовывать товар и порой сам делал заказы, какие вещи нужны «покупателям». В этот раз привезли ботинки и новый костюм, которые украл Серёга. Когда приехали в Пятигорск, милиционер был выходной, но я сразу к нему домой – у нас был такой уговор, что если он не на посту, я иду к нему домой. Старшина провел меня в комнату, сложил вещи в сундук, расплатился, после чего дал новый заказ, и мы распрощались.

– Так, поедem в Нальчик.

– Но вы же обещали, что я не буду фигурировать в деле.

– Я от своих слов и не отказываюсь. Просто надо показать место, милиционера...

– Свет, не кочевряжься, мы же вместе проведем время, – обрадовался Зайцев. – Александр Иванович, мы же вместе поедem?

* * *

В Кабардино-Балкарию выехала всего одна машина с двумя подозреваемыми и тремя милиционерами. Попову было стрёмно: ведь обвиняемые могли убежать. Но деваться было некуда. Во-первых, он обещал потерпевшей найти шубу. А, во-вторых, надо было закреплять доказательство. Для этого взяли Александра, чтобы это было от его имени. Но, слава Богу, всё обошлось.

Когда приехали на рынок Нальчика, Светлана сразу указала на усатого милиционера, прохаживающегося по рядам: мол, это он. Остальное было делом техники. Попов подошёл к нему, представился, мол, коллега из Орджоникидзе, нужна помощь. Тот пригласил в служебную комнату. Когда остались наедине, Попов стал требовать вернуть краденые вещи. Старшина стал отпираться, что ничего ни у кого не выкупает, махинациями не занимается. Тогда Попов попросил коллег привезти подозреваемых. Когда местный милиционер увидел Светлану – растерялся. Но быстро взял себя в руки:

– Она все на меня наговаривает.

– Наговариваю? Да я подробно помню, какое расположение твоей квартиры, что где лежит.

И выдала всё, что помнила.

– Едем домой, – заключил Попов.

Когда старшина провёл к себе в жилище – всё совпало со словами Светланы.

– Доставай вещи, – констатировал Александр Иванович.

Тот не стал отпираться. Попов оформил изъятие вещей протоколом выемки. Из краденых вещей было всё, что описывала Светлана. Не было только шубы. У Попова защемило сердце. Неужели обманула Светлана?

– А где шуба? – спросил Попов, глядя в глаза стражу порядка из столицы Кабардино-Балкарии.

– Я же брал её под заказ, уже на днях передал одной спекулянтке.

– Кто такая? Веди показывай.

Поехали на рынок, но её как раз не было. «Все получается как по закону подлости», – подумал Попов. Но местный милиционер, чувствуя свою вину, повёз к ней домой.

Та созналась, что перепродала вещь в Пятигорск. Пришлось выезжать в российскую лечебницу. К счастью, были известны фамилия, имя и отчество новой владелицы. Её быстро установили и приехали по домашнему адресу. Она отпираться не стала, что купила шубу, но оправдывалась, что не знала, что краденая.

– А мы вас и не обвиняем, – успокоил Попов и одновременно обрадовался как ребёнок, что выполнил обещание, данное женщине. – Только её придется изъять.

– Как, не отдам, я же за неё деньги платила!

– Не имеете права, это вещественное доказательство. А за невыдачу вещдока уже предусмотрена уголовная ответственность.

– Я же свои кровные вещи заплатила.

– Вы имеете право подать гражданский иск. Я его приобщу к уголовному делу. Сейчас и оформим всё.

– А деньги когда вернут?

– На суде во время разбирательства судья рассмотрит ваш иск. И только тогда примет решение. Уже виновные будут выплачивать вам деньги.

* * *

Когда Попов вернулся в Орджоникидзе, вызвал к себе в кабинет старушку. Та с тоской в глазах зашла, не понимая, зачем её вызвали.

– У вас на опознание, – говорит Попов, – ваша шуба, – и выкладывает на стол привезённый из Пятигорска вещдок.

Женщина чуть не подпрыгнула от радости, глаза её заслезились.

– Сынок, спасибо большущее, – чуть было не кинулась на плечи следователю женщина. Но вовремя одумалась, что это представитель власти.

– У меня к вам ещё один вопрос.

– Спрашивай, сынок.

– А вас еще что-нибудь пропадало? Облигации были?

– Точно, лежали ведь в тумбочке. Во время войны обменяли деньги со сберкнижки на облигации. Да что это – одни бумажки, деньги получишь только через десять лет. Они лежат мёртвым грузом, да и лежат. Я видела, что их нет в тумбочке, но думала, что сама переложила.

– А мы вот изъяли и облигации, – распишитесь, что получили их.

Женщина удивленно оцепенела, и тут же от радости завопила: «Спасибо, сынок».

– Да не стоит, я же обещал вам, что верну похищенное. Передавайте привет дочери, – улыбнулся Александр Иванович.

– Заходите к нам в гости, на чай. Вы теперь у нас всегда желанный гость.

– Спасибо большое.

* * *

А расследование дела продолжалось. Самое интересное, что у Александра Зайцева была методика – тянуть следствие: когда отработывали очередной эпизод и он чувствовал, что дело могут направить в суд, он сознавался в очередной краже. Набралось больше ста. И чувствовалось, что нет конца и края. Но руководство было недовольно.

– Попов, хватит затягивать дело, пора в суд направлять, – сказал как-то на планёрке начальник следственного отдела.

– Что я могу сделать, если обвиняемый сознается всё в новых и новых эпизодах? Мы должны проверить. Иначе укрытие преступления...

– Пусть пишет чисто сердечное признание из СИЗО, а не заявляет тебе на допросах. У тебя же с ним, насколько я понимаю, сложились нормальные отношения? Можешь переговорить? Ведь следствие длится более трёх месяцев. Сам знаешь, нас за такие сроки из Москвы убьют.

– Но мы сколько эпизодов отработали, для таких объёмов вполне нормально, – оправдывался Попов.

– Я-то понимаю, но прокуратуре не объяснишь. Решай как-то с ним вопрос.

На предварительном слушании Зайцев заявил судье: «Показания буду давать только в присутствии следователя Попова». Пришлось его вызывать в зал заседаний. Александр Иванович находился в зале заседаний. Все члены преступной группы получили реальные сроки лишения свободы – кто больше, кто меньше. Уже потом Попов узнал, что Светлана в ходе следствия уже была беременна от своего сожителя и повесилась следственным изолятором в городе Ростове-на-Дону. О судьбе других сообщников он уже ничего не знал, так как его послали учиться в Академию в Москву.

РЕКОРД ПОПОВА

После окончания Академии МВД Александра Ивановича направили работать в Баумнаское РУВД Москвы, где он возглавил следственный отдел. Далее его назначили заместителем начальника РУВД по уголовному розыску, а в 1963 году – начальником Бауманского РУВД. В этой должности он проработал 24 года, вплоть до ухода на пенсию в 1987 году в звании полковника милиции. Это своеобразный рекорд. Никто ещё не работал так долго в должности начальника. Да у многих нет и такой выслуги в органах внутренних дел.

СТУДЕНТ УБИЛ МАТЬ-БУХГАЛТЕРА

Площадь Разгуляй особо-то не напоминала площадь. Так, обычный перекрёсток, от которого отходят четыре разные улицы. Спартаковская улица, идущая к Елоховской церкви – главному кафедральному собору страны, названа, как ни странно, в честь немецкой коммунистической организации «Спартак». Доброслободская вела в стороны реки Яуза. На их повороте

стоит красивое здание с колоннами – это Московский институт химического машиностроения. А вот на улице Карла Маркса расположился дом Мусина-Пушкина – дяди известного поэта Александра Сергеевича. Именно в этом доме во время пожара 1812 года погибла рукопись «Слова о полку Игореве». И последняя улица – Новая Басманная, где расположились отдел внутренних дел и райком партии. Именно по этой улице Пётр Первый любил ездить в Преображенское и к своей любовнице Анне Мон. Сплошь исторические места. Но назвать это местечко соприкосновения четырёх улиц площадью можно с трудом. Лишь на стыке Маркса и Басманной есть небольшое пространство с лавочками для отдыхающих. Вот, возможно, и из-за этого места и закрепилось название площади Разгуляй – иди куда хочешь, гуляй, где понравится, попадешь на разные улицы, мол, а куда именно – выбирай на свой вкус.

Но для милиционеров такое расположение, что места не очень много, было, наоборот, удобным: всё хорошо просматривается. Да и система патрулирования была выстроена разумно. Постовые расставлялись на улицах с таким расчётом, чтобы один услышал другого. Например, у одного поста случилось ЧП, милиционер даст сигнал в свисток, а второй милиционер быстро прибегает на подмогу. Но это так, к слову.

Начало 1970-х годов. Новая смена заступила в дежурной части. Александр Иванович спустился проверить подчинённых.

– Здравия желаю товарищ полковник! – отчеканил помощник дежурного старшина Кобзев.

– Оружие все получили? – спросил начальник.

– Так точно, вот журнал.

И как раз в этот момент со стороны площади Разгуляй послышался звук выстрела. У стражей порядка это вызвало специфическую реакцию, все рванули на улицу.

– Оставаться на месте, – Попов отдал команду дежурному и сам помчался на улицу.

Постовые интуитивно бежали к институту, там был какой-то переполох. Люди разбежались оттуда, особенно молодёжь.

Во дворе стоял парень с пистолетом и стрелял. Увидев человека в форме, выстрелил и в него, ранил оперативника. К счастью, у молодого была замедленная реакция, и милиционеры смогли выбить у него из рук пистолет и заломать руки. Привели в ОВД.

Выяснилось, что в этот день должна быть стипендия у студентов и бухгалтер возвращалась с банка. А задержанный оказался её сыном. Именно он и убил женщину. А вот денег не нашли ни при женщине, ни у парня.

– Где рубли?

– А что теперь со мной будет?

– Поверь, что в твоих интересах лучше рассказывать все как было, – говорил участковый.

Александр Иванович Попов в этот момент пошел к себе в кабинет докладывать о случившемся чрезвычайном происшествии в главк. Как-никак, убийства совершаются не каждый день. А тут раскрыто по «горячим следам». Только вот не найдены вещдоки, из-за которых произошло убийство. «Но если сейчас ребятки поднажмут, то будет всё нормально, – думал про себя Попов. – Я верю в них».

Как доложил, начал спускаться с четвёртого этажа вновь на первый. У парня оформили изъятие пистолета и патронов.

Александр Иванович посмотрел на стол, где лежало несколько боеприпасов, взял один патрон в руки, посмотрел на него и как бывший фронтовик констатировал:

– Родной! Откуда?

– Товарищ полковник, вы поосторожней, они все ядом намазаны, – выдал задержанный.

Милиционеры вновь насторожились и посмотрели друг на друга, потом на парня. И тот начал выдавать:

– Да я же в институте химического машиностроения учусь. Как-то подошел ко мне один из преподавателей, зная, что у меня мать бухгалтер, и начал предлагать проворачивать афёры. Я стал отказываться. Тогда он начал шантажировать, что не примет у меня экзамен. И морально подвёл к тому, чтобы я согласился участвовать в ограблении родной матери. Именно

в тот день, когда она получит стипендию и зарплату для всего института. Он мне дал пистолет с патронами, но откуда – не сказал. Констатировал: придётся убить маму. Но куда деваться, зато сумма на руках будет такая, что очень долгое время можно жить безбедно. Тем более квартира будет твоя, ты останешься полноправный хозяин. Вот так.

– Как фамилия препода?

– Канищев Игорь Алексеевич.

– А про яд на патронах?

– Канищев сказал, что смазал все патроны ядом для надежности: вдруг попаду не в смертельное для человека место, и вот тогда яд делает своё дело.

Благо, через дорогу располагалась шестая больница. Все сотрудники, кто держал оружие в руках, направились обследоваться. Спасибо медикам, сразу отреагировали, осмотрели всех и сообщили, что ничего страшного.

Доктор, осмотревший Попова, констатировал:

– Хорошо, что у вас нет царапин и ран на руках, поэтому яд не успел пропитаться.

– А что с нашим раненым?

– Уже сделали операцию, – ответил врач. – Жить будет.

* * *

К вечеру удалось обнаружить местонахождение Канищева и задержать. Часть денег изъяли при нём. А вот часть он не сказал куда дел. Следователь выехал с обыском на квартиру. Прошарили все уголки квартиры, но ничего.

– Ребята, дело на контроле первого секретаря горкома КПСС Гришина, – не повышая голос, произнёс Попов на вечерней планерке. – Я понимаю, что мы сделали 80 процентов всей работы. Осталось самая малость. Но не мог же он потратить их за день.

– Это точно, – подтвердил участковый Гакиев. – Кстати, пробил по базе, у задержанного родители живут в Реутове, это же граница с Москвой. Может, у них спрятал?

– Тоже вариант, – предположил Попов. – Но как поступать? Если официально оформлять обыск, уйдут как минимум сутки, а тянуть нельзя.

– Давайте я поеду к ним, побеседую на месте уже сообщаю, что к чему, – предложил участковый.

– Возьми машину, докладывай мне сразу по рации.

Догадки милиционеров подтвердились. Деньги нашли в сарае во дворе. Правда, сами родители об этом ничего не знали. Они подтвердили, что сын приезжал сегодня какой-то взволнованный, грубил, разозлился, что его старые брюки отнесли в сарай, побежал туда.

– Можно посмотреть на сарай? – попросил старший лейтенант.

– Да, пойдёмте.

А когда зашли, то пожилые люди удивились: а куда он дел штаны, здесь валялись, они думали – пойдут для работы на огороде. Отыскивали их запрятанными в углу. Вот в штанах и лежали деньги.

– Откуда они?! – испугалась женщина, когда увидела, что из брюк стали выпадать пачки десятирублевых купюр.

Участковый сразу сообщил о находке Попову.

– Охраняй место, чтоб родители никуда не уходили. Сейчас приедет следственно-оперативная группа с понятыми.

Вскоре были задержаны соучастники, которых осудили. Вот так убийство кассира и хищение крупной суммы денег было раскрыто за сутки. А оперуполномоченного, которого ранили, наградили орденом Боевого Красного Знамени.

МОШЕННИК ОГРАБИЛ ЖЕНЩИНУ С СОСЕДНЕЙ УЛИЦЫ

В Бауманское РУВД быстрой походкой заходит женщина и направляется к дежурной части.

– Меня ограбили – растерянным голосом говорит женщина.

– Что похитили у вас, кошелёк? – интересуется сержант после того, как увидел, что сумочка при даме.

– Нет, девятьсот рублей.

– Сколько?! – переспросил сержант. – И где произошло ограбление?

– На улице Куйбышева. У министерства торговли.

Милиционер пребывал ещё в оцепенении. У них на территории находилось много государственных учреждений, работало много чиновников, которые были при власти, что подразумевало: при достатке. Но чтоб украсть такую сумму, да еще среди бела дня...

– Вы не перепутали, не девяносто рублей украли?

– Молодой человек, я в своём уме, и считать умею, особенно деньги, можно ваше руководство?

– Сейчас вызовем оперуполномоченного.

Дежурный, как и положено, доложил ответственному о крупной краже. По советским деньгам это было большим ущербом, особенно, когда средняя зарплата составляла 100–120 рублей.

Вся оперативная группа была поднята на уши. Спустился в кабинет, где допрашивали потерпевшую, и Александр Иванович Попов, он внимательно слушал, как отвечает женщина. Вначале он отнесся с недоверием к такому обращению заявлению: может, наговаривает на кого-то? Хотелось посмотреть, как ведёт себя заявительница, как отвечает.

– Как всё произошло? – спрашивал опер.

– Да знаете, я не замужем, – рассказывает женщина. – Сегодня была выходная и пошла в магазин. А за мной в очереди стоял мужчина. Солидный такой, при шляпе. Слово за слово, разговорились. Он сам начал разговор, сказал, что я обаятельна, завалил комплиментами. Ну разве женщина может устоять? В разговоре промелькнуло, что он тоже холост. Я пригласила к себе на чай.

– Так с первого раза и домой?

– Ну а что, мы уже не молоды, тем более надо было продолжить знакомство. А он сказал, что у него обеденный перерыв,

так что времени было немного. А при таком раскладе вести разговор лучше в четырех стенах, чем на улице.

– Но вы же сказали, что вас ограбили у министерства торговли, а вы говорите, что пошли домой? – уточнил оперативник.

– Но я же и рассказываю по порядку, а вы перебиваете.

– Слушаю вас внимательно...

– Пришли домой, он купил заварных пирожных, пьём чай.

И вдруг неожиданно новый знакомый бьёт себя по лбу и говорит, что забыл про важный звонок, и интересуется: есть ли телефон. Я показываю на тумбочку.

* * *

– Можно воспользоваться? – вежливо с улыбкой попросил новый мужчина.

– Да о чём разговор, Василий Степанович.

– Как вы любезны, Зинаида Сергеевна!

Мужчина крутит телефонный диск. Прошло несколько гудков и отвечает мужской голос.

– Иван Петрович, Кирсанов беспокоит. Не подскажите, а товар пришёл? О, великолепно. А не подскажите, шубы есть?

– Да, есть, – послышалось в трубке.

– Я сейчас тогда подъеду, оставьте мне одну.

Мужчина стал извиняться перед новой знакомой, надо успеть на склад, пока есть дефицитный товар, надо, мол, сестре купить, давно просила.

– А мне одну можете купить? – слёзно стала просить женщина. – Сколько она стоит? Я вам накину.

Но когда услышала большую цифру, то расстроилась – полтинника не хватает, но можно занять у сестры.

– Она недалеко живёт, – стала упрашивать женщина. – Давайте забежим.

Слава богу, новый ухажёр был милостив и согласился сделать крюк. Сам за свои деньги нанял такси, объяснил, что с такими деньгами пешком лучше не ходить.

Они подъехали к дому сестры, поднялись на второй этаж.

– Людочка, знакомься, это Василий Степанович, пообещал мне достать сейчас норковую шубу, но не хватает пятидесяти рублей. Можешь занять до получки?

– Зин, ты меня об этом спрашиваешь? – и, улыбаясь, смотрит на мужчину. – А что, твой знакомый «золотая рыбка»? Может достать такой дефицит. Не поможет мне? Я тоже хочу шубку? В долгу не останусь.

– Ты, Людочка, не флиртуй. Всё-таки знакомый мой, – уронила сразу сестра.

– Девушки, не ссоритесь, я помогу вам обоим. что только не сделаешь для таких барышень, – развёл руками кавалер.

А когда получил от женщины купюры, решил пересчитать, мол, деньги счёт любят. Но было всё нормально, он положил их в пиджак. Виталий Степанович вышел с дамой на улицу и на такси продолжили путь.

* * *

Они доехали до Министерства торговли, располагавшейся на улице Куйбышева. Мужчина попросил знакомую подождать в авто, а сам пошёл в здание, пообещав скоро вернуться. Но не появлялся слишком долго. Прошло 20 минут, полчаса. Женщина забеспокоилась. Через час стала дергаться.

– Дамочка, долго будем сидеть? – спросил таксист.

– Вам какая разница, от вас же никто не убегает? – со злостью ответила клиентка.

Но ещё через полчаса поняла, что её обманули и попросила отвезти до милиции.

* * *

Попов понял, что заявительница не врёт. Глаз уже был наметан.

– А подскажите его приметы, – попросил Александр Иванович.

– Рост примерно метр семьдесят пять, с большими залысинами, глаза узковаты, но не азиат, – напрягаясь вспоминала Зинаида Сергеевна. – Немного заикался, но это его красило, производило шарм. На щеке небольшой шрам, думала, что фронтовое ранение.

– Похож на старого знакомого, – говорит оперативник Попову. – Сейчас подниму по картотеке, секундочку.

Через десять минут офицер возвращается с альбомом и показывает пострадавшей.

– Это он, – загорелись глаза у женщины.

– Надо ехать за ним, – констатировал Попов, – берите машину.

Через пару часов преступник был задержан. Он был ошеломлён, что его задержали так быстро.

– А ты не мог ничего придумать, как облапошивать почти своих соседей, – Смотрел ему в глаза Попов. – Ничему тебя жизнь не научила. Вроде и криминальный опыт имеешь, должен знать: не воруй, там, где живёшь.

– А вы предлагаете в следующий раз уходить на окраину Москвы?

– Следующий раз будет не скоро, но я не советую воровать вообще, спится спокойней, – спокойно произнёс Попов.

СВЯТОЙ ПРАЗДНИК ВЕТЕРАНОВ

До 1970-х годов в Бауманском РУВД работало очень много участников Великой Отечественной войны, и они всегда были примером для других сотрудников. Их назначали наставниками у стажёров. А если было партийное собрание, на котором обсуждали какой-то щекотливый вопрос (если его вдруг нужно было «провести» в угоду главку или райкому партии), то всегда боялись фронтовиков – они всегда вставали и выступали с жёсткой критикой. Но Александр Иванович, как ветеран войны, всегда держался в команде старожилов, за что его все уважали. И перед 9 мая устраивал праздничные посиделки. День Побе-

ды все считали святым праздником. Фронтовики вспоминали истории, случившиеся с ними во время войны.

Николай Петрович Бакин и Тимофей Иванович Бизяев всегда садились рядом, так как часто дежурили на постах вместе, патрулировали на мотоцикле. Бакина, как и Попова призывали в 1943 году, поэтому они всегда вспоминали фронт с середины войны.

– Александр Иванович, а я, кстати, тоже мечтал, быть таксистом, а вот попал связистом, – поделился как-то Бакин.

– Куда же на войне без связистов, ключевые фигуры: не будет сообщения, считай, всё пропало, – успокаивал Попов.

– А мне так хотелось на фронт, писал рапорта, а прослужил всю войну конвоиром, сопровождал пленных немцев, – поделился как-то на одной из встреч Бизяев. – Как я завидовал своему брату Димке, который был лётчиком! А когда он получил звезду Героя за 9 сбитых танков, 50 уничтоженных машин и 19 орудий, то зависть так и распирала. Мне только один раз удалось отличиться, когда предотвратил побег: вовремя услышал в вагоне треск – один немец выламывал доску.

– Вот видишь, а говоришь, не Герой, – подбодрил его Бакин.

– Да, только один раз чуть не огрѐб дермом по голове, – произносит постовой.

– Это как? – удивился Николай Петрович.

– Обхожу как-то состав, а тут перед носом падает сверху дерьмо, – улыбается Тимофей Иванович. – Поднимаю голову, а из окошечка видно попу немца, который нужду справляет. Я ошалел. И штыком ему по заднице. Тот заорал на своем фашистском языке. Зато в следующий раз боялся высовывать свою задницу.

Все заржали.

– Ловко ты угомонил фрица, – сказал один из коллег.

– Видишь, даже в тылу урезонил немца, – поддержал другой.

– Но это ещё не всё, когда этот фриц успокоился, на ломаном русском попросил у меня махорки, – продолжает Бизяев. – Посмотрел я на него, да и пожалел. В кармане у меня лежала как раз одна пачка. Насадил её на штык и приподнял. Тот обрадо-

вался, снял с пальца кольцо и насадил мне на штык. Вот такой бартерный обмен состоялся.

– А что это никогда не видел, чтобы ты носил побрякушки? – удивился Бакин.

– Да потерялось это кольцо, – развёл руками Бизяев. – Сменился со смены, положил в чемоданчик. А полез через несколько дней, и никак не могу найти. То ли выронил, то ли украли, сам не могу понять.

– Тимофей Иванович, а ты всю войну конвоиром? – уточнил Попов. – Получается, всю жизнь в правоохранительной системе?

– Во время Великой Отечественной был конвоиром, поколесил на составах по всему Советскому Союзу, сопровождая заключённых. А повоевать пришлось только с японцами. А после окончания второй мировой в часть приехали «купцы» и сманили сюда, в Москву.

НОВЫЙ ЗАМПОЛИТ

В 1974 году в РУВД освободилась должность замполита. Попов хотел назначить кого-нибудь из своих, чтоб не прислали «кота в мешке». Но неожиданно ему на работу позвонили из райкома партии и попросили зайти на разговор к первому секретарю.

– Что ещё такое? – подумал Александр Иванович.

Благо, до райкома две минуты ходьбы, здание за углом. Спустившись быстро до дежурки, сообщил, что вызывают к районному руководству.

В кабинете у «первого» сидел незнакомый мужчина.

– Александр Иванович, у вас там вакансия заместителя, а у нас есть кандидатура, – кивает на незнакомца. – Владимир Борисович Чистяков, заведующий отделом Московского горкома ВЛКСМ, курировал дружину и занимался вопросами беспризорников.

– Сергей Николаевич, ну вы же знаете, как у нас относятся к чужакам, кто не работал в системе и приходят сразу на руково-

дящие должности, – выложил Попов, не стесняясь претендента на должность, и уже обращаясь у нему. – В принципе я ничего не имею против вас, но поймите, я рассказываю о том, что вам придется испытать. Люди, начинающие с нуля, впитывают всю работу, проникаются, вырастают по служебной лестнице. А вам нужно будет руководить с самого первого дня, без раскочки. А вы не знаете системы изнутри. Трудно придётся. А у нас фронтовики ещё работают, которые могут высказать все недостатки прямо в лицо.

– Знаю, знаю, что ты мне рассказываешь, бывал у вас на партсобраниях, – улыбнулся первый. – Но в данном случае я гарантирую, что вы сработаетесь. Даже даю руку на отсечение, что лучшей кандидатуры на должность замполита не найти. Больше того, даю слово, если Чистяков не устроит вас, то через полгода придёшь, скажешь, и я решу вопрос о его смещении.

Тут Попов опешил. Он не ожидал такого поворота.

– Ну как, договорились?

– По рукам. Ловлю на слове.

И так Чистяков приступил к работе в милиции. Конечно, в управлении поначалу смотрели на него искоса, присматривались – как уже было сказано, к чужакам относились с недоверием. И как ни странно, Владимир Борисович умел находить общий язык с людьми. Всех поражало, как тщательно он беседовал с кандидатами на службу и сразу понимал, кто должен работать в милиции, а кто нет. Поэтому каждое утро докладывал Попову: приходило столько-то кандидатов, к одному стоит присмотреться, выйдет толк из парня, он будет хорошо работать, а другого не стоит брать – не из наших. Сможет подвести. И Попов доверял Чистякову.

А в самом начале 1980 года Владимира Борисовича направили в Афганистан советником по линии МВД. Служил в провинции Балак.

Месяцев через десять он приехал в отпуск и забежал в родной отдел. Постучав в дверь к Попову, дождался разрешения войти. Тот опешил.

– Ты ещё спрашиваешь, Владимир Борисович, проходи. Рад видеть. Как ты? Рассказывай, как там, в Афганистане?

– Жутко. Наши погибают.

– Да знаю, но у нас всё под запретом, даже нельзя рассказывать, что приходят цинковые гробы. А как там люди живут?

– Совсем бедно, я даже не представлял, что так можно жить, – рассказывал Чистяков. – Хуже, чем мои воспоминания из детства. Я же родился в сорок четвёртом, послевоенные года запомнил хорошо. Жили хоть небогато, но с детства остался позитив, что каждый год понижение цен, отмена карточек. А в Афгане... Детям есть нечего. Они не знают, что такое сладости. Представляешь Александр Иванович? На пороге двадцать первый век, по всему миру гонка вооружений, а дети не знают, что такое сладости. Я тут уже покупаю конфеты, чтобы повезти их детишкам.

– А как твои то сыновья?

– Да учатся. Да что ты спрашиваешь? Как будто я не знаю, что ты регулярно звонишь и завозишь семье сухпайки. Жена рассказывала. Спасибо, Иваныч.

– А отпуск как проводишь.

– Да вот пару дней ездил по родственникам сослуживцев и отвозил письма с Афгана. Пообещал, что прихвачу им гостинцы. Придется ещё пару дней собирать чемоданы. Теперь не знаю, кто что передаст. Будет головная боль – как всё везти. Но думаю, справлюсь.

Чистяков прошёлся по отделу, поговорил с каждым из сотрудников. И пообещал, что будет всё хорошо. Только Попову бросил вскользь, что видятся, наверное, в последний раз. Чистяков рассказывал, что нужно объехать ещё родственников сослуживцев, забрать гостинцы. В Отделе уже с нетерпением ждали его возвращения – командировка заканчивается через полтора месяца. Но оказалось все совсем не так...

В Афганистане была взаимовыручка, как и во время Великой Отечественной войны. Буквально за неделю до «дембеля» попросил напарник: «Владимир Борисович, можешь задержаться на две недели, мне в отпуск съездить надо? А если ты улетишь, то не отпустят. А мне надо вырваться, дочка замуж выходить

собралась. Сам знаешь, если заминка с кандидатурой на твою должность будет, то потом меня и не отпустят, скажут, срок до окончания небольшой, жди окончания командировки».

Чистяков согласился. А буквально за два дня до окончания своей командировки Владимир Борисович ехал с колонной с совещания при местном отделе милиции. Прошёл один обстрел, но небольшой. Отстрелялись.

– Пересядьте в БТР, – попросил его водитель легковушки.

– Нет, я вас одного не оставляю, – ответил подполковник.

И вскоре они снова нарвались на засаду, и первое попадание снаряда было в машину Чистякова. Его с тяжёлым ранением доставили в больницу, но он не прожил и двух часов.

«Груз 200» привезли в Москву. Попов стал готовить похороны, освободил от этих забот жену: знал, каково ей сейчас. Во время похорон был выставлен почётный караул, милиционеры сделали несколько залпов. И на похороны пришли почти все сотрудники, кто не был задействован на службе.

А на сорок дней жена пригласила поминать к себе домой и ошеломила всех:

– Ребята, я тут в столе нашла кассетную бобину, послушайте.

Магнитофон воспроизводил голос Чистякова. Было обращение к сыновьям, чтобы учились хорошо, росли достойными его и не обижали мать. «Я надеюсь, что вы не забудете меня, и кто-то из вас пойдет по моим стопам».

– Это он в отпуск записал обращение к детям, – сказала женщина. – Только вчера нашла в столе с пометкой, когда записано.

У самого Попова появилась слеза на щеке, но он быстро смахнул её, чтобы не заметили подчинённые. Но это видели многие, но не подали виду. Ведь практически у всех подступило к горлу.

СЛОЖНЫЙ РАЙОН

В 1970 годы Бауманское РУВД было не самое большое, но центральное. На его территории находились и Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза (ЦК

КПСС), горком партии, обком партии, Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи (ЦК ВЛКСМ). Каждый из руководителей мог сделать замечание, и по каждому из них приходилось отчитываться.

Но самое главное было для Александра Ивановича – люди и дисциплина. Именно в его правление был построен шикарный спортзал, в женском туалете во всю стену было сделано зеркало, чтобы сотрудницы могли прихорашиваться. Ежемесячно в актовом зале для сотрудников и членов их семей проводились мероприятия, на которые приглашались популярные в то время артисты: Геннадий Хазанов, Александр Градский, Людмила Зыкина, Николай Сличенко, Евгений Леонов и другие.

Также раз в месяц для сотрудников проводилась лекция известных в стране людей, в основном журналистов – Зорина, Владимира Цветкова, Эдуарда Сорокина и других. Попов считал, что именно такие встречи больше влияли на воспитание сотрудников и повышение культурного уровня. Такие встречи были лучше, чем нудные и умопомрачительные беседы, что нехорошо совершать плохие поступки, пить на работе и так далее.

При Попове была построена в отделе столовая. В зимнее время сотрудников патрульно-постовой службы даже кормили бесплатно – выделяли специальную машину, которая развозила по постам патрулирования горячие обеды. В столовой, которая располагалась там, где нынешняя дежурная часть Отдела МВД России по Басманному району г. Москвы, было сделано панно. Все продукты выделялись свежие. Александр Иванович даже добился в Моссовете разрешения, чтобы готовили все блюда на сливочном масле и из мяса 1 сорта. Также сотрудникам можно было заказать любое блюдо домой (если кто-то был холостой или не успевал готовить сам).

Александр Иванович очень не любил пьянства, что позволяли некоторые сотрудники, работавшие в одном отделении милиции. Тогда начальник РУВД собрал общее собрание коллектива и пригласил туда их жён. На сцену вышла бухгалтер и рассказала, какие оклады у мужей. Некоторые женщины, услы-

шав, что их благоверные приносят домой меньше, оставляя себе заначку на спиртное, дали дома им взбучку. И больше никто из сотрудников после этого не позволял себе злоупотреблять спиртными напитками.

Под непосредственным руководством Попова выросло несколько генералов: Герой России Александр Чекалин; Владимир Васильев (начальник ОБХСС Бауманского РУВД, который после окончания Академии продолжил службу в Министерстве и дослужился до заместителя министра, а после отставки стал депутатом Государственной Думы; Александр Рогачёв, который был в Бауманском РУВД следователем, начальником следствия, а потом перешёл в штаб МВД, где стал генералом. Начальник отдела вневедомственной охраны Виктор Александрович Вохминцев, дослужился до заместителя начальника ФМС МВД.

Хочется отметить, что в органах внутренних дел Александр Иванович прослужил до 1987 года, то есть 35 лет. Только на одной должности начальника РУВД – 24 года!!! На этой должности он «пережил» 4 секретарей райкома КПСС, трёх председателей исполкома, взаимоотношения с которыми были разные и сложные. Но всегда удавалось решать служебные вопросы. За это время удалось выбивать общежития для сотрудников.

А.И. Попов гордился, что за всю службу у него не было ни одного взыскания, а только награды и поощрения. У него на груди красовались два ордена Трудового Красного Знамени, медаль «За доблестный труд. К 100-летию В.И. Ленина», многие юбилейные медали.

После отставки Александр Иванович не усидел дома. Он продолжил работать в Министерстве спорта, где курировал праздник «Лыжня России». И окончательно ушёл на пенсию только в восемьдесят лет.

* * *

В 2015 году пресс-служба Управления внутренних дел Центрального округа вместе с газетой «Петровка, 38» организовали

в школе № 353 имени Александра Сергеевича Пушкина конкурс сочинений о полиции. А на подведении итогов и вручение награды пригласили Александра Ивановича Попова. Был как раз год 70-летия победы в Великой Отечественной войне. И было логично, что приз за первое место должен вручить фронтовик, который большую часть своей жизни проработал в Басманном районе, в том самом, где находилась школа. Когда попросили Александра Ивановича, он не отказался. А когда наградил победителя, ему задавали вопросы о войне до конца урока.

– А страшно было на фронте? – спросил тогда один мальчишка.

– Не верьте, когда кто-то говорит, что на войне не страшно, – ответил тогда Александр Иванович. – Было страшно. Но в том то и вопрос, что побеждал тот, кто мог проявить большую выдержку, силу воли и мог сломить силу воли врага. И не дай Бог вам пережить это.

Ещё примерно полчаса после урока мальчишки и девчонки окружили Попова и расспрашивали его о жизни. И я тогда подумал, если наша молодёжь проявляет такой интерес к ветеранам, то ещё не всё потеряно.

Антонина ШМАТКОВА

Антонина Никоновна Шматкова – поэт, прозаик. Родилась в Кемеровской области. Образование – Кемеровский горный техникум, КемТИПП. Экономист, ветеран труда. Член МГО Союза писателей России. Издала семь отдельных книг. На фестивале «Играй, гармонь» исполнители песни на её стихи получили Гран-при. В Кемерово несколько лет была руководителем ЛИТО «Моя строфа» при Совете ветеранов. В Наро-Фоминске два года была членом жюри «Поэтическая акварель». Четырежды победитель литературных конкурсов. Имеет награды – четыре диплома победителя. Два из них – статуэтка «Золотая звезда» и именная статуэтка – «Серебряный крест». Награждена медалью МГО СПР за мастерство и подвижничество во благо русской литературы и орденом за вклад в литературу России XXI века. Лауреат премии в честь 140-летия А. Блока.

Живёт в городе Наро-Фоминске МО.

ВОЙНЫ ПРОШЕДШЕЙ ЭХО

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Войны прошедшей эхо
Ещё тревожит раны,
Отсчёт ведётся вехам,
Плывут рекой туманы.

Уснули те солдаты –
Лежат в одной могиле.
И праведны, и святы –
Отчизну защитили.

Смотрю на надписи скорбно:
Ах, сколько с войны не пришло...
Склоняясь, читаю подробно –
Как много Ванюш полегло.

О них наша память в сердцах –
Защитниках верных, надёжных.
Забыв на полях осторожность,
Они пали в смертных боях.

Уснули, спят солдаты,
В священной спят могиле.
И праведны, и святы –
Отечество защитили!

ИХ ГНАЛИ В ПЛЕН...

По дорогам войны
Они шли друг за другом.
Только нет их вины,
Нет порочного круга.

Немцы пленных вели
От зари до заката,
Взять их в рабство могли
Иноземцы-солдаты.

Конвой резко кричал,
Подгоняя прикладом,
А наш пленник молчал,
Заплетающим шагом

Шёл... три месяца так.
Ох! Редели ряды,
Это тяжкий был знак –
Засыпал снег следы.

Мой знакомый тогда
Был ребёнком в плену.
Помнит всё. Те года...
И ту ночку одну...

Грозный гул канонады,
Застрочил пулемёт,
В маскхалатах бригады –
Вот и наш превосход!

Пленным дали дорогу,
Направляя назад
Всех к родному порогу.
Как же пленник был рад!

Только трубы от печек
Ожидали людей.
Отдохнуть бы сердечным,
Да зима зимам злей.

Всё смогли, пережили,
Снова выращен сад.
Жаль тех, кто не дожили,
Жаль погибших солдат...

* * *

Холодный ветер рвал листву бездушно.
В тот час переходили фронт они,
Не думая, что их тела и души
Будут терзать в ноябрьские дни.

Они попали под обстрел фашиста,
Их группа сразу на две разделилась.
О, горе! Веру ранили нацисты,
Даже озябшие кусты слезились.

Подруга Зоя, близ Петрищево
С заданием, и вот уже у цели.
Всё полыхает: дом и крыша,
Вчера захватчики в нём песни пели.

Соседний лес! Ты что ж не спрятал
Такую хрупкую девчонку?!
В день казни ветер дул и плакал,
Узнав в беглянке партизанку.

Всю в синяках казнили Веру
На иве, близко от дороги.
Её прощальный взгляд был строгим,
Как горько, больно, дюже скверно.

Две патриотки – верные подруги.
Они на русском говорили.
Свою страну, как мать любили
И не смогли сломить их лютые враги!

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Ликует родная столица,
Ликует израненный Крым.
Мы знали, что мы победим,
Рабами нам быть не годится.

К желанной победе пришли –
И кровью, и плотью платили.
Вот так до Берлина дошли,
В боях мы врага победили.

Ликует Сибирь и Кавказ,
Танцую под рупор у клубов.
Зачем нападали на нас,
Нарушив границу так грубо?!

* * *

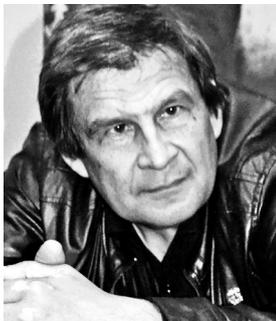
Я по траве иду росистой,
Цветущей клеверным ковром.
Любуюсь рощицей тенистой
И вспоминаю о былом.

Здесь бой когда-то шёл неравный.
Палило зарево огнём,
Но тот удар из главных главный,
Ковал победу день за днём.

Тревожат взгляд воронки ямой,
А по краям грибы растут...
То воин наш с тяжёлой раной
Кровавый след оставил тут.

Земля! Ты помнишь эти раны
И тех солдат в ночном бою?
Алёши, Стёпы и Иваны
За мир отдали жизнь свою.

Олег СТОЛЯРОВ

Олег Олегович Столяров – поэт, прозаик, драматург, переводчик, публицист. Кандидат филологических наук, доцент. Родился в 1965 году в Москве. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Член МГО Союза писателей России. Автор 40 поэтических, 8 прозаических книг, 3 романов, 5 пьес, 5 научных монографий и более 200 научных статей. Стихи печатались в журналах: «Литературная учёба», «Юность», «Невский альманах», «Петербургские строфы», «Параллели судеб», «Кольцо «А», газете «Московский Литератор» и других изданиях. Лауреат премии «Серебряный Дюк» Международного литературного конкурса Дюка Ришелье (2018), а также лауреат и дипломант множества других литературных конкурсов. Стихи переведены на арабский язык известным палестинским поэтом Абдуллой Иссой для поэтической антологии «Русская поэзия XIX–XXI вв.», вышедшей в Рамалле в 2018 г.

Живёт в Москве.

ОБ ЭТОМ ПОМНИТЬ МЫ ДОЛЖНЫ...

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Какая тишина перед рассветом! –
Ещё не пробудились даже птицы,
И в воздухе прохладном, непрогретом
Лишь комарам назойливым не спится.

Роса сверкает на траве душистой
И лёгкий ветерок щетинит сено...
Наверное, когда-то Монте-Кристо
Мечтал в такое время о Вселенной.

Ему секреты звёзды открывали,
Дарил друзьям он щедро эти тайны...
Мы все, случилось, в миг зари мечтали
О чем-то неземном, необычайном.

Не думай, не мечтай и не надейся –
Застыл июнь на самой середине...
А немец смотрит в окуляры «Цейса»
На то, что в первый год войны отнимет.

Фриц молодой мечтает – это слишком! –
Войти в Москву блистательным парадом...
Он слепо верит геббельсовским книжкам,
Что в ранце с материнским фото – рядом.

Развернуты вчера штабные карты
Стремительного плана «Барбаросса»...
Фриц на рассвете руки трёт азартно –
Пока что не встречался он с безносой.

Его настигнет пуля в сорок третьем,
Когда в неукротимом Сталинграде
Советский снайпер, жизнь спасая детям,
Его сразит, в прицел угрюмо глядя.

Он в раскалённой, почерневшей жиже
Навеки сгинет, танками расплющен...
Тот, кто судьбой с рождения обижен –
Не должен и мечтать о райских куцах!

Какая тишина перед рассветом! –
Но времени нельзя остановиться...
Лишь в сорок пятом вспомним мы об этом,
Когда опять домой вернутся птицы...

ЗАСТАВЫ

Бои в приграничных районах
Жестокие, страшные шли...
Тела согревали сражённых
Объятья родимой земли...

Врагу не сдавались заставы:
Здесь дрались за каждую пядь!
А почерк шершавый, кровавый
С годами трудней различать...

Писали на стенах сгоревших,
Как будто бы на бересте...
И вышек дозорных скворешни
Сраженья запомнили те...

Когда шли домой с выпускного
Ребята, встречая рассвет –
Земля содрогалась от рёва,
Аналогов коему нет!..

«Застава, в ружьё!» — прозвучало
По всей госгранице тогда...
И битва везде закипала:
«Победою станет Беда!»

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Что было в первый день войны? —
Об этом помнить мы должны...
Её начало видно нам —
Путь памяти седой упрям.

Пылают Гродно, Лида, Брест —
И смерть нести не надоест
Люфтваффе, разрывая высь —
Их бомбы к цели понеслись...

Ревут моторы... Шауляй
И Рига — о войне узнай...
Встречай врага, Балтийский флот —
Война священная идёт!..

Мы встали за тебя, страна! —
И клятва гордая слышна:
«Свободу отстоим твою
В безжалостном, лихом бою!»

Несётся над Россией всей:
«За жён, детей и матерей
Мы встали, как один — стеной
Непробиваемой, стальной!»

Мы в бой за Сталина пойдём,
Чтоб отстоять родимый дом...
Разделят в сводках фронтовых
На павших нас и на живых...

Люфтваффе злым наперекор
Флот Черноморский даст отпор
Налёту грозному в тот час,
Когда они попрут, смеясь.

А Черчилль на исходе дня,
Коварство фюрера кляня:
«Сражайся, – скажет, – помощь жди.
Твоя Победа впереди!..
Британия с тобой! В борьбе
Поможем правой мы тебе!» –

Таким стал первый день войны..
Мы были им оглушены..

ДОРОГА ЖИЗНИ

Замёрзла Ладога. Зима.
Округа снежная нема.
Но что пронзает тишину? –
Сквозь годы дерзко я взгляну!..

Идут машины – светом фар
Пронзая тьму.
Прорыв их яр –
Им надо проскочить по льду
У злобных гансов на виду.

Над ними кружат «Мессера» –
Но всё-таки судьба мудра:
Зениток наших лучше нет –
Люфтваффе крошат в винегрет!

Мы хлеб с тобою доведём! –
Войдут осьмушки в каждый дом –
И тот,
 кто выживет
 другим
О нас расскажет.
Победим!..

БИТВА ЗА СТАЛИНГРАД

Метр за метром. Мы насмерть стоим.
Все в огонь превратилось и дым.
Дым развалины щедро покрыл –
Не сыскать безымянных могил...

Стали пеплом погибших тела –
Их история не сберегла...
Сколько здесь безымянных имён –
Каждый третий был в схватке сражён...

Сталинград отстояли, смогли,
Хоть дома превратились в угли,
Хоть сравнивали с землёю его –
Ничего... ничего... ничего...

Победили...
Победа далась
Дорогою ценою...
Рассказ
О сражении на Волге в веках
Будет в песнях жить и стихах!..

И пока хоть один ветеран
Не забудет, как ярок, багрян
Был над Волгой восход и закат –
Ту победу сердца сохранят!..

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Рассказ отца

Мальчишки гурьбой на скользкие крыши
Мы лезли – ближе увидеть салют...
Те залпы были то громче, то тише –
Знатно орудья кремлевские бьют!..

В наш воздух, пропахший жвачкой и дымом
Длинных союзнических сигарет,
Врывались ракеты...
Неповторимым
Счастьем безбрежным был мир наш согрет.

Отцы возвратились с фронта, трофеи
Каждый в своём вещмешке нам принёс.
Мы ждали даров, душой цепенея,
Отец – не отец – Дед Мороз!

И, окружённые детской толпой,
Отцы вручали подарки свои...
А небо было вокруг голубое –
Навек отгремели злые бои.
Счастливицы, о жертвах и не хотели
Грустить мы – пал за отчизну герой!
Мы – те, кто войну провёл в колыбели,
Не знали: страшно остаться вдовой!

И матери жить без сына не мило,
Но мы не умели плакать тогда...
По всей России пестрели могилы,
А монументом была лебеда.

Татьяна МОРОЗ

Татьяна Юрьевна Мороз – прозаик. Член МГО Союза писателей России с 2015 года. Лауреат премии А.И. Куприна. Лауреат фестиваля «Ялос» (Крым). Лауреат фестиваля «Поэт и гражданин» (Краснодар). Лауреат премии Н.А. Некрасова – за рассказ «Стеша». Лауреат конкурса «Книга года – 2024» МГО СП России – за роман «Амбивалентность». Автор повести для детей «Валина Бусинка».

Живёт в Москве.

МОЛИТВА

Рассказ

«Ваня... – звучит протяжный голос матери. – Съешь про-сфорку, иди сюда, миленький, постой». Цепкой рукой прихватив мальчика за подол холщовой рубашки, прижала к себе. Притянула голову к широкой груди, целуя хохолок на макушке. Выворачиваясь из-под материнской руки, вдыхая запах ладана и людского пота, он неожиданно расплакался. Тоненький голо-сок поднялся к куполу храма и, разбившись на мелкие осколки, вернулся назад. Что-то тронуло его детское сердце – тёплое и неведомое. Вторя церковному хору, он никак не мог успоко-иться, всё плакал и плакал... Кусочки просфоры, смешиваясь со слезами, казались необычайно вкусными. «Ешь, сыночка, смотри не кроши – грех. Все крошечки собери. Господь смотрит на тебя, любит тебя, Ванечка, любит».

ВОЙНА, 1942 ГОД. ПЛЕН

Двумя ладонями сжав голову, выл, в попытке прекратить пронзительный звон в ушах. От тошноты судорогой сводило пустой живот. Раскачиваясь из стороны в сторону, чувствовал чью-то участливую руку на своём локте; пытаюсь понять, где он, огляделся. Брели колонной по трое: ни начала, ни конца людского потока видно не было. Молодой сержант в болта-ющейся гимнастерке поддерживал его, глазами безжизненно упёршись в затылок идущего впереди. Поднятая сапогами пыль забивала рот и ноздри, песок отвратительно скрипел на зубах. Язык недвижимой колодой заворочался во рту, ему ка-залось или из его горла всё же вырвался стон: «Пить... Пить... Дайте воды!» Никто не реагировал и не оборачивался на его голос. Через какое-то время ему стало казаться, что он кричит,

но до ушей не долетало ни шелеста листьев, ни топота сапог. Он видел немцев.

Автоматчики, овчарки, лающие взхлёб и рвущиеся с цепи. Звука не было. «Контузия», – пришла в голову медленная и тягучая мысль. Иван от бессилия прикрыл глаза.

Он медленно, урывками, как в кадрах немого кино, приходил в себя в колонне военнопленных. Вспомнил: их окружили, прижав к болоту, вынудив отстреливаться до последнего патрона. Безднадёжность, смерть – вот что в эту минуту окружало его. Их взяли в плен. Вглядываясь в спины идущих впереди, не смог признать никого из своих. То ли от осознания, что все мертвы, то ли от безысходности происходящего беспредельный ужас овладел им. И тогда вспыхнул в сердце материнский наказ и пролилась из сердца живая молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, Пресвятая Богородица, спаси и помоги, избави меня от рук их!» В сотые доли секунды перед глазами пронеслась вся жизнь, мысли о детстве своём, о Боге, о том, что отступил, о своей вине перед Ним. Ваня поднял глаза к небу, зажмурился. Сияющее весеннее солнце и, прямо из его детства, – воздушно-ватные, белоснежные облака. В эту минуту будто исчез, развеялся в пыль ужас и страх. Он увидел в небе образ Пресвятой Богородицы. Не разглядел в бесконечном смешении облаков и яркого солнца, а именно увидел. От лица Богородицы, бесконечно доброго, святого, снизошло на Ивана успокоение. И залюбовался в тот миг он белоснежными одеждами её, мягко прикрывающими ладони и ступни ног. И, золотом небесным обрамлённый, сиял её Святой Лик. Поражённый, услышал слова, обращённые к нему: «Стой! Не двигайся!» Ваня, будто споткнувшись, послушно замер, ожидая окрика, выстрела, удара в спину. Но нет. Идущие за ним задевали его, но, казалось, не замечали – будто то натыкаясь на невидимую преграду, шли дальше. Эсэсовцы с автоматами, рвущиеся с поводков овчарки – все прошли мимо. А Иван Павлов так и стоял на опустевшей дороге под покровом Пресвятой Богородицы с молитвой, обращенной к Божьей Матери. Постепенно пыль, поднятая колонной, опускалась на землю.

Вдалеке за поворотом затихал шум колонны и лай собак. Ваня всё смотрел и смотрел как зачарованный на небо. Образ небесной Богородицы таял, оставляя в душе свет и тихое успокоение. Всё прошло: страх, ужас и боль. Звон в ушах покидал его, возвращались слух и нестерпимое желание жить. И тогда Ваня поклялся Богородице посвятить свою жизнь Богу – от сегодняшнего и до последнего дня.

АПРЕЛЬ 1943 ГОДА. СТАЛИНГРАД

Мёртвый освобождённый Сталинград. Дома с вывернутыми прямым попаданием внутренностями. Осевшая пыль, смешавшаяся с гарью и копотью, прикрыла каждый сантиметр разверстых ран. Ни выстрела, ни голоса – лишь запах тлена. Подбитые гвоздями сапоги эхом вторили руинам изломанных улиц. Смена утреннего караула. Мрак и холод апрельской ночи нехотя покидали разрушенный город. Ветерок лениво переворачивал странички кем-то обронённой в грязь книги. Чуть громче оглушительной тишины – еле слышный шелест. Переплёт с трудом удерживал оставшиеся листы. Больше половины страниц не хватало.

Иван Павлов внимательно огляделся. Мятая бумажка, застрявшая в битых кирпичках. Он поднял листок. Страница 47, посеревшая, с оторванным уголком. Ещё страница. Ещё. Зорким взглядом он разыскивал едва заметные листочки – среди пыли и груды мусора. Разбухшая от влаги обложка с радостью принимала их в свое оборванное нутро. Обтерев обложку от присохшей грязи, прочёл: «Евангелие». Неожиданно что-то тёплое, радостное обдало его, коснулось измученной души. Поднявшееся из глубины воспоминание сердечной болью отдалось в груди. Полузабытый, истёртый в памяти нежный образ матери, её влажные ладони... «Ванечка... Ванечка... Господь любит тебя, любит...» Пряча найденную книгу в карман шинели, твёрдо понял: страх смерти навсегда покинул его.

ФЕВРАЛЬ 1945 ГОДА. ВЕНГРИЯ, ОЗЕРО БАЛАТОН

Нога. В этом остановившемся времени Сашка не чувствовал ногу. Решение не шевелиться он принял около тридцати минут назад. До этого полз, подтягиваясь на руках, отталкиваясь здоровой левой ногой. Раненая начиная с пальцев онемела, потом просто ныла, бесполезно болтаясь ниже колена. Где свои, где немцы – он давно запутался. Нескончаемый гул, беспорядочная стрельба... Сердце бухало, как ему казалось, не в груди, а где-то глубоко во рту. В совершенно пересохшем рту – бухающее сердце. Он полз, сгребая ногтями чёрную землю, намертво липнущую к солдатской форме, делая его движения ещё более неповоротливыми. Ледяная жижа, стекающая в небольшие ямки, отвратительно чавкала, пропитав собою не только его одежду, но и измученное тело. Прикладывая к ране ладонь и рассматривая её во вспышках света рвущихся снарядов, Сашка не мог понять, грязь ли это или его неостанавливающаяся кровь. Попавшая в сапоги вода сводила судорогой здоровую ступню, отнимая последнюю возможность ползти. Венгрия. Внутренне сдавшись, Саша прикрыл глаза. Очередной всполох осветил вдали неровный берег озера Балатон. Дождь чередовался со снегом – всё это затуманивалось дымом взрывающихся снарядов. Гарь порывами ветра сносило вниз, к озеру.

Танки намертво застревали в этой непролазной отвратительной грязи – как разбросанные детские игрушки, развёрнутые дулами в разные стороны. Сашка думал о неизбежности плена, о возможности выжить в этом сюрреалистическом аду. «Господи, помоги мне! Господи! Господи...» Теряя сознание, он что есть силы рванул ворот гимнастёрки у самого горла. Потянул деревянный крестик на чёрной тоненькой ниточке, поднёс обессиленно к губам, трижды целуя его. Оторванная пуговица, беззвучно упавшая в грязь, навечно затерялась в земле Венгрии.

«Павлов! Ваня! Ваня, гляди! Ты слышишь? Отступают, сволочи, отступают. Смотрите, ребятки, смотрите... Вот... правее... ползут, гниды...» Заглушая слова солдата, грохотала самоходная

установка СУ-100, впервые применённая на озере Балатон, – справлялась со своей задачей удерживать противника, бить прицельно.

Дождавшись начала рассвета, оставшиеся в живых помогли санитарам. Промозглый утренний холод продирался сквозь одежду, заставляя дрожать, покрывая ледяными мурашками тело. Грязь липла, клеясь кусками к подошве, подолу солдатских шинелей, вымазывая чёрным руки сестёр, бинты, пачкая и делая неподъёмными носилки. Ямы от взрывов, колеи от танков заполнялись чавкающей жижей. Выволочь из них носилки с привязанным раненым было трудной задачей. Ноги скользили, не находя упора. Бегали по полю, пригибаясь, торопливо, боясь шальных выстрелов. Действовали чётко и слаженно. Справа от оврага послышался приглушённый женский голос, зовущий его: «Ваня, посмотри! Мальчик, совсем мальчик. Кажется, и шестнадцати лет нет. Целенький, только кровью истёк. Не дождался нас, не дождался», – медсестра с жалостью указала на его белокурые волосы, прилипшие к чёрной венгерской земле.

Голубые глаза устремились в небо, затянутое беспросветными тучами. Совершенно живые, с немым вопросом, обращённым в небеса. Правой рукой солдат намертво вцепился в подол шинели медсестры, мешая ей подняться. «Уже умирает. Ваня, он как брат мой меньшенький, похож сильно, совсем как Василь. Господи! Он молится, молится, послушай. Ваня! Он молится!» Солдат чёрно-синими губами бормотал, сбиваясь, проглатывая отдельные слова. Медсестра беззвучно плакала, привалившись к его плечу. Через пару минут солдат затих. На раскрытой ладони остался лежать деревянный крестик – одинокий символ веры среди ужасов войны. Запутавшуюся чёрную нить трепал ветер. Иван наклонился над мальчиком, прикрыл ладонью мёртвые глаза. Ледяные веки нехотя натянулись на них. Сжал сквозь толстую ткань шинели книгу, спрятанную глубоко в карман. Евангелие. Оно грело его, даря надежду и успокоение. Иван негромко помолился за мальчика. Взял с ладони крестик, положил ему на грудь, растянув ворот гимнастерки. Всё равно похоронят как есть, в общей яме. Земля уже предъявляла свои права – труп

будто осел, провалился в венгерскую грязь. Словно злая мачеха, она облепила его со всех сторон, затягивая в своё нутро.

Тяжело вздохнув, Иван оттёр мёртвое лицо солдата от налипшей на него земли. Взяв медсестру за обе руки, помог подняться. Более не задерживаясь, они поспешили – живые ждали их помощи.

1946 ГОД. МОСКВА, НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ

Звезду Героя Советского Союза, Орден Отечественной войны гвардии сержант Иван Павлов получил беспартийным. Красноармейцем он прошёл Румынию, Венгрию и Австрию в составе танкового корпуса.

Демобилизовавшись, выполнил обещание посвятить себя служению Богу, поступить и учиться в семинарии. Обратился в Елоховский собор, где ему и порекомендовали Новодевичий монастырь.

При монастыре открыли Духовную семинарию, куда он и прибыл прямо в военном обмундировании. Проректор отец Сергей Савинских радушно встретил его и дал программу испытаний. При конкурсе в пять человек на место он поступил в семинарию и выделялся там скромностью и усердием. После поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 1954 году. 25 августа 1954 года был пострижен в монашество с именем Кирилл Белозерский в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Вначале был пономарём, с 1970 года – казначеем, с 1965-го – духовником монашеской братии. Был возведён в сан архимандрита. Духовник трёх святейших патриархов: Алексия I, Пимена, Алексия II. Автор многочисленных проповедей и поучений. Наставник молодых монахов, принявших постриг в Лавре. Награждён орденами князя Владимира и преподобного Сергия Радонежского. Скончался на 98-м году жизни – 20 февраля 2017 года. Царствие Небесное!

Людмила МАКСИМЧУК

Людмила Викторовна Максимчук – поэт, прозаик, драматург. Член Московской городской организации Союза писателей России, автор тридцати книг и текстов к десяткам песен. Лауреат и дипломант всероссийских и международных форумов, фестивалей, конкурсов. Её произведения публикуются в периодической печати, литературных альманахах, научно-публицистических изданиях, на зарубежных и российских интернет-порталах. Людмила Викторовна сама иллюстрирует и оформляет свои книги. Она проводит персональные выставки и творческие встречи с молодёжью на различных площадках.

Живёт в Москве.

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВА — СЛАВА И ГОРДОСТЬ!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ 1945 ГОДА

(отрывок)

...Может, я когда-нибудь составлю
Боевую летопись отца,
Доблестных друзей его прославлю,
Долг свой исполнявших до конца,

Командиров ротных или взводных,
Тех, кто за собою в бой вели,
Тех героев, истинно народных,
Тех богатырей родной земли,

Кто под Ленинградом осаждённым
Жизни молодой не пощадил,
Вместе с миномётом раскалённым
Слаженной, единой силой был,

Кто, по локти в пласт земли врастая,
Заслонил страну свою тогда.
Их отвагу даже смерть лихая
Не сломила в грозные года!

Большинство – в земле, в могилах братских...
Не расстались с Родиной своей.
Только в письмах фронтовых, солдатских
Правда их дошла до наших дней.

Эта правда – горькие пилюли –
Вместо орденов или наград...
Моему отцу достались пули
Да ещё осколков чёрный град.

Шея, ноги, плечи, грудь – навывлет –
Всё прошито. Жизнь, уже пора?
Двадцать лет всего – и чтоб убили?
...Бой прошёл. Отца похоронили
В братской, наспех вырытой могиле,
Как других, кто жил ещё вчера...

* * *

А вчера! В короткой передышке,
На ходу устроили привал.
Папочка играл бойцам на скрипке,
Друг его свои стихи читал.

Покурить, перекусить – успели,
Да в глаза друг другу посмотреть...
Что теперь? Три парня уцелели,
Три из сотни – так решила смерть.

Девяносто семь и с ними вместе
Мой отец... Но – радостный момент:
Вспомнили на этом самом месте,
Что у папы важный документ,

Кажется, в кармашке гимнастёрки!
Раскопали. Как так? Смотрят, жив...
Положили рядом на пригорке.
Командира кликнули: держи

Документ, отчёту подлежащий!
Санитара кликнули – скорей!
...Продолжался подвиг настоящий
Много, много месяцев и дней,

В общем – более полгода встряски,
В переездах и в госпиталях...
Операции и перевязки –
Это как жаровня на углях.

Резали, осколки вынимали,
Тридцать раз осколки вынимали,
Заново осколки вынимали,
Зашивали, резали опять.
Потерпеть просили; объясняли,
Что наркоза нет и негде взять.

Папочка терпел... Но что терпение,
Если уж нога «шутить» взялась?!
Что за «шутка» бомбой взорвалась?
Ну, держись: гангрена началась...
Нет лекарств! Какое тут лечение? –
У гангрены – «чумовая» власть.

Как же быть, что делать? А гангрена
Всё кроила, да на свой манер:
Ногу от ступни и до колена
Разъедала, поднимаясь вверх...

Ногу ампутировать – и точка!
Папа отказался наотрез:
«Без ноги я жить не стану точно,
А с ногами – жить не надоест».

Папочка, мой Витенька Кудинов,
Самый младший сын в большой семье,
Знал, что настоящие мужчины
Не склонят себя к такой судьбе,

Чтобы ноги были – деревяшки,
А рука – опора костылю.
Дал врачам расписку на бумажке:
«Ногу не отдам и боль стерплю,

Зубы стисну – делайте, как надо,
Чтоб я не остался без ноги!»
...А калеки были – сплошь и рядом.
Нет! Стоят под койкой сапоги,

Значит, он наденет их когда-то.
И надел! И сёстры, и врачи –
Весь медперсонал из медсанбата –
Удивлялись стойкости солдата,
Продолжали раненых лечить.

...Значит, что же, точно подлечили?
Можно в строй? ...Да в первые же дни
Трижды похоронку получили
Мама и сестра, и всё ж они

Вообще не верили, что Витя...
Вдруг пришло письмо – ну, отлегло!
Сам пришёл не скоро. Но смотрите:
Жив-здоров, всё, вроде, поджило.

И на фронт уж больше не послали...
Час пробил – настал конец войне.
...Позже офицеры вспоминали,
Как все были рады той весне!

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВА

Если дерзостный враг или злая стихия
Угрожают России моей,
На защиту свою поднимает Россия
Самых лучших своих сыновей.

Сыновья соберутся и встанут стеною,
А за ними – несметная рать.
Раздаётся приказ: «Приготовиться к бою!»
Час пришёл наступать, побеждать.

Побеждайте, герои, в разгаре сражений,
Командир, в полный рост поднимись!
В жизни, полной конфликтов, тревог и волнений,
Без героев нельзя обойтись...

Герои Отечества – подвиг и доблесть.
Герои Отечества – верность и честь.
Герои Отечества – слава и гордость.
Такие сыны у Отечества есть!

НА СТРАЖЕ РОДИНЫ

На страже Родины и мирных будней
Стоят десятки тысяч сыновей.
Их дело лёгким никогда не будет,
Не упразднится в суматохе дней.
Героев вспоминают в те минуты,
Когда беда великая грядёт,
Распишет их военные маршруты,
Высокий долг исполнить призовет.
Служебный долг – на то была присяга;
Долг человека – человеком быть.

Дана немногим доблесть и отвага,
Но совесть не позволит отступить.
Не всякий раз – сражения на месте,
Не всякий раз – смертельная гроза,
Но всякий раз – брань выгоды и чести,
Но всякий раз – дороги нет назад.
Пусть не всегда живыми остаются
Защитники, исполнившие долг.
Потом другие – с силой соберутся,
Не испугаются и не споткнутся:
Продолжат подвиг, своего добьются
Забывтый взвод и незабывтый полк.
Действительно: в границах и пределах
Опасность существует каждый миг.
На страже Родины – отряды смелых,
И мы должны рассчитывать на них.
...Пусть говорят, что в нынешнее время –
Не те бойцы, не дедов наших рать.
Приходит час – и выступает племя,
Чтоб подвиги великие свершать,
Чтоб Родине своей защитой встать.

ГИБНУТ ПЕРВЫЕ

Гибнут первые. Гибнут лучшие.
Это было и будет впредь.
В жизни мало бывает случаев,
Чтобы первому уцелеть.
Жизнь прекрасна, но так устроена,
Что без первых не обойтись.
Жизнь бросает спасателей-воинов.
В пламя, в воду, во тьму и – ввысь...
Пусть не пятый и не десятый –
Сто десятый – но впереди.

Разум ясный. Расчёт крылатый.
Не ведомые, а вожди.
За вождями идущие следом
Да продолжат, да сотворят,
И, возможно, придут к победам,
Не утонут и не сгорят...

Часовые судьбы и случая,
Те, что были и будут впредь,
Гибнут первые, гибнут лучшие –
Трудно первому уцелеть...

Ирина ЕГОРОВА-НЕРЛИ

Ирина Германовна Егорова-Нерли – поэт и художник. Член МСХ (Московский эстамп), Союза художников России, МГО Союза писателей России, аспирант российской академии художеств, член редколлегии альманаха «Истоки» и литклуба ЦДЛ «Московитянка». Автор ряда книг. Лауреат конкурса экслибриса, имеет награды РАХ, МСК, СП России.

Живёт в Москве.

РОДНЫЕ КЛИКИ ЖУРАВЛЕЙ

* * *

Кто ждет – непременно дождётся!
Кто любит – не сможет забыть..
Так в сердце навек остаётся
Та жизнь, что не дали прожить.

И в этом война виновата:
Её отвести не смогли!
Но всё понимает, как надо
Березовый плач от земли.

Невольню с печалью в обнимку,
В проталинах вешних дождей
Мы снова находим тропинку
От старых военных путей.

Там слёз целый век не отплакать,
Наш мир до конца не понять!
И снится под утро атака,
И маленькой девочкой Мать.

* * *

Снега сорок первого года,
Как намертво вставший отряд –
В ледовых окопах пехота
И танков последний парад.

В объятых жестокой метели –
Безлюдье истринских сел,
Винтовки у малой траншеи,
Замёрзшей картошки подол.

Шаги осторожной разведки
И немцев прицельный огонь:
То ночь в самолетной подсветке,
То взрывов слепящий разгон.

В поту керосиновой лампы
Иконка, что в храме жила...
С тяжёлыми вилами бабы,
Дом предков, сожженный дотла!

Такое – морозом по коже...
Рассвет в придорожной пыли:
Хруст снега от женских сапожек
И гром эшелонов вдали.

* * *

От колокольни – дверь и арка,
А крест уплыл на небеса...
Война дыхла вдаль из мрака
И отсверкала, как гроза.

И от деревни, что стояла,
Уж не осталось ничего:
Лишь цапля с криком пролетала
Там, где никто не ждал её.

Там за обочиной стеною
Подрос дубов червонный ряд.
И ветер с чуткой тишиною
Поёт в кустах про бывший сад.

Название старое «Хохловка»
На карте не найти давно!
Но всё же цапля издалёка
Летит на ветхое бревно.

**ИЗ ЦИКЛА
«НОВГОРОДСКИЕ
ХРАМЫ»**

Грек-иконописец
На Руси писал –
Горних далей выси
Фрескам передал.

Но фашист не медлил,
Храм огнем прошёл –
На церковной меди
След войны тяжёл.

Сколы стен, как завесь
Белых облаков –
Храмы подымались
С вольных берегов...

Нет конца и края –
Небеса поют!
В ком душа живая –
Те сюда придут.

«Новгород Великий
Неспроста велик» –
Отвечают лики
На сердечный клик.

Говорят: «По веку
Не избегнуть ран...
Близок человеку
Старец Феофан!»

* * *

Что было здесь? Не передать ...
Изрыт снарядами овражек.
Теперь родным захлеб рыдать
Иль ждать вестей, не спать на страже.

А там в траве, не чуя ног,
Ещё живым остался взводный.
Об этом знает только Бог
И вольный месяц путеводный.

Валежник сучьями дрожит.
Дышать труднее с каждым часом,
И под иконой мать лежит –
Пред Богородицей и Спасом.

В её окне наискосок
То тьма ползёт, то ветер воет,
И в темноте в чужой лесок
Разведка крадучись уходит...

И видит мать, как наяву:
Овраг и свет в бурьяне диком,
И, раздвигая вглубь траву,
Лучится Спас сыновним ликом...

Сверкнул фонарь! – Нашли бойца!
Лес притаился в спящем звуке.
И только месяц в поллица
Победно взмыл в ночной округе.

* * *

*Памяти моего деда Алексея Никитовича
Зайцева, погибшего под Москвой в декабре
1941 года*

От ран скончался в сорок первом
Мой молодой и крепкий дед.
Где Нара кружит ровным берегом,
Его судьбы остался след.

Там с давних пор скрипели избы
И лес осинами суров,
А на полях дорог изгибы
Скрывали насыпи валов.

Деревня Плаксино – от плача –
Названьем тянет в тяжесть бед.
И братский холм пройти иначе
Нельзя без дрожи страшных лет.

В её окне наискосок
То тьма ползёт, то ветер воет,
И в темноте в чужой лесок
Разведка крадучись уходит...

Там обелиск, берёз посадки
Вдоль охраняющих оград.
Густой травой встречают грядки,
И плодоносит старый сад.

И в наши дни, в иное время –
Его потомки начеку! –
Идут на бой с врагами теми,
Что не смогли войти в Москву.

* * *

*Памяти моего деда Алексея
Никитовича Зайцева*

Перебинтованные ноги...
А лазарет среди берёз,
И навещает на пороге
Сквозным дыханием мороз.

Мне это снится в лютый холод,
Когда в пути спешит декабрь:
Меня отпустит сон не скоро,
Как бы ни длился календарь.

На полевых носилках снова
Передо мной лежит мой дед:
Как ни была б судьба сурова –
Он мне, вздыхая, шлёт привет.

В жару метаясь, он не плачет.
Голубизной лучится взгляд.
И только сердце дико скачет,
И на снегу полно солдат.

Военный госпиталь, фонарик,
На лицах талая вода,
И алый блеск в замёрзшей Наре,
И чёрной строчкой провода...

* * *

Колонна танков поле режет –
На них фашистские кресты,
А лес становится всё реже,
И у моста скрипят кусты.

Как белый хлеб, что режут свежим,
Дробится поле по кускам,
А под мостом по снегу пешим
Спешит боец к большим кустам.

И что винтовка против танка? –
Что может взвод в таком бою?
Там претерпеть немало страха
Пришлось, сползая в колею.

Бураном стал притихший ветер,
От взрывов снег вскипел во рву...
Сгорели танки в том кювете,
Хоть шли колонной на Москву!

* * *

Ромашек в поле много было,
Как будто снегом намело.
И лейтенанта здесь убило,
Пока и солнце не взошло.

Его трава взяла в обнимку,
Цветы прикрыли в ранний час,
Когда фашисты на поимку
Прошли огнём в который раз.

Берёзы замерли, пригнувшись,
Кусты в испуге полегли,
И от стрельбы глубинный ужас
Добрался эхом до земли...

Жизнь промелькнула яркой вспышкой,
И все ромашки поднялись...
И он увидел, как малышкой
Сам шёл в поля, не глядя вниз.

От голубого неба больно,
Когда так ясен день вокруг,
И лейтенант вздохнул спокойно,
Встречая сна цветущий круг:

Он честно выполнил задание –
Всё передать успел своим,
А от ромашек, как сиянье,
Защитный свет висел над ним.

* * *

Трамвайные звуки под утро
С военной Москвой говорят,
И, кажется, снова повсюду
Фугасные бомбы летят.

А их ловко ловят мальчишки –
Дворовых команд сорванцы,
И снег чёрным дымом от вспышки
Кадит, перекрыв изразцы.

Там взрывов едучая горечь
Вскипает, как музыки шторм.
И долго седой Шостакович
Мерещится в мраке ночном.

Там купол Климента сияет,
Прожекторы в небе горят,
В багряном просвете мерцает
Иконы старинный оклад.

А снег в сорок первом не тает
На льду вековых мостовых,
И старый трамвай гроыхает
Под окнами предков моих.

* * *

Хлесткий ветер бьёт и без патронов,
Лёд хрустит на стиснутых губах,
И метель, как облако со склонов,
Бережёт пехоту на холмах.

А солдат не часть ли той метели?
Для него и ветер – верный брат:
Под Москвой мы немца одолели,
Когда был в строю декабрьский хлад.

Воевать природе не пристало,
Но поди ж ты, объясни лесам:
Что фашисту дома не хватало –
Привело на Русь, к большим снегам?

Мне зима всегда родной казалась,
А лыжня в заснеженном лесу
На следы бомбежек натыкалась
И в глазах темнело, как в грозу.

Но луна висела слишком низко,
Когда вдруг кончился снегопад.
Ведь доньше звезды обелисков
При морозе с небом говорят.

* * *

Нам думать нет времени больше,
А слабость измене подстать:
Мы знаем, что в жизни дороже,
И будем, как встарь, воевать.

Нас скопом равняли с землёю,
В блокадном котле стерегли,
Сминали железной бронёю –
Бомбили, пытали и жгли!

Что было, то адом зовётся, –
О том полевые суды,
И только одно остаётся
На вызов фашистской орды...

Мы вместе врага одолеем –
Священную память не тронь!
Всё та же землянка в траншее
И тот же в печурке огонь...

И жуткие сны в час рассвета
Привычны на каждой войне,
И жизнь – это значит победа
Над злом, что в родной стороне!

МАСКИРОВОЧНЫЕ СЕТИ

Елене Климовой

Это школа, московская школа.
Первоклашки стоят у ворот,
А потом тянут сети вдоль пола,
Свои письма готовят на фронт:

Режут ленты обычные дети,
Чтобы сладился крепкий покров –
Маскировки зелёные сети
Сберегли жизнь российских бойцов.

Боже праведный! Это ль не милость?!
Вновь детишки трудились в тылу:
Сеть плели, чтобы воины бились,
Вспоминая свою детвору.

Воробьиные игры остыли –
Их ручонки мелькали в сетях,
А в Донбассе метелицы выли,
Небеса содрогались в огнях.

Так Москва за своих воевала,
Понимая, что ждёт на кону.
Даже дети из школьного зала,
Как могли, защищали страну!

ПЕРЕД КАРТИНОЙ «ФАШИСТ ПРОЛЕТЕЛ»

А.А. Пластову

В такие мгновенья нет воли случайной –
Здесь птицей кричит тишина:
За данью кровавой, за жертвою тайной
Внезапно приходит война.

Шагает по взрывам глухого бурьяна,
Вершит самолётный бросок.
Земля кровоточит как свежая рана –
Убит молодой пастушок.

На поле не вздрогнет ни кустик, ни кочка.
Как мёртвый, бездействует лес...
И только чернеет зловещая точка
В холодном покое небес.

* * *

Я от печали не сникаю:
В преддверье битв люблю сильнеей
Одно селенье «Дзуарикау»,
Где тают клики журавлей.

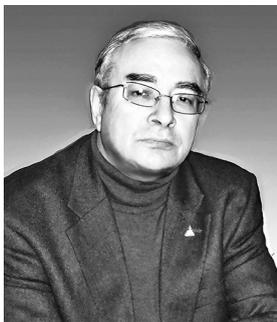
Таких, конечно, много было
Во время горестной войны,
Но здесь нам доблесть воплотила,
Чем люди в подвиге сильны!

Семь сыновей ушли из дома –
Ушли, как исстари, на фронт.
И облака для них – солома,
Кровать – высокий небосвод.

Они приходят к нам на помощь,
Когда от войн пощады нет –
И бьют часы над нами в полночь,
И вдалеке горит рассвет.

Им для посланья слов не надо:
Что сердца вещею живей!
В боях за Родину награда –
Родные клики журавлей.

Анатолий МУСАТОВ

Анатолий Васильевич Мусатов – прозаик. Родился в Москве в 1946 году. В 1969 году поступил в Московскую консерваторию на фортепианное отделение в класс проф. Р.Р. Керера. Проучившись четыре года, окончить консерваторию не смог из-за болезни рук. После этого преподавал по специальности. В 1978 году поступил на вечернее отделение Московского высшего художественно-промышленного училища на отделение «Проектирование выставок и рекламы». Получив образование художника-дизайнера, работал на должностях художника по рекламе в кинотеатрах, главного художника Дворца культуры ЗВИ, проектанта-макетчика в ДЦНТИ МЖД. Свой первый роман «Заслон» написал в 1978 году. К настоящему времени в творческом багаже несколько романов, повести, рассказы. С 2010 года член МГО СП России.

Живёт в Москве.

ВСТРЕЧА

Рассказ

...Полуразмытые лики, выплывая из густого сумрака, грудились в дальнем углу комнаты, будто боясь приблизиться к слабому светлячку ночника. Но тут же, не давая времени себя разглядеть, быстро истаявали, тускнели и исчезали в породившей их тьме. Василий Иванович, лёжа огрузневшим телом на жёстком диване, даже не делал попыток узнать в них чьи-либо черты. То ему брезжился образ давно умершей матери, то знакомые очертания ушедших друзей. «Игорёша?.. А почему он?.. Игорёша ведь живой...».

Василий Иванович осознавал эти мысли помимо своей воли, как будто они возникали перед его взором, как субтитры в кино. Он читал их там же, рядом с мерцающими видениями, на фоне едва виднеющихся библиотечных шкафов. Эти наваждения его не пугали. Наоборот, стали настолько привычными, что без них, чуждых его практическому, атеистическому складу ума, он уже никак не мог представить свои ночные бдения.

В последнее время он часто просыпался ночью и долго лежал без сна. Он уже давно спал отдельно на диване в гостиной. Его беспокойный сон будил жену, и Василий Иванович, не желая её тревожить, перебрался сюда.

Долгими томительными ночами, пересиливая не дающую заснуть тяготящую, грызущую все жилы фантомную боль, Василий Иванович постоянно видел возникающие перед ним видения. Он не был особенно склонен к самокопанию, потому никак не мог понять, что было в них для него явью, а что – всего лишь бередящими душу фантомами памяти. Такими же фантомами, как и медленно просачивающаяся сквозь полудрёму, изматывающая, предательски неумолимая боль в давно утраченной ноге.

Эти образы смешивались в один совершенно неразличимый ряд. Василию Ивановичу стоило больших усилий, чтобы от-

личать ещё живых, от тех, кто ушел в небытие. Он почему-то никак не мог отделить их друг от друга. К такому общению с ними Василий Иванович был вынужден приноравливаться каждый раз заново. С живыми он общался, мёртвые молчали. И потому Иван Васильевич, вглядываясь в смутные очертания, непременно задавал им всем один и тот же вопрос: «Что скажешь?..».

Вот и сейчас, он лежал и думал, что Игорёша, – еще живой, точно живой, потому как разговаривал с ним сегодня вечером по телефону, – почему-то не ответил ему. Василий Иванович знал все недуги старого друга, однополчанина Игорёши. Болеет сильно, так у каждого из них прорва болячек, и это не повод сейчас отмалчиваться. Очень трудно стало последние годы общаться живьем... Телефон был единственной ниточкой, связывавшей их друг с другом. Обиделся Игорёша!

Василий Иванович хотел этим вечером объяснить ему, что надо рано утром съездить на кладбище к Степану, и что нога теперь частенько бывает стерта до крови под протезом, и что не спит по ночам от проклятущей боли... Но уж очень просил Игорёша его приехать, потому как сам он уже давно не вставал с кровати, а повидаться перед таким большим праздником в последний раз хотелось нестерпимо...

Василий Иванович вздохнул. Он тогда наорал на Игорёшу: «Чего разнюнился! Ты со своим параличом переживёшь всех нас!..».

Огненный выскерк от разлившейся по потолку трамвайной дуги отозвался в ушах визжащим на повороте скрежетом вагонных колес. Этот выскерк и грохот трамвая какой-то дальней ассоциацией сложились в знакомые строчки стихотворения.

*Гроза полночная проходит
За переплетами окна.
И как всегда при непогоде,
Мне не даёт уснуть война.*

*Опять я там, у Старых Роздых,
Где страшным бредом, – как мираж,
Взлетает медленно на воздух
Разбитый вдребезги блиндаж.*

*Я вижу, как вокруг ребята,
До крови закусив губу,
Припав в атаке к автомату,
Братались с пулей на бегу.*

*Им всем по девятнадцать было,
А жизни сроки прожиты...
Дождём свинцовым в землю вбило
России юные цветы.*

«На забыл ещё... Сколько я их за свою жизнь накопал...». Василий Иванович, натужно кряхтя, устроился на диване удобнее и подтянул одеяло к подбородку. Он закрыл глаза. Веки выдавили из повлажневших уголков глаз горячую каплю слезы. «Что-то в последнее время стал раскисать...». Усмешка скользнула по его лицу. Это последнее время слишком много вместило в себя переживаний, накопленной боли в измученном теле и проводов друзей... на кладбище... в последний путь... «Сколько прошло?.. Всего-то полтора года со дня последней встречи наших мужиков... Коля Свирин... Степа Лагутин... точно, он как раз под конец марта... Сколько придут в этот раз? Миша с Фёдором должны... Потом к Игорёше поедем...».

Закрытые веки словно опустили занавес на глаза. Он больше не видел ничьих лиц, ничто не пробивалось в пульсирующую красными сполохами темноту наползавшей дрёмы. Василий Иванович где-то краешком сознания зацепил последнюю мысль: «Игорёша... что он то хотел от меня?.. Не может дожидаться за-втрашней встречи... Хм... Придём, куда мы денемся...».

И как ни старался Василий Иванович избавиться от тревожной, поселившейся где-то далеко в подсознании мысли об Игорёше, всё же перед тем, как спасительное долгожданное забытьё

не погрузило его в сон, увидел Василий Иванович лицо друга. Его взгляд, полный невыразимой глубины, той, что бывает у человека, в единый миг постигшего вселенский смысл своего существования, был мудр, спокоен и отрешён...

Поднявшись ещё засветло, Василий Иванович долго собирался, прилаживая протез, аккуратно выправляя мягкий байковый чехол на культе. Из своих семидесяти восьми почти полвека он изо дня в день тратил силы на таскание полноразмерной пластиково-железной ноги. И посему это каждодневное утреннее действие давно превратилось для него в привычный ритуал.

Василий Иванович в молодости, подтверждая свои могучие сибирские стати, ни в чём не отступал в жизни от своих нормальных сверстников. Для него даже танцы не были в обузу. Несмотря на свою прилаженную чуть ли ни к бедренному суставу опору, Василий Иванович на равных вальсировал среди всех прочих пар, не вызывая явного сочувствия своих партнёрш...

После бессонной ночи пара глотков крепкого чая немного поубавила тяжести в гудящей голове. Снова отхлебнув горячей жидкости, он взглянул на часы. Минутная стрелка едва сдвинулась с половины шестого. «Рано...». Василий Иванович повёл головой и снова с опасливым раздражением подумал: «Уж лучше рано, чем никогда...».

Не далее, чем вчера, возвращаясь домой в час пик, он всю дорожку в метро простоял на саднившей, растёртой культе. Больше получаса он с безнадежно-усталым видом наблюдал, как сидящие перед ним четверо парней по семнадцать-девятнадцать лет, обхохатывая друг друга, ёрзали по сиденью, взбрыкивая длинными, мослаковатыми ногами. Стоявшие рядом люди опасливо сторонились их размашистых игрищ. Никто даже не пытался хоть сколько-нибудь обуздать не управляемое ничем, хотя бы зачатками интеллекта, буйное стадо молодой человеческой живности.

Василий Иванович, не имея возможности куда-либо отодвинуться сквозь плотную массу людей, вынужден был стоять рядом, уцепившись за перекладину. Он смог бы стерпеть их тупое безразличие к его особому статусу, но его терпение кончилось

мгновенно после третьего толчка по ноге, на которой он едва стоял. Сунув под нос свою увесистую палку развалившемуся напротив него парню, он, задержав свой взгляд на его безнадёжно-глупой ухмылке, сказал:

– Ещё раз заденешь меня, я тебя перетяну вот этим меж глаз!

Парни переглянулись. Один из них, сбросив с лица маску тупого, бессмысленного веселья и пережёвывая пополам со жвачкой слова, протянул:

– Все путём, дед! А палочкой своей ты бы размахивал поаккуратнее... Нервы, знаешь, у нас не железные. Всё может случиться...

Василий Иванович стоял около них, сжимая побелевшими пальцами палку. Бухавшая в голове острыми ударами мысль «Не стоит, не тот день сегодня...» удерживала его от невероятно-го желания вклеить в эту глумливую рожу наотмашь, что было силы, набалдашником палки. Севшим от напряжения голосом он смог только сказать:

– Что, молодой да сильный?! Со стариками воюешь? Я в твои годы на другой войне был. Там не таких... обламывал... Те хоть не маскировались под своих... Но уж больно ты смахиваешь на фашистскую гниду.

Парни, враз попридержав свой гогот, усталились на Ивана Васильевича:

– У, блин, да ты у нас крутой!.. И как только ты уцелел! Те мужички таких, как ты, быстро успокаивали...

Робкие голоса протеста двух-трёх женщин вызвали у всех четверых лишь приступ хрипато-го ржанья. Но, видимо, что-то в лице стоявшего перед ними ветхого старика им показалось такое, что парни, враз притихшие, погундосив между собой, встали и, протолкавшись к выходу, вывалились из вагона на следующей остановке...

Всю дорогу Василий Иванович с тихим удовлетворением отдавался наплывавшим на него откуда-то издалека, из совсем дальних уголков памяти, ощущениям тех незабвенных лет. И хотя сидящие напротив люди и гул вагона метро ничем не напоминали лица ребят, – молодых, крепких сибиряков – и

перестук колес эшелона, ровно полвека назад уносившего их к неведомому рубежу, от одного названия которого – «фронт» – холодило сердце, и жаркая волна прокатывалась по всему телу, – все сейчас вокруг обратилось для него в несуществующее «здесь».

Василий Иванович всем своим существом был там, в том дощатом вагоне-теплушке, где сидящий напротив его друг Борька, сильный, большой Борька старательно сопел над очередным письмом домой. И жить оставалось Борьке ровно пять дней, потому что через пять дней, на рассвете, когда их бригада прямо с марша устремится в атаку, упадёт Борька ему на руки, на забрызганную кровавой массой шинель из снесённой осколком снаряда черепной коробки...

Через час, выйдя из метро, Василий Иванович огляделся. Он никак не мог сориентироваться в выходах этого лабиринта. А потому, как обычно, поднялся не там, где находилась остановка автобуса, идущего до загородного кладбища. Досадливо крикнув, Василий Иванович с раздражением подумал: «Склероз хренов! Сколько езжу, никак не запомню!..». Развернувшись, он осторожно стал переступать по одной ступеньке, каждый раз аккуратно опуская сверху протез.

Когда он дошёл до остановки, там уже составила внушительная разношёрстная очередь. Это было довольно странно, учитывая предпраздничный выходной день. Вытирая пот со лба, Василий Иванович пристроился к её концу. Отдышавшись, он взглянул на расписание. Полчаса ожидания до отправления автобуса ему не улыбалось провести стоя. На самой остановке, среди сидевших, он углядел свободное место. Предупредив стоящую впереди пожилую пару, Василий Иванович, тяжело опираясь на палку, добрался до скамьи.

Сидевшие на ней старушки с любопытством скоренько оглядели его с головы до ног. И все, как одна, задержали свой взгляд на его пиджаке, на котором не было свободного места от сверкавшей серебром и золотом орденской кольчуги.

– Много воевали, небось? – не удержалась от вопроса сидевшая рядом с ним женщина.

– Да нет, – мотнул головой Василий Иванович. – Просто много досталось.

Он так отшучивался. Иван Васильевич всегда испытывал некоторое неудовольствие от подобных вопросов. По орденам и медалям и так всё видно. Уж тем более его соседкам, наверняка знающим войну не понаслышке. Но женщинам, как видно, сидеть просто так было нелегко. Та самая, что поинтересовалась его наградами, чуть спустя спросила:

– К кому едете? Родственник, какой, что ли?

– Считайте, родственник. Однополчанин, сорок дней сегодня...

– М-м... – Женщина понимающе кивнула головой. Василий Иванович закрыл глаза и привалился к стенке...

Всю дорогу Василий Иванович дремал. Ему хотелось ещё немного побыть в этом полурасслабленном состоянии, но сорок минут пути пролетели как единый миг. Он тяжело вылез из автобуса и невольно зажмурился от яркой сини неба. «Хорошо...», – довольно выдохнул он. Было в этом сияющем светом и синью майском утре что-то торжественное и значимое. Василий Иванович, не торопясь, закурил крепкую «беломорину», оглядел каменный забор, внушительные кладбищенские ворота, и не спеша двинулся вперёд.

До могилы Степана идти было недалеко. Проваленный холмик земли был ещё утыкан старыми стеблями высохших, полусгнивших букетов и блёклыми венками из искусственных цветов. Василий Иванович по-деловому расчистил место с краю могилы и, вытащив припас, разложил его на газете. Открыв четвертинку «Столичной», он налил её в два пластмассовых стаканчика, накрыл один из них ломтем чёрного хлеба и поставил в углубление между комьями слежалой земли. Поднял другой стаканчик, и, глядя на маленький квадратный кусок железа, укреплённый на кресте с надписью «Лагутин Степан Иванович», глухо проронив: «Ну, что ж, Стёпа, пусть земля будет тебе пухом...», отпил глоток. Опустив стакан, Иван Васильевич, как бы извиняясь, со словами «Извини, брат, что не до дна... Здоровьешко, знаешь, не позволяет...», вылил остаток на землю.

Василий Иванович усмехнулся. Он вспомнил, как лихо закладывал Степан, и уж, конечно, будь он жив, не принял бы его извинений. Стёпа во всём был максималистом. Во взводе Степан был старше всех на два с половиной года. Но его жизненного опыта с лихвой хватило бы на какого-нибудь мужичка-сороколетка. Его неунывающую личность во взводе просто обожали. И когда, лёжа во время жесточайшего обстрела, сквозь рёв разрывов весь взвод слышал высокий тенорок Степана, во все горло вопящего частушки собственного сочинения – им всем становилось легче.

И только во время одной из немецких атак Степану стало не до частушек. Отсекая фланговым пулеметным огнём пехоту от густого навала лязгающих траками железных коробок «тигров», он спас тогда от гибели весь взвод.

Укрывшись за поваленной снарядом метровой в диаметре елью, Степан, как заколдованный, под ураганным обстрелом ни на минуту не прекращал огня. Немцы ничего не могли поделать с его импровизированным дотом. И когда немецкая пехота залегла под непрерывным кинжальным огнём, а проскочившие через окопы «тигры» были сожжены и подбиты, его пулемёт замолчал... Отбив атаку, Василий со своим взводом и медсестрой Олей бросились туда, где был Степан.

Добежав до изрытого, покрытого дымящимися кусками разбитой щепы места, они увидели Степана, лежащего ничком, накрепко вцепившегося в гашетки пулемёта. Вокруг него тускло-золотой россыпью валялись гильзы и пустые магазинные коробки. Вся спина его была залита кровью. Даже осколок мины, вспоровший от ягодицы до плеча спину Степана, не заставил его прекратить огонь. Степан пришёл в сознание и лишь глухо стонал, когда его огромное, под центнер, тело втаскивали на волокушу из плащ-палатки.

Но даже тогда он остался верен себе. Этот неисправимый бабник, с распоротой спиной, истекая кровью, нашёл в себе силы, глядя на крепкие, крутые бедра Олечки, прохрипеть надламывающимся от боли голосом: «Какое хозяйство... и не моё...».

Назад Василий Иванович возвращался с лёгким, просветлённым чувством. В душе он ощущал такое же состояние торжества и победы над смертью, как и в тот день, будто в самом деле только что вернулся оттуда, из того кромешного ада давнишнего боя. Он смотрел на проносящиеся за окном автобуса берёзы, будто измазанные лёгкими акварельными мазками зелёного оттенка, на стремительно уносящиеся назад взгорки и пологие скаты. Ему вдруг начало казаться, что он несётся по волнам неведомого зелёного моря, так плавно и быстро перетекали эти взгорки и спады друг в друга...

На конечной станции Василий Иванович, обойдя несколько «бомбил», договорился с одним из них. Ехать в метро ему не хотелось. Да к тому же времени было уже много. Встреча с однополчанами была назначена на одиннадцать часов, к которым явно бы опоздал, отпраившись он на метро.

Небольшое кафе, в котором когда-то состоялась их первая послевоенная встреча, было для всех них сакральным местом. То ли судьба была к ним благосклонна, то ли место слишком уж было некоммерческим по нынешним временам, но кафе, устояв перед разномастным криминально-бандитским девятым валом приватизации, – («прихватизации», – поправившись, угрюмо усмехнулся Василий Иванович, объясняя водителю, для чего он едет туда), – невероятным образом сохранилось в своём первоначальном предназначении. И все уцелевшие от войны и времени ребята-однополчане раз в два-три года, когда удавалось списаться и созвониться, собирались в этом кафе.

Тормознув на знакомой улице, водитель несколько минут потратил на выискивание клочка свободного места среди огромных, дорогих иномарок. Наконец, прижавшись к одной из них, он раздражённо плюнул и сказал:

– Ближе не получится. Придется, дед, тебе выйти здесь.

Василий Иванович, кряхтя, вылез из машины и недоуменно огляделся. Не закрывая дверцы, он заглянул в салон машины и спросил:

– Это точно тот адрес? Что-то я не узнаю ничего кругом.

Водитель, усталый, средних лет мужчина, хмыкнул и с горькой иронией ответил:

– Это тот адрес, дед. Не удивляйся, тут не только эту улицу, всю Москву перекорёжили. Я сам частенько путаюсь в них. А кафешка твоя вон. – Водитель ткнул рукой за спину Василия Ивановича. – Теперь это ресторан-бар с игровым залом. Вон, видишь вывеску? Это и есть твоё бывшее кафе. Ну, бывай, дед! Счастливо тебе повидаться с друзьями.

Василий Иванович стоял и бездумно смотрел на расцвеченные ярким неоном все двадцать квадратных метров фасада. Он читал аляповатую надпись во всю стену и нервно мял пальцами папиросу, которую вытащил ещё в машине. Он прекрасно понимал, что теперь в это заведение ему с ребятами путь заказан.

Подойдя ближе, Василий Иванович увидел стоящего у двери охранника. Тот оглядел его с головы до ног, но ничего не сказал, когда Василий Иванович, толкнув дверь, вошел внутрь. От того интерьера, что он помнил, не осталось и следа. С трудом сориентировавшись, Василий Иванович подошёл к двери, ведущей в зал. Но едва он взялся за дверную ручку, как откуда-то сбоку мгновенно появился молодой парень, ростом под два метра. Он прикоснулся к руке Василий Иванович:

– Вы приглашены?

Василий Иванович осторожно спросил:

– Куда?

Охранник смерил его взглядом с высоты своего роста и небрежно обронил:

– Сегодня ресторан посторонних не обслуживает. Зал снят под спецзаказ.

Василий Иванович покачал головой.

– У нас здесь, в этом кафе, встреча однополчан. Мы встречаемся каждые два года...

– У вас был сделан заказ? – оборвал его охранник. – Я сейчас проверю.

Он включил рацию и сказал:

– Тут один дед говорит, что у них назначена встреча с однополчанами...

Выслушав что-то, охранник, уперев взгляд куда-то поверх головы Василия Ивановича, сухо сказал:

– На сегодня никаких других заявок на обслуживание в администрации нет. В другой раз приходите...

Василий Иванович смотрел на высящийся перед ним могучий торс, увенчанный одутловатым шаром головы и, гася в себе тихую ярость, чётко произнёс:

– Я буду ждать своих товарищей здесь и никуда не уйду.

Он слышал гул, возбуждённые выкрики и хохот, доносящийся из-за закрытой двери, и это только его подтолкнуло к резкой и жесткой фразе:

– Я так понимаю, что теперь перед простым мужиком везде дверь закрыта... Что, так все там забито, что три-четыре места для инвалидов войны не найдётся?

– Не знаю, моё дело маленькое... – Охранник скосил глаза на ордена и добавил: – Идите в администрацию. Может, что-нибудь и устроят.

Но Василий Иванович не успел ничего сказать, как дверь из зала открылась, и из него вышел поджарый, немолодой мужчина с довольным и сытым лицом. Василий Иванович заметил в этом лице еще что-то, что было бы для другого места весьма характерными и примечательными чертами типичного пахана. Мужчина, довольно цыкнув, неспешно прошёл мимо Василия Ивановича и скрылся на противоположной стороне холла за дверью туалета.

– Понятно, кто у вас здесь пирует... – с едкой усмешкой проронил Василий Иванович. – Эти хорошо платят. Всем навару хватит, – не то, что с нас, инвалидов.

– Ну, что тут у вас? – с сытой вальяжностью раздался голос из-за спины Василия Ивановича. Он обернулся и увидел стоящего около них того самого «пахана». Охранник снисходительно кивнул на Василия Ивановича:

– Да вот, компания дедов хочет прорваться в зал. Этот говорит, что у них тут была запланирована встреча. Аж два года назад! Ха! Выдумают же такое! Им бы по тёплым местам отлеживаться, а не путаться под ногами у людей!..

– Ну чего! Дело хорошее – собраться с корешами! Это благородно! Говоришь, отец, тут у вас сходяняк намечается?

Василий Иванович угрюмо взглянул на стоящую рядом двухметровую обломину-охранника и желчно сказал:

– Верно, хотели свидеться однополчане, да кто ж знал, что это кафе под «малину» переделали.

– Ну, отец, не бухти! Для заслуженных людей всегда хорошее местечко найдётся. Пошли! Организуем для твоих однополчан столик. В обиде не будете! Пошли, пошли, – нажал мужчина на Василия Ивановича. – Ты вот что, – сказал он охраннику, – будут тут приходиться... ветераны, их проводи в зал. Я разрешаю.

Василий Иванович не стал отказываться от приглашения. В конце концов, не к «этому» в дом он пришёл. А с ребятами в любом случае надо увидеться. Кто знает, будет ли следующий раз?..

Зал гудел от разноголосицы подвыпивших людей. Василий Иванович, не особо их разглядывая, всё же заметил, что среди разношерстной публики было много крепких молодых людей, подвизгивающих ярко раскрашенных девиц и степенных, с выражением значимости на лице, официально выглядевших господ. «Странное сборище... Проститутки, братки и чиновничий сброд... – промелькнуло у него. – Чего их вместе собрало?..».

– Ну, что, дед, прошу за стол, – с властными нотками в голосе не привыкшего к отказам человека, сказал его благодетель. – Пока твои не собрались, посиди с нами. Потом и твоих определим.

Он ткнул сидевшего перед ним парня, и когда тот вскочил, распорядился:

– Так, приборы и закуску принеси. Сам сядешь там. Ну, мухой туда-сюда!

Парень с готовностью сорвался с места. Василий Иванович неодобрительно качнул головой:

– Может, не стоило так. Я прекрасно устроился бы вон там, в углу.

– Ну-ну, не надо скромничать! – усмехнулся «пахан». – Мы должны уважать защитников трудовой вертухайской державы! – уже в голос проговорил он. – Кто, как не вы, проливали

кровь, чтобы мы, вот сейчас, могли жить как люди?! Я правильно говорю, братва?

Ближайшие к ним люди одобрительно загудели. «Пахан», быстро пройдя к себе на место, поднял рюмку и громко сказал:

– Тихо, одну минуту. Вот человек, – он показал на Василия Ивановича, – который получил от той страны кучу... – «пахан» скривился в саркастической усмешке, – скажем, наград. Тогда умели совмещать полезное с приятным. Те, которые стояли у власти, полезное брали себе, а приятными цацками затыкали этим несчастным их рты. Вот это был гигантский лохотрон! Так выпьем за то, чтобы с пользой разводить лохов, а не быть ими!

Василий Иванович не совсем понял то, что говорил «этот», видимо, действительно имеющий значительный вес среди собравшихся за столом. Когда он начал говорить, все притихли, и конец его тоста встретили шумными аплодисментами и выкриками. Сидевший рядом парень, лет тридцати, осмотрел пиджак Василия Ивановича и, отрыгнув, восхищенно покачал головой:

– Классный иконостасец! Чё, реально все твоё?

– Моё, – коротко ответил Иван Васильевич.

– За это принять надо!

Парень ходко отправил в рот приличную порцию коньяка из фужера и с силой прогнав через зубы воздух, впился ими в кусок бутерброда с икрой. Всё так же, не отрывая взгляда от награда, он, что-то пьяно соображая, спросил:

– Дед, куда тебе столько клипс?! Тяжело таскать клифт, наверно? Отстегни одну... Я тебе отвалю бабла... сколько скажешь... Вот эту, красненькую... звёздочку.

Василий Иванович, уже сообразив, куда он попал и в какой компании находится, решил, что с этим, изрядно набравшимся соседом, лучше не ввязываться в разговор. Он осторожно, стараясь подавить в голосе неприязненные интонации, как можно дружелюбнее ответил:

– Извини, парень, этот орден мне очень дорог. Это мой первый орден.

Парень издал несколько бессвязных звуков и шмыгнул носом:

– Во, дед, – он поднял палец. – Я сразу усёк качественную вещь! За что, если ещё не забыл, тебе её отвалили?

– Не забыл... – Василий Иванович не удержался от пары едких слов. – Да уж не за стакан водки с бутербродом... Такое не забывается... Много ребят, и помоложе, чем ты, легли в бою за эти Старые Роздыхи...

И как бы тихо ни прозвучали его слова в общем гуле, сидевший через три места от Василия Ивановича «пахан» вдруг застыл с каменным выражением лица. Вилка в его руке дрогнула и, звякнув об тарелку, выпала из рук. Несколько секунд «пахан» смотрел, не отрываясь от лица Василия Ивановича. Потом хрипло, сглотнув перед этим перекрывший ему горло комок, спросил:

– Что... как ты сказал?! Повтори!..

Василий Иванович недоуменно приподнял брови и переспросил:

– Что повторить?

– Ты сейчас назвал что-то... – судорожно сжал пальцы «пахан». – Ну, название какое-то...

Василий Иванович понял, что от него требует этот человек. Он видел его застекленевшие глаза, побелевшие крылья носа и, не понимая, что привело «пахана» в такое состояние, чётко выговорил:

– Я сказал – Старые Роздыхи... Село было такое. За бой за него я получил вот этот орден.

Мужчина, едва услышав название, с силой сжал веки, и на его скулах круто обозначились желваки.

– Не может быть...

Мужчина всей пятернёй забрал лицо, провел ею вниз и, тряхнув головой, словно приходя в себя от удара, резко встал:

– Слушай, дед!.. Пойдем, отойдем в сторону... Надо поговорить.

Василий Иванович и все сидящие рядом были поражены такой метаморфозой. Он встал, аккуратно отодвинув стул. Едва поспевая за широкой спиной мужчины, он пересёк весь зал и оказался в маленькой комнатке. Мужчина закрыл дверь

и, смотря на Василия Ивановича с каким-то недоверчивым, настороженным изумлением, сказал:

– Садись... лейтенант... Разговор есть...

Василий Иванович, наклонив голову, с интересом взгляделся в мужчину:

– Мы что, знакомы? Не припоминаю, чтобы у меня были знакомые вашего возраста, знавшие меня лейтенантом.

– А ты, лейтенант, припомни, припомни... Может, вспомнишь, откуда у тебя вот тут, – и он показал на своём лице место около мочки уха, – отметина...

Мужчина впился взглядом в недоумевающее лицо Василия Ивановича, словно гипнотизировал этого старого, усталого человека, пытаясь раздвинуть перед ним завесу времени...

– Вась, тебя комбат к себе требует... – просунув голову в дверь, с серьёзной миной на лице на одном дыхании выдал рожовощёкий, кудрявый Аркаша Белов.

– Зачем? – недовольно пробурчал Василий, откладывая бритву. Его намыленная физиономия выражала неподдельное неудовольствие. Оно теперь часто не сходило с его лица, после того как его перевели на должность замкомроты по политработе батальона, присвоив звание старшего лейтенанта. Аркаша Белов, только что произведённый в лейтенанты, получил под своё начало взвод Василия, чем был очень доволен.

– Да там, кажется, по полицейскому делу. Срочно иди, комбат сказал, что ему в штаб полка через двадцать минут отбыть надо. Если что, из сортира тебя вытащить! Вот так!

Подходя к избе, где расположился штаб полка, Василий ещё издалека увидел густую толпу деревенских мужиков и баб. Их возбуждённые голоса сливались в один непрерывный угрожающий крик. Потрясая кулаками, они грозили кому-то, требуя немедленной расправы. Протолкавшись в избу, через солдат, охранявших вход, Василий из сеней, прошел в полутёмную, с низким потолком комнату. Он увидел горящую керосиновую лампу на столе, огонёк лампадки в дальнем углу и несколько фигур.

Одна из них была коренастым мужиком в кепке, неопределённого тёмного цвета пиджаке, который стоял перед столом, за которым расположились комбат майор Громов, начштаба капитан Проскурин и начальник особого отдела капитан Толмачёв. Рядом с капитаном лежала фуражка с малиновым околышем.

– А, Малышев! Иди, садись! Ну, что ж, товарищи офицеры... Я открою заседание военного трибунала...

Майор взял лист бумаги и начал читать:

– Мы, члены военного трибунала, в составе командира батальона майора Громова, начштаба батальона капитана Проскуринна, замначальника особого отдела полка капитана Толмачёва и замкомроты по политработе, старшего лейтенанта Малышева, проведя следствие по выяснению деятельности Мишина Григория Петровича, постановили: за пособничество фашистским захватчикам и сотрудничество с ними в качестве полиция, выяснив по опросам свидетелей его особо жестокое, изуверское отношение к населению, а также участие в расстреле пленных красноармейцев и партизан, приговорить Мишина Григория Петровича, учитывая условия фронтовой зоны и военного времени, к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор привести в исполнение немедленно.

Майор положил бумагу на стол и спросил:

– У кого есть особое мнение?

Выждав некоторое время, Громов оглядел сидевших за столом и, откашлявшись, произнес:

– Прошу тогда проголосовать за решение трибунала. Кто «за» – поднимите руки.

Василий, хотя и не участвовал ни в следствии, ни в составлении решения трибунала, недоумевая, зачем в таком случае он присутствует здесь, всё же поднял руку, так как того, что огласил комбат, и половины хватило бы для высшей меры.

Но его недоумение по поводу своего присутствия здесь Громов разрешил быстро:

– Малышев, возьми отделение и приведи приговор в исполнение. Жителей на казнь не допускать. Всякое может быть.

Люди просто озверели. Могут порвать этого полиция голыми руками. Как только они разойдутся, выведешь арестованного на задний двор. Там и закончишь. Все ясно? Я пойду, поговорю с народом...

В окно Василий видел, как через несколько минут обступившие крыльцо люди, постепенно успокаиваясь, начали расходиться. Караульный, проводив последних, закрыл ворота на щеколду и, зевнув, не торопясь, вытащил кисет.

Василий при виде закурившего солдата явственно ощутил на языке терпкий вкус табака. Вытащив папиросу, он торопливо чиркнул зажигалкой и затянулся. Приказ комбата, каков бы он ни был по своей сути, породил у Малышева противное чувство пустоты где-то под ложечкой. «И почему это всё сходится на мне?!», – с раздражённым недоумением подумал Василий. – «Что, для этого спецкоманды, что ли, нет?».

Вошедший Громов подошел к столу и, взяв лист бумаги с решением трибунала, протянул его Малышеву.

– Возьми, зачитаешь перед расстрелом. Иди, готовь отделение... Потом, как всё закончишь, тело погрузишь на полуторку и отвезешь километра за три за деревню. Там захороните...

– Товарищ майор, разрешите вопрос. Почему мы, а не расстрельная команда?

Громов помолчал, усмехнулся и, чуть помедлив, коротко сказал:

– Так надо.

Когда Василий вышел из хаты, на дворе уже густо моросил мелкий, плотный осенний дождь. Подняв воротник шинели, он поспешил в расположение роты и через полчаса, ведя за собой отделение, подходил к той же хате, во дворе которой, в сарае, содержался арестованный полицией. Но перед тем, как зайти во двор, он увидел неподалеку, у забора, две фигуры, – женщины и прижавшегося к ней мальчишки, лет десяти-двенадцати. Они молча стояли под дождём, не пытаясь укрыться от него. Женщина смотрела на приближавшегося Малышева, на солдат, и только судорожно прижимала ко рту крепко сжатые кулаки, словно боясь, что не удержит в себе рвущийся наружу крик...

Мальшев догадался, кто эта женщина, и поспешил пройти мимо. Но женщина и мальчик, как будто перед ним были ожившие деревянные языческие идола, не сделали ни малейшего движения. Мальшев только чувствовал их прожигающий его спину взгляд.

Торопясь поскорее закончить муторную процедуру, Василий распорядился поставить полицаю тут же, у стены сарая. Когда его вывели, полицай стащил кепку с головы и запрокинул голову. Дождь оросил его бледное, заросшее густой щетиной лицо. Солдат, выведший его, ткнул мужика в спину и злобно сказал:

– Ну, падла, ишь загляделся! Скоро сам там будешь! Иди, иди, холуй фашистский!..

Мальшев, смотря на солдат, которые ставили полицаю около стены, завязывали ему глаза и с тягостным нетерпением «скорее бы кончить», только приготовился читать решение трибунала, как краем глаза уловил движение. От забора на дальней стороне двора, туда, где стоял полицай метнулась маленькая фигурка. С криком «Батя... батя...» к сараю бежал мальчишка. Василий узнал в нём того самого, который стоял с женщиной у забора. Никто из стоявших солдат не успел опомниться, как мальчик подбежал к мужчине.

Вцепившись в него, он, плача навзрыд, продолжал кричать: «Батя, миленький... родненький... уйдём отсюда, уйдём...!». Мужчина, ничего не говоря, рухнул на колени, как подкошенный. Он гладил сына сотрясаемой крупной судорожной дрожью рукой по голове и только мычал, не в силах произнести ни слова.

Когда их начали отрывать друг от друга, двое дюжих солдат из расстрельной команды несколько минут не могли разъединить эти два, слившихся в одно, тела. Мужчина, обхватив сына мёртвой хваткой, с утробным звуком, как будто выжимая его из себя, впился губами в лоб сына.

– Да придуши ты его, чего цацкаться с этими отродьями! – заорал кто-то из оставшихся в строю. Василий не успел ничего сказать, как один из двоих солдат, размахнувшись, опустил

приклад на голову полиция. Тот обмяк, и, завалившись на бок, увлѣк за собой сына, кричавшего от ужаса тонким, пронзительным голосом.

– Да ты что, с ума сошёл! – в бешенстве заорал Мальшев. – Что с ним теперь делать?!

– Ничего, товарищ старший лейтенант, сейчас очухается! – отозвался другой, отдирая мальчишку от неподвижно распостёртого тела отца. Перехватив его подмышкой, красноармеец пошёл к забору. Привстав на стоявшее деревянное корыто, он перевалил мальчишку через забор и опустил по другую его сторону. Василий видел сквозь редкие просветы между досками маленькую тёмную фигурку, бессильно осевшую на землю.

– Что, так и будем стрелять евоного папашу у парня на глазах? – с мрачными нотками в голосе спросил кто-то.

– Ну и что? – тут же ответили ему. – А то этот ирод не стрелял наших на глазах у всех деревенских! Переживёт...

Мальшев с тоской подумал: «Что это за мурыжня сплошная сегодня...», и, обрывая дальнейшие разговоры, отдал приказ:

– Всѐ, отставить разговоры! Крутиков, Бирюков, – ставьте полиция, отделению приготовиться...

...Мальчишка, прижавшись к забору, будто окаменев, смотрел сквозь щели на солдат, припавших к винтовкам, на офицера, готового отдать свой страшный приказ. И в самый последний миг он услышал, как отец, подняв голову с белой тряпкой на глазах к небу, издал крик, какого мальчик никогда в жизни еще не слышал от него: «Сынок!.. Помни!.. Отомсти за меня! Мать береги!..».

Он зажал уши ладонями, чтобы не слышать залп, оборвавший обжигающий сердце голос отца. Потом он увидел, как двое солдат, взяв недвижимое тело отца за руки и за ноги, потащили к стоявшему во дворе у ворот грузовику. Раскачав, они забросили тело в открытый кузов и трое из них залезли туда же. Офицер, что-то сказав, сел в кабину, и грузовик медленно выехал через отворенные ворота на улицу.

Мальчишка сорвался с места. Путаясь в высокой траве, растущей вдоль забора, он помчался к дороге, наперерез машине. Грузовик, скользя юзом на глубоких, разбитых танками колеях,

выворачивал на ровное место. Он увидел, что за грузовиком, едва поспевая, скользя, падая на осклизлых комьях изрытой вдоль и поперек дороги, бежала его мать. Она бежала за машиной сколько могла. Сын уже давно отстал. Он видел, как мать, споткнувшись, упала в разбитую, полную грязной жижи колею и осталась стоять на коленях. И ещё долго её истошные, надсадные причитания неслись вслед уезжавшему грузовику.

Ночью, глядя в темноту сухими, жёсткими глазами, он слушал приглушенный плач матери и в его ушах до сих пор стоял надрывно-заклинающий крик отца: «Отомсти!». Стоило ему закрыть глаза, как перед ним, жгущей мозг картиной, возникало безвольно обмякшее у стены сарая тело отца. Мальчишка вскакивал в жаркой испарине, давясь стуком собственного сердца.

За окном ещё даже не угадывался рассвет, как он, приподнявшись на лавке, оглядел комнату. Мать, приткнувшись в углу кровати, на которой спала его трёхлетняя сестра, в свете лампадки казалась ему тёмной, плоской тенью. Одевшись, мальчишка бесшумно выскользнул за дверь. Пробираясь в темноте двора, он оказался через минуту в дальнем его углу. Не обращая внимания на резкие порывы пропитанного морозящим дождем ветра, мальчишка отбросил наваленные друг на друга куски глины с обломками досок и мусора. Разбросав их, он вытащил из-под большого куска кровельного железа длинный, завернутый в брезент предмет.

Кое-как прикрыв его полой пальто, оглядевшись, он скользнул в дровяной сарай и торопливо развернул брезент. В его руках оказалась винтовка. Мальчишка тщательно протер её, передернул затвор и, присев около дощатой стены, затих в ожидании рассвета. Вскоре его чуткую полудрёму потревожили звуки заводящихся моторов, голоса солдат и особый, ставший уже привычным далёкий, слитный гул орудийных залпов.

Мальчишка приник к щели. Ему хорошо было видно, как из избы напротив выходили солдаты, снимали гимнастёрки и, поливая друг друга водой из ведра, весело потешались над пропущившим особо щедрую её порцию. Мальчишка встал, просунул в щель ствол винтовки и подпер её снизу доской. Винтовка была

тяжела для него, и он боялся в самый ответственный момент не удержать её. Он ждал только одного человека, – офицера, по чьему приказу был убит его отец. Он понимал, что застрелили отца солдаты, но почему-то хотел, чтобы за его смерть ответил командир. Он приказал, а они исполнили...

Офицер вышел чуть спустя. Несмотря на ветреную погоду, он бодро стащил с себя белую нательную рубаху и что-то сказал стоявшему рядом здоровенному солдату. Тот поднял ведро и осторожно стал лить на шею и подставленные ладони тонкую струйку воды.

Мальчишка терпеливо ждал. От напряжения и долгого ожидания у него заслезились глаза, и мальчик несколько раз моргнул. И тут же снова испуганно припал к прицелу. Через прорез мушки он хорошо видел широкую спину офицера и ждал, когда тот закончит умывание. Мальчишка хотел выстрелить ему в голову и потому с прежним терпением выжидал удобного момента.

Наконец офицер закончил плескаться и выпрямился. Взяв у солдата полотенце, он стал широкими махами крепко и энергично растираться. И только он закончил обтирание, едва взял у солдата свою рубаху, как у него сработала привычная реакция на близкий выстрел. Схватившись за щёку, офицер мгновенно растянулся на мокрой, грязной земле. Стоявший рядом солдат ни на миг не отстал от него.

Мальчишка не стал ждать, пока кто-то прибежит за ним. Отдача от выстрела отбросила его от стенки сарая. Не подбирая винтовку, он, запинаясь о разбросанные поленья, выскочил из дровяника. Но его заметили. Здоровенный солдат уже мчался к нему. Мальчишка не успел подсочить к дыре в заборе, как затрепыхался в мощной лапе солдата.

– Вот он, этот змеёныш, товарищ старший лейтенант, – подходя к Василию, сказал Лагутин.

Малышев смотрел на мальчишку, неподвижно висящего в могучем, размером с голову этого подростка, кулаке Степана. Прижимая кусок тряпки к щеке, куда вонзилась выбитая пулей щепка из венца бревна, Василий видел его неподвижный, пронзающий холодной ненавистью, взгляд.

– Чего с ним делать?! – спросил Лагутин, всё еще держа на весу мальчишку. – Доложить бы надо...

– Не знаю! – в замешательстве рассеянно отозвался Малышев. – Через полчаса снимаемся. Кому, чего докладывать?! Вот что, запрети его в чулане и разыщи его мамашу. Кажется, они живут напротив. Приведи её сюда. Давай, действуй...

Пока медсестра Олечка обрабатывала его рану, Малышев решил про себя не доводить до начальства это происшествие. Мальчишке и десяти, наверно, нет. Хватит того, что припугнуть как следует его мамашу, чтоб держала его под замком, пока они не уйдут...

Мать стремительно ворвалась в избу, с белым, как мел, лицом, крича высоким, надломленным голосом: «Мало вам его отца, так стреляйте нас всех!..».

– Тихо, гражданочка, молчать! – выставил вперед руку Василий. – Никто никого стрелять не собирается! Ты чего ей там наговорил? – спросил он вошедшего следом Степана.

– Ничего не говорил, только сказал, что её паценок стрелял в нашего лейтенанта и с рук ей это так не сойдет. Все под трибунал пойдут. Я так, для острастки!

– Понятно. Вы, гражданочка, вот что... вашего сына мы отпускаем, но заприте его дома от греха подальше, чтобы он не вытворил такое же ещё. Вы меня поняли?!

Мать, устремив искажённое плачем и страданием лицо на Малышева, торопливо кивала головой, все время повторяя: «Господь вас храни!». Когда Степан привел её сына, она схватила его и, крепко прижав к себе, стала боком подвигаться к двери...

Через час, когда части, остановившиеся в деревне, стали покидать её, женщина смотрела в узкий просвет между занавесками на проходивших солдат, колонну машин, оглушительно ревушие танки, сотрясавшие всю избу до основания, и её рука, которой она клала на себя крестное знамение, ходила ходуном. Другой она прижимала к себе испуганную дочь. Сын стоял рядом и тоже смотрел из-за её плеча на проходящие войска.

Когда улица опустела, мать продолжала смотреть в эту щель, долго не решаясь отдернуть занавески, чтобы впустить в комнату сумрачный осенний свет. Она сидела, уронив бессильно руки на колени. Сын не решался ее побеспокоить.

Наконец, она вздохнула и, сняв платок с головы, отдернула занавески. Свет разогнал в комнате густой полусумрак. Сын, вглядываясь в волосы матери, прикоснулся к ее пряди и удивленно сказал:

– Мам, они у тебя белыми стали...

Женщина непонимающе взглянула на него, потом медленно перевела взгляд на плечо, где лежала прядь волос, и несколько мгновений рассматривала её. Они были словно осыпаны белесовато-серым пеплом, как будто чёрная смоль её волос в один миг сгорела в жарком пламени горести и страданий. Мать опустила голову, потом взглянула на сына спокойным, отрешённым взором и тихо сказала:

– Ничего... пусть...

И когда вся их изба стала заполняться дымом и запахом горящего дерева, она поняла, что в чашу их страданий упали первые камни нескончаемой беды. Изба горела быстро и жарко. Женщина, успев собрать лишь какие-то тряпки, стояла поодаль догорающей избы, держа за руки своих детей. Она знала, что их подожгли деревенские, желавшие вытравить даже дух ненавистного мучителя. И оставшиеся его жена и дети были им также ненавистны, как и он сам.

Они брели по дороге под свист и улюлюканье деревенских мальчишек, бросавших в них палки и камни, а по сторонам улицы, с отчуждёнными, суровыми лицами стояли мужчины и женщины. Сестра вдруг заплакала от попавшего в неё камня. Мать прижала ее к себе, прикрыв полуобгоревшей тряпкой, что-то едва слышно шепча. Мальчишка шёл рядом, глядя вперёд сухими, жёсткими глазами...

Мужчина, закончив говорить, стряхнул пепел с сигареты заметно дрожавшими пальцами и сказал:

– Вот так, лейтенант, в тот день ты сломал мою судьбу навсегда...

Василий Иванович, не поднимая головы, некоторое время молчал. Потом взглянул на мужчину:

– Ты, конечно, винишь в этом меня, тех солдат, которые привели приговор в исполнение? Это хорошо...

Он помолчал немного и повторил:

– Это хорошо... Потому что сможешь понять, что даже через столько лет ты ещё жив и, как я смотрю, благоденствуешь... А вот те мужчины, женщины и дети, которых расстреливал твой отец уже полвека лежат в могиле... Скажи им о своей обиде!

Мужчина встал, подошел к окну. Потом, не оборачиваясь, сказал:

– Хорошо, что я тогда не убил тебя! Мы с тобой квиты! Мне достаточно знать, что ты промучился всю свою жизнь в нищете со своей культяпкой. Бог отомстил за меня!

– Бог? – усмехнулся Василий Иванович. – Твой бог – это нажива и презрение к человеку. Твой бог – дьявол, потому что это время, какое наступило сейчас, может сотворить только человеконенавистник. Убей другого, а сам живи – вот ваше знамя!

– Ваши боги, которые жили на земле, – плешивая картавая сука, рябой недомерок с его вертухайской сворой и остальные, такие же кровососы, уж точно были дьявольским семенем! – со злым нажимом отпарировал мужчина. – Весь народ на них пахал, а они его же давили, как могли!

– Может, кто и страдал безвинно, не без этого, – почему-то спокойно сказал Василий Иванович. – Но страну, которая им досталась, которую строили веками предки, они сумели сберечь в отличие от ваших главарей, которые в одночасье развалили её, как чужую клуню. То, что не смог сделать Гитлер, они сделали, даже не поперхнувшись.

Мужчина, дернув головой, едко хмыкнул:

– Да вся ваша победа держалась на пушечном мясе и расстрельных частях НКВД!

– А я так думаю, случись бы сейчас такая же война, то ни в ком не найдется той силы духа, той идеи, которые помогли нам

тогда выстоять и победить... – Василий Иванович печально покачал головой. – И никто не сможет меня переубедить! Люди, рвущие друг другу глотки за вонючий доллар, обречены на гибель. Я уже стар, и всё видел... Мне жаль, что я дожил до этого... позора. Прощай...

Василий Иванович тяжело поднялся и, не глядя на своего собеседника, вышел. Вестибюль был пуст, и только верзила-охранник с подозрительным недоверием смотрел на него. Василий Иванович переждал сжавший его сердце спазм и, откашлявшись, спросил:

– Эй, парень, кто-нибудь из наших пришёл?

Охранник отрицательно мотнул головой:

– Никого...

Василий Иванович понял, что никто уже не придёт. Прощедший за разговором час времени измотал его. С какой-то опустошённой, безвольной растерянностью, словно нежеланное, но ожидаемое событие все же случилось, он всю дорогу домой отгонял от себя мысли о наступившем для него вселенском одиночестве...

Едва войдя в квартиру, Василий Иванович услышал трезвон телефонного звонка. Пересиливая себя, он взял трубку. Женский голос, печально и устало сказал:

– Вася, это я... Настя... Вася, Игорёша умер сегодня ночью. Если сможешь, приезжай... Федор здесь... Алё, Вася, ты слышишь?..

– Да, Настя... слышу. Я отдохну и приеду, непременно приеду... Как только смогу.

Он положил трубку. Болело сердце, где-то далеко, будто находилось не у него в груди, а там, на том поле, усеянном телами погибших ребят, солдат-однополчан. Василий Иванович отчётливо вдруг понял, что болеть его сердцу осталось совсем недолго, и будет скорой и лёгкой дорога к ним, его ребятам, уложив прошедшие полвека разлуки в единый миг их такой долгожданной встречи...

Сергей ГАЗИН

Сергей Юрьевич Газин – поэт. Член МГО Союза писателей России. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Автор 16 книг стихотворений. Награждён орденами «За вклад в литературу России XXI века» и «Золотая осень» им. С.А. Есенина, а также медалями: «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», «За Победу!», «Лев Котюков» и др. Лауреат премий им. Ярослава Смелякова, Евгения Зубова и «Золотое перо Московии». Кавалер Золотой Есенинской медали.

Живёт в Москве.

ПАВШИМ СОЛДАТАМ ПРИСНИТСЯ ВЕСНА...

ВОЙНА

Биться пришлось нам со всею Европой –
Тучей над Русью нависла багровой...
Сыпались бомбы несчётно и пули,
Но мы не дрогнули, нас не согнули.

Лязгали траки, взывали моторы,
Брызгали кровью убийцы и воры,
Сеяли смерть, от злодейства шалея, –
Ни стариков, ни детей не жалея...

Мы отбивались от нечисти серой,
Глотки им рвали штыком и зубами...
С неистребимой любовью и верой –
Бились: да будет Победа за нами!

Да, отступали – к Москве, Сталинграду, –
Враг был силён, не давал послабленья...
Там-то и врезали мерзкому гаду –
Наши войска перешли в наступленье!

В Курске – разбили звериные стаи,
Не помогли им хвалёные «тигры», –
Верили мы, что день светлый настанет –
Мы обломали кощеевы иглы!

Через болота, леса, бездорожье
Гнали пришельцев непрошенных – к чёрту!..
В них – озверевших от крови, безбожных,
Души живые давно стали мёртвы...

Злых настигает расплата неожиданно, –
Не ожидали фашисты отпора,
И застрелился их фюрер престранно,
Чтоб избежать мирового позора.

В логове зверя снискали Победу –
Воины мужества, духа и чести!
Нет на земле больше мест людоеду, –
Ждёт он в аду от диавола мести...

Биться пришлось нам со злою Европой...
Обороняясь, вгрызаясь в окопы,
Мы защищали родимую землю –
Наше Отечество, Россию – наш Кремль.

ДОТ* №131

*(Первая линия обороны
Киевского укрепрайона, июль 1941 г.)*

*Светлой памяти героя Василия Якунина,
19-летнего лейтенанта*

Тот славный подвиг не померк,
Пылает красная звезда!
Их было десять человек,
Что встали намертво тогда.

И с ними юный лейтенант
Стоял на главном рубеже –
Он не искал себе награды,
И не сдавался в мандраже.

* ДОТ – долговременная огневая точка.

Четыре дня держался дот,
Стоял за Родину не зря –
Строчил горячий пулемёт,
Колонны фрицев тормозя.

Враги бы вовсе не прошли,
Ведь даже мёртвый русский – жив...
Их огнёмётами пожгли,
Броню взрывчатками пробив.

Стремилась в Киев немчуря,
Но встал Якунин поперёк...
И даже в пламени горя,
Он до конца исполнил долг.

Сорвался Гитлера блицкриг, –
Там каждый час был дорог нам...
Их подвиг – к Богу вечный крик,
А вот врагам – позор и срам.

НАРКОМОВСКИЕ

Война – страшна...
Ужасна смерть...
Дай, старшина,
Нам песню спеть!..

Раздай бойцам –
Махорочки,
Налей сто грамм
Наркомовских.

Мы в бой пойдём
С Победою! –
Не пропадём
Бесследно мы.

Помянем всех,
Кто пал в боях, –
Растает снег
В живых сердцах.

Дай, старшина,
Нам песню спеть –
Умрёт война,
Отступит смерть!..

НА ВОЙНЕ

Бьёт пулемёт кровожадно,
Косит отважных солдат...
Горечь в душе беспощадна
От бесконечных утрат.

Бьётся солдат не за деньги,
А за родные поля, –
Плачет жена в деревеньке,
Стонет от горя земля.

Сердце пылает от боли,
Ярость чернеет в бою, –
Выпала тяжкая доля –
Пасть за отчизну свою.

Снова и снова атаки
Под беспощадным огнём –
Выросли алые маки
Под пулемётным дождём.

Выбора нет для солдата, –
Только приказы Кремля!
Стынут могильные даты,
Стонет родная земля...

* * *

И вечный бой! Покой нам только снится...

Александр Блок

Мёртвым солдатам не снится война,
В чёрных глазах темноты тишина...
К павшим героям нисходит покой –
Вечности светлой покой неземной.

Падают листья, пылая огнём,
Саваном края солдат перед сном, –
Перегорят и усталость, и боль,
Кровь питает бессмертием соль.

Слёзы солёные выжгут беду
И остановят смертей череду, –
Павшим солдатам приснится Весна –
Песню любви запоёт тишина...

БИТВА ЗА МОСКВУ

Стояли насмерть под Москвою
Герои сталинской страны, –
Бесстрашно жертвуя собою,
Победной силою полны!

Но был упорен враг проклятый,
Кровавый снег горел во мгле,
Горели яростью солдаты
На мёрзлой огненной земле.

И застывали в страхе орды,
Сгорая в бешеном огне –
Перед народом непокорным,
Непобедимым на войне.

На танках – с мрачными крестами –
За славой немцы шли в Москву,
Но растоптал их планы Сталин,
Как прошлогоднюю листву!

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ

Светлая память всем воинам, павшим –
Тем, кто спасли нас от доли рабов,
Мёртвыми даже, с оружием, вставшим...
И разгромивших смертельных врагов.

Слава героям, что в плен не сдавались,
Мужеством в бой поднимая других –
Через страдания, кровь и усталость
Шли погибать за свободу живых.

Каждый боец восхищенья достоин,
Если сражался за землю свою –
На небесах возродится наш воин,
На небесах будет снова в строю!

* * *

Соединяю звенья времени,
Смотрю с надеждою вперёд,
И тонет мрак вчерашний в темени,
И новый день с утра поёт!

Я помню родовую памятью,
Как немцы шли нас убивать...
Но под Москвой мы встали намертво
И научились воевать.

Врага доби́ли в самом логове, –
Берлин не выдержал атак;
Не любят нас враги двуро́гие,
Но помнят наш победный шаг!

Народ наш добрый и доверчивый,
И любит всех, кто к нам – с добром.
Кто меч поднимет опрометчиво –
Получит русским топором!

ШТУРМОВИК ИЛ-2*

По верхушкам – то сосен, то елей,
Из-под солнца, где больно смотреть,
На фашистов, – чтоб в страхе дурели,
Налетает их «чёрная смерть».

Боевая штурмовка на «Илах» –
Мясорубка, ужасней, чем ад...
Артиллерия немцев не в силах
Поразить наш летучий отряд.

Под огнём обозлённых зениток,
Хладнокровно, идя прямо в лоб,
Как орлы – «Илы» с первых попыток,
Бьют врагов, загоняя всех в гроб.

* Штурмовики С. Ильюшина фашистские вояки называли «чёрной смертью» и «адской мясорубкой». И для этого у них были все основания: летающие танки «Ил-2» были специально предназначены для нанесения ударов по любым наземным целям: танкам, артиллерии, дотам, блиндажам и т. д.

Советским лётчикам не было равных в штурмовке и ни одна страна в мире не создала самолёта, равного «Ил-2»!

В решето – фюзеляжи и крылья,
И живого там места уж нет...
Но уходит, – цела, эскадрилья,
Унося радость новых побед!

Штурмовик – самолёт экстра-класса:
За бронёй – экипаж и мотор,
Пулемёты и пушки, фугасы;
А несётся он – как метеор!

Реактивные дупят снаряды
С направляющих из-под крыла –
Всё у фрицев горит. Вот вам, гады!
Точно в цель попадает стрела!

По скоплению вражеских танков
Бомбы сыплются щедрой рукой:
– Вы хотели от русских подарков?
Получите разгром под Москвой!

Вот такую, конструктор Ильюшин,
Боевую машину создал –
Этот танк, настоящий, воздушный,
Он своими руками ковал.

У «Люфтваффе» таких не бывало,
Чтоб сравнились бы с «Илом» в боях –
И не раз вражья нечисть дрожала,
Лишь слышав «Ил-2» в небесах!

СТАЛИНГРАД

Враг жаждал почестей, наград,
Но на пути встал Сталинград!
И на развалах кирпичей
Сверкнули тысячи мечей.

И сила русского огня
Взметнулась, яростью звеня.
И наступил для фрицев ад –
Врага повергнул Сталинград!

Стал город крепостью живой,
Здесь каждый угол принял бой...
Бойцы сражались до конца
И немцам всыпали свинца.

В кровавых уличных боях
Познал фашист животный страх...
Попав в котёл, враг сдался в плен
Среди разбитых им же стен.

И вновь отстроил Сталинград
С конвоем каждый пленный гад,
Чтоб город миру не забыть
И Сталинграду вечно жить!

ТАНК Т-34

*Броня крепка и танки наши быстры,
И наши люди мужества полны.*

Из песни

Как песнь, рокочет двигатель надёжный,
Грохочет пушка, ярости полна –
И враг бежит, – спасенье невозможно!.. –
Летит возмездья страшная волна.

Наш танк – удача! – вовремя был создан.
Спасибо всем, кто танки создавал!
Огнём сердец – в безвременье тревожном –
В рейхстаг дорогу грудью пробивал.

Легко идёт в мороз, и в бездорожье,
И не страшны снаряды для брони –
Вперёд летит машина наша грозно, –
Взлетают ввысь победные огни!

Прошла война – и танк на постаменте –
Геройский символ мужества солдат, –
Он жив донныне: мчится в киноленте,
И гордо едет – с миром на парад!

ТАНК КВ

(«КЛИМ ВОРОШИЛОВ»)

Могуч бронёй «Клим Ворошилов»!
Ему огнём не прекословь!..
Стальной гигант бьёт вражью силу –
И мстит за пролитую кровь.

Он стал «чудовищем» для фрицев,
Настолько был неуязвим, –
С полком мог в одиночку биться,
Незыблем и несокрушим.

Фашисты были просто в шоке –
Такая мощь в КВ была!..
Такие немцам ставил блоки,
Что не хватало фрицам зла.

Он и сейчас на вечной страже,
На постаменте, как в бою –
Наперекор всем силам вражьи
Стоит за Родину свою!

ОБЕЛИСК «МОСКВА – ГОРОД-ГЕРОЙ»

Стою у монумента со звездою
И мужеством горжусь богатырей,
Что смертью храбрых пали под Москвою,
Не сдав врагу последних рубежей.

И победили, – выиграли битву!
Здесь за Москву сражалась вся страна...
«Враг не пройдёт!» – и шепчут как молитву –
Уста погибших светлые слова.

Здесь встали намертво – у обелиска, –
Те, кто теперь в сырой земле лежат...
За подвиг ваш я кланяюсь вам низко, –
Живая память выше всех наград!..

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Сердца – окрыляют молитвы
И помыслы воинов-предков, –
Не зря все победные битвы –
Сердцами великих – согреты!

Мы дышим возвышенным ритмом
И знаем свой путь изначальный, –
Где строчки купаются в рифмах
И сердце поёт беспечально.

Мы русские люди с рожденья
И нам не забыть о России, –
В молитвах горим вдохновеньем,
Сметаем чужое засилье.

Развёрнуто красное знамя –
Злой мрак исчезает с рассветом, –
Луч солнца летит вместе с нами,
Горя вдохновеньем поэта.

ПОСЛЕ ПАРАДА

Поглощают прошлое
Быстрые мгновенья...
На парадной площади
Слышу откровенье.

На старинном капище
Кремль стоит, как новый –
Пережил пожарища, –
Вновь к боям готовый.

Бились до последнего
Полководцы наши, –
Знамени победного
Нет на свете краше!

По брусчатке стынувшей
Слышу шаг свой гулкий, –
Гром побед нахлынувший
Уношу с прогулки.

САЛЮТ 9 МАЯ

Салют победителям в страшной войне!
Привет ветеранам, всем славным героям,
Всем павшим, лежащим в холодной земле –
Цветами огней мы вам небо откроем!

Алмазные искры, рубиновый дождь –
Смотрите, как светятся звёздами розы,
Как солнцем горит виноградная гроздь!
Хоть льются украдкой солёные слёзы...

Салют вам, советские наши бойцы!
Для вас в День Победы гремят фейерверки!
Любимые наши деды и отцы,
Мы помним все подвиги ваши, поверьте...

За вас поднимаем бокал не один
И выпьем до дна нашу горькую водку..
И встанет к оружию Родины сын,
Наденет – со звёздочкой – нашу пилотку.

Мы вам салютуем! Всё небо в цветах!
То ваши венцы – заслужили по праву.
Навеки остались вы в наших сердцах, –
Вы – наша история. Вы – наша Слава!!!

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

Героям, павшим смертью храбрых

Защитники Родины – сильные духом!
Они встали насмерть за землю родную.
И снег, и земля окровавленным пухом
Им стали в годину, для них роковую.

Зачтётся их подвиг, бессмертья достойный –
Спасли всю страну от позора и рабства!
Им славу поют со слезою солёной
Все ангелы света небесного царства...

НЕИЗВЕСТНЫМ СОЛДАТАМ

Неизвестными стали
В круговерти войны –
Перед Богом предстали
Как родные сыны.

На земле их убили,
Но нашли без бумаг –
В небесах без фамилий
Бог всех знает и так.

Но мы подвиги помним,
Вставших насмерть в бою,
Милосердьем Господним
Живы будут – в раю!

КАСКА СО ЗВЕЗДОЮ

Неизвестному солдату

На холме могильном
Каска со звездою,
Был ты многожилным,
Бился с силой злою.

Победил нечистую,
Пал в бою неравном,
Бил зверей неистово
Ты могильным камнем.

Каска со звездою –
Память боевая!..
Водка со слезою
Льётся, обжигая...

На холме могильном
Кланяемся низко, –
Был ты многожилым,
Победил фашиста!

* * *

Солдат из гранита,
Застывший на марше...
Как сердце болит-то
За всех наших, павших!..

С оружием пали
За нашу свободу,
За светлые дали,
За чистую воду.

Горячею кровью
Врагов выжигали...
Спасли нас любовью,
Героями стали.

За землю святую
Стояли стеною,
Отчизну родную
Закрыли собою.

Слезой сердечной
Их прах омываем
И в памяти вечной
Огнём воскрешаем.

Солдат из гранита
С винтовкой на марше...
Как сердце болит-то
За всех наших, павших!..

МОАБИТСКАЯ ТЕТРАДЬ

Памяти Мусы Джалиля

*Коль сам умру,
Так песня не умрёт.*

Муса Джалиль

Его держали в злом Берлине
После ранения в бою...
Там был казнён, как знаем ныне,
За веру в Родину свою.

Он был на фронте военкором...
Отважный старший политрук
Фашистам стал живым укором,
А заключённым – лучший друг.

В тюремном мрачном Моабите
Враг думал дух его сломить...
Но не сложилось у бандитов –
Таких, как он, не победить!

Создав подполье, спас немало,
Устроив пленникам побег –
Шесть сотен душ живых сбежало,
Да-да, шесть сотен человек!

Рычали в ярости фашисты,
А он писал стихи в тетрадь,
Где обличал во зле нечистых,
И звал на подвиг божью рать.

Теперь есть памятник в Казани
Поэту с Волжских берегов,
Что не сломался от страданий,
Но духом победил врагов.

ДЕВЧОНКА-САНИНСТРУКТОР

*Светлой памяти поэтессы-фронтовички
Юлии Друниной*

Она была бесстрашной,
Хоть было страшно ей –
Бойцов из рукопашной
Спасая от смертей.

Девчонка-санинструктор,
Десятый класс забыв,
Солдатам, словно фея,
Шептала: «Будешь жив!»

Стихи читала слёзно
Над павшими в боях,
Под залп винтовок грозных
Врагам на смерть и страх.

И плакали солдаты,
Когда несли её
К хирургу медсанбата,
Тепло отдав своё.

Защиты были раны
И выжила она –
О, как все были рады!
Будь проклята война!..

ПАМЯТНИК ГЕРОЮ

Памятник ставят герою,
Чтоб память о нём жила...
Песней взлетая живою,
Пронзая сердца, как стрела.

Камни бывают живыми,
Если горит в них огонь...
Стали они нам родными –
Лишь протяни к ним ладонь!..

СТАЛЬНЫЕ ЗРАЧКИ

Багряным огнём заката
Взрывается вдруг тишина...
Стальные зрачки солдата
Не знают ни страха, ни сна.

Стальные зрачки солдата
Встречают врагов сквозь прицел, –
Холодным огнём объята,
Ведут пулемётный обстрел.

Костлявая смерть горбата, –
Что ей до земной красоты?
Стальные зрачки солдата
Полны неземной правоты.

Хлопок и разрыв гранаты,
И радуйся, ежели цел!..
Стальные зрачки солдата
Зло ада берут на прицел...

Элла КУЗНЕЦОВА

Элеонора Валентиновна Кузнецова – поэт. Автор 8 книг. Награждена орденом «За вклад в литературу России XXI века», медалями: «Цветаевские костры» им. М.И. Цветаевой, «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», «Великий князь Сергей Александрович», «Лев Котюков», «За Победу!», наградной грамотой МГО СП России с вручением настольной медали «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», а также Дипломом «Победитель конкурса “Путешествие в страну чудес”» с вручением именной статуэтки в номинации «Поэзия». Кавалер Золотой Есенинской медали.

Живёт в Москве.

ЗА РУССКУЮ ПРАВДУ...

ГЕРОЙ НЕПОБЕЖДЁННЫЙ

Хотел лишить нас Родины фашизм,
И сжечь до пепла наш социализм...
Раздул войны безжалостное пламя,
Но не сумел спалить свободы знамя.

Народ решил за землю умереть
И дрался крепко, побеждая смерть...
Враг поражался стойкому упорству –
Страны великой славному героюству.

В сраженьях тяжких дали мы ответ
И перебили Вермахту хребет.
Как долго наши раны заживали...
Но смертью смерть поправ – сильнее стали!

И отстояли честь своей земли,
И по Берлину с песнями прошли –
Солдат советский с девочкой спасённой,
Там встал за МИР – герой непобеждённый!

ЗА РОДИНУ

Пусть годы пролетают, годы боевые...
Но ты – многострадальную войну
Не забывают никогда бойцы седые, –
Сражались с честью за свою страну!

А было горе, ужас, безысходность била,
Но в ярости бесчисленных атак
В сердцах бойцов рождалась внутренняя сила –
И отступал побитый страшный враг...

Когда фугас взрывался рядом или мина,
Бойцы вставали даже из земли –
И в бой за Родину, за мать, за дочь, за сына
На гибель шли – и землю сберегли.

Теряли кровь, но выбирались из завала, –
Сердец касаясь нежною рукой,
Любовь земная выжить людям помогала,
И с письмами родных вела их в бой.

И снова в строй вставая, гнали до рейхстага
Врага советской огненной метлой,
И в мае, в честь победы сталинского флага,
Салютовал с восторгом шар земной!

* * *

Светлой памяти Юлии Друниной

Она стихи слагала с детства –
С литературой на «ты»,
Читала книги жарким сердцем,
Лелея светлые мечты.
Счастливой юности надежды
Оборвались из-за войны –
Пошла на фронт девчонкой нежной,
Спасать народ родной страны.
Откуда только брались силы –
Свинцом израненных бойцов,
В санбат тащить, как из могилы,
Чтоб снова бить смогли врагов?!

ЧИТАЯ «ЧУЛОЧКИ»

Памяти Мусы Джалиля

Вернулись снова ужасы войны...
Опять стоим мы за свободу!
Все вражьи замыслы обнажены:
«Не жить российскому народу!..»

И как не вспомнить нашего Мусу,
Забуть о нём – нет, невозможно!
Его читая, на щеке слезу
Не ощутить – любому сложно...

Сказал о варварстве нацистов он,
Да так, что волосы седеют,
А детские чулочки – сердца стон!
Фашизм же с каждым разом злее...

Вновь возродился ирод – всем беда!.. –
И не скрывая дикой злобы,
Больницы, школы, детские дома
Бомбят уроды-русофобы.

На наши земли зарятся давно...
Богаты русы – всё отнимем!
Но нам-то ведь не всё равно, –
Так было раньше, так и ныне.

Не удалось им нас переломить
Ни в чистом поле, ни в застенках –
Россию никому не победить,
И не поставить на коленки.

Муса Джалиль – поэт и человек,
И сын татарского народа –
Героем русским стал навек,
Звездой сияя с небосвода!

МОАБИТСКИЙ ПЛЕННИК

Он гением татарского народа,
Бойцом-героем стал – поэт Муса Джалиль!
Попавши в плен, ему б искать свободы,
А он других людей спасал... Всё это было.

Хоть голову сложил, но и доньше
В сердцах людей он остаётся жить!
В своих стихах воспев любовь к Отчизне,
Вручил сердцам людей надежды светлой нить.

Он в Моабите спас немало жизней,
Из казематов заключённых выводя –
За это ведь и был казнён без тризны,
С товарищами среди бела дня.

Но сохранилась тайная тетрадка,
Муса в ней явно зверства немцев показал –
Фанатиков нацистского порядка,
Какого мир до этого не знал.

Чтоб «Варварства» не повторилось действо,
С невероятной горечью звучат стихи...
Но вдруг – Донбасс, Одесса – снова зверство,
И брызжут кровью вновь фашистские шаги...

Проклятое бесовское отродье,
В людском обличе слуги Сатаны
Пришли опять, но сгинут в половодье,
Сметёт их в бездну ярость праведной волны!

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Каждый год мы девятого мая,
В честь Победы бокал поднимая,
Вспоминаем пронзивший страну страшный год –
Сорок первый, призвавший к войне весь народ.

И земля обогрелась вся кровью,
Хороня наших павших с любовью...
Разве чем-то измеришь сердечную боль
От утраты того, с кем делил хлеб и соль?!...

За станком в тылу, в боях сражений
Верили в победу, без сомнений!
И под жуткий вой «Катюш» молнии огня
Изрубили свастику, поделом казня.

Взяв Берлин, советские солдаты
С красным флагом – наши «аты-баты»*
На века вписали свои там имена!..
Весь рейхстаг исписан был...
Кончилась война!

ГОРДОСТЬ

Горжусь, что родилась я русской,
И быть хочу сама собой.
Я восхищаюсь дружбой чуткой
Плечом к плечу идущих в бой –
За нашу правду и родное слово,
За веру, радость бытия,
Где православие – основа,
А вместе – крепкая семья.

* Аты-баты – идёт воин (тюрк.).

Фальшивым – скатертью дорога,
Лжецам – позор и срамота...
Стоим за Русь по воле Бога –
За что кровь дедов пролита!..

ПОЕЗД ЖИЗНИ

Неустанно стуча колёсами,
Поезд жизни несётся вперёд
По России с белыми росами –
Красотой насмотреться зовёт.

Необъятны просторы русские,
Потому и душа без границ, –
Вот и лезут к нам злыдни шустрые,
Но пред ними не ляжем мы ниц.

Таракановы НАТО-полчища
Расплодились у красной черты,
Власти Киева – вот позорище! –
Довели свой народ до беды.

Но протянуты руки помощи
Из России, где правда и свет,
И трепещут от страха сволочи,
Что спасенья им в кривде нет.

Умоляю о счастье солнечном,
О любви бесконечной в душе
Даже в дальнем пути просёлочном,
Даже в самом крутом вираже.

Русь за окнами ясноликая –
Купола с благодатным огнём!..
Вся бескрайняя ширь великая
Умещается в сердце моём.

И ТОГДА, И СЕЙЧАС

Я в детстве встретила с девчонкой,
Тогда нам было по семь лет.
Она нахально с речью звонкой
Мне дула в уши наглый бред.

Ругая власть Советов мерзко,
Ввергала в грязь СССР –
Она заученно и дерзко
Меж нами ставила барьер.

Ей наша русскость не по нраву,
Мол, все мы просто дураки...
И так кривила рот коряво,
Что я сжимала кулаки.

Меня кольнула злая кривда...
К родителям бегом в слезах
Я убежала от обиды
За ложь и мрак в её словах.

В груди стучало гневом сердце,
Но объяснили мне тогда,
Что это дочка «западенцев»,
А там не любят нас всегда.

Какие нравы «западенцев»,
Не нужно объяснять теперь,
К нам Запад ненависть с младенцев
Укореняет в них... Вот зверь!

Та злая кривда, в поколениях
Живя, ползя из рода в род,
Шлёт в мирные дома мученья,
Безжалостно губя народ.

Враги опять в лихие годы –
Убить всё русское хотят...
По школам тупо бьют, уроды,
И по больницам лупит гад.

Мы вновь ведём борьбу с фашизмом,
Оскалил хищник пасть на Русь,
В нас изрыгая вонь нацизма...
Но встал народ: «Изгоним гнусь!!!»

ЗА РУССКУЮ ПРАВДУ

Ползут по земле душегубы
И злобно глядят на весь мир,
К себе лишь самим – жизнелюбы,
На фоне смертей правят пир.

Вид вроде у них человеческий,
Да только – калеки душой...
В порыве своих красноречий
Отправили б всех на убой.

Всему человечеству вызов,
Входя в кровожадный экстаз,
За доллар они блюдолизов
Находят поганых на раз.

Легко поддалась Украина...
Взрастив свой хохлятский снобизм,
Пошла за Бандерою ныне,
Душой заглотивши нацизм.

Людей губит подлая нелюдь,
Детей не щадит, стариков –
Безумными взглядами Зеля
Берёт на прицел крест Христов.

Фашистской не быть Украине –
Нацистам даём мы отпор!
За русскую правду Россия
Ведёт честный бой с древних пор.

КАК НА ЛАДОНИ

Раскрылось всем, как на ладони,
Зло Запада в огнях войны,
Неся по миру тучи вони,
Своей не чувствуя вины.

Горят дома от адских взрывов,
Дымится русская земля,
И Запад радуется криво,
Дойти мечтая до Кремля.

Мечтал и Гитлер точно так же
Пройти парадом по Москве...
Наполеон дошёл однажды...
Но оба сгинули в тоске.

Сгорит бесовское отродье,
Накажет Запад злой сам Бог,
Войны направив полноводье
От нас обратно за порог.

ПОДОНКИ

Прекрасен мир без пошлых дешевизн,
Ликует сердце, процветает жизнь...
Но подло алчные подонки
Жизнь убивают в распашонке.

Стреляют по больницам и домам,
По детям малым и по старикам...
И зверь добрее этих тварей, –
Всех убивают в злом угаре.

Наводит Запад тени на плетень,
Пирует сатанизм и ночь, и день,
Фашизм воспрял садистским духом –
Он рад чужим слезам, разрухам...

От северных широт до ковыля
Прельщает всех российская земля,
И прут на нас враги веками,
Забыв, как драпали с соплями...

МЕЧ ВОЗМЕЗДИЯ

Не будет жить Русь!.. –
Кричит нам в захлёбе
Вся подлая гнусь,
«Звездясь» в телескопе.
Но врёт им труба,
И трясёт лихоманка –
Страшна их судьба,
Всё у них наизнанку.

Пьяна, зелена,
Но крутит баранку –
Видать, Сатана
Взрастил наркоманку.
В коварстве и лжи
Немеркнувшей злобы
Свои блиндажи
Возводят циклопы.

По детским садам,
По школам, больницам,
По русским церквям
Спешат отбомбиться...
Фашистской рукой
Сносяobeliski,
Ничтожный «херой»
Заходится в визге.

Нацистскую желчь
Вкруг себя разливая,
В кострах книги жечь
Стали, Русь убивая...
Который уж год
Потомки Бандеры
Бомбят напролёт
Донецк... изуверы.

Но встали сыны,
Все люди простые
В защиту страны –
Всей светлой России.
Они наша честь,
И доблесть, и слава.
Чужда русским месть,
Но жизнь – наше право!

Возмездия меч
Архангелов крылья
Подняли пресечь
Злой черни засилье.
Господь-то за нас,
За русские земли –
Отмщения час
Протрубили на Небе!..

Борис АЛЕКСЕЕВ

Борис Алексеевич Алексеев – прозаик, член МГО СП России. Дипломант литературных премий Союза писателей России: «Серебряный крест», «Лучшая книга года» 2016-2018, «Лучшая книга года» 2024. Награждён медалью И.А. Бунина «За верность отечественной литературе» и медалью МГО СПР «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы». Награждён

двумя орденами Русской Православной Церкви.

Живёт в Москве.

ЛЕЙТЕНАНТ ХОХЛОВСКИЙ

Рассказ

Второй Белорусский проседал и отчаянно матерился, выравнивая извилистую линию фронта.

– Хрена мы тут ядренимся! – глухо рычал замкомвзвода старшина Мезенцев. – Жалеют нас, что ли? Неча! Я с прошлой недели труп. Мне их апрельские штучки вот уже где. Смерти геройской хочу!

Старшина прикрыл голову шинелью и потешно защебетал, будто умом тронулся:

– Мсье дженераль Курочкин*, вы ж боевой генерал, командующий фронтом! Вот они – немцы, как огурчики, один к одному. Ну чё вы ждёте, чё дожидаетесь?..

Из окопной вьюшки выпорхнул лейтенант Хохловский. Эта «общевойсковая» линейная сволочь за последние пару недель дала повод невероятному количеству кривотолков. Всплеск окопного «толкования» имел две весьма разнородные причины. Наперво (и это главное) – Хохловский слыл стукачом. Обо всех нарушениях уставного порядка он оперативно докладывал начсоставу. Стучал открыто, с этаким угрюмым озорством. С другой стороны, его мерзкие «донесения» сопровождались непривычной на войне беззлостью. Хохловский закладывал своих боевых товарищей, как он любил повторять, «по линейной необходимости». «Не одолеть нам распоряжок врага, если мы собственный распоряжок нарушаем», – оправдывался он перед сослуживцами. Справедливости ради, надо сказать, Хохловский никогда не стучал на товарищей в командирской землянке. Все свои «донесения»

* Командующий 2-м Белорусским фронтом генерал-полковник Курочкин П. А. (февраль – апрель 1944).

окопный Иуда излагал прилюдно на общих построениях или привалах между боями.

Командир знал эту особенность в поведении лейтенанта, всякий раз старался отвести правдолюбца в сторону и побеседовать с ним накоротке без osobистского пригляда. Прикомандированный к батальону особист майор Салютин слишком спешил с донесениями в штаб полка о выявленных нарушениях общевойсковой дисциплины. Из-за его режимного чистоплюйства личный состав батальона потерял за последние полтора месяца шестерых первоклассных вояк. Об одном из них, старшине Евгении Коробкове, командир вспоминал особо, хотя прошёл с памятного случая почти год...

Батальон окопался на подступах к деревне Малые Вражки. На утро было назначено наступление и следовало выяснить огневую позицию неприятеля. Звено Коробкова готовилось идти в разведку. Последний инструктаж.

– Товарищ майор, что передать вашей матери? – шёпотом спросил старшина, когда остальные бойцы группы покинули землянку.

– Жень, да как ты?..

– Я разведчик, Алексей Петрович, мне положено всё знать.

– Ничего передавать не надо. Я завтра сам... если получится.

Глянь крайний дом, у мельницы...

– Я знаю.

Наутро приданные батальону два артиллерийских расчёта оперативно подавили огневые точки противника, выявленные группой Коробкова. За сорок минут деревня была очищена от немцев. Готовились продолжить наступление, но пришёл приказ закрепиться на рубеже Малые Вражки для переформирования и пополнения личного состава.

...Майор рванул на себя незапертую дверь и вбежал в горницу. У окна на железной кровати лежала женщина, прикрытая каким-то старым хламьём (прочее вынесли немцы). Она с трудом оторвала взгляд от потолка и посмотрела на сына холодными серыми зрачками. Дом пострадал при артобстреле и был признан немцами негодным для квартирования. Время в доме остановилось.

Алексей опустился перед матерью на колени. Внезапные слёзы, как две фугасные вспышки, прожгли его глаза.

– Мама... – только и мог выговорить майор.

Старая женщина с усилием разомкнула губы:

– Как т-ты нашёл м-меня?

– Один человек, его фамилия Коробков...

– Б-береги его!

Слова утомили женщину, она закрыла глаза.

Майор не выполнил материнский наказ. Особист, прознав про спиртовое самовольство Коробкова, сигнализировал в штаб полка. Вскоре за старшиной приехала группа особого отдела. Женю забрали. Как ни пытался Алексей вмешаться в дело героя-разведчика, всё зря, его больше никто не видел, и никаких сведений на служебный запрос Алексея дано не было. Что ж, военное время – время странное, несправедливое.

Вот и в доносах стукача Хохловского, этого «радетеля об уставных взаимоотношениях», совершенно отсутствовал элемент шкурного патриотизма. Лейтенант не искал поблажек, не просился в тыл, при каждой батальонной атаке выказывал себя первейшим смельчаком. К примеру, не далее, как позавчера он умудрился добежать живым до окопа врага, бесстрашно прыгнуть на немецкие штыки и задрать пару немцев в рукопашной! Что такое рукопашный бой в чужом окопе, сказывать не надо.

* * *

Пятнадцатого марта 1944 года началась Полесская операция. Фронт силами 70-й и 47-й армий атаковал немцев на Ковельском направлении. Резервной 61-ой армии, в которой воевал лейтенант Хохловский, была поставлена задача занять южный берег реки Припять. Однако случилась неувязка. Немцы каким-то образом прознали про планы командования фронта и умело срезали наши наступательные порядки. Прорыв захлебнулся. Братушек полегло немерено. Но вот что удивительно! Лейтенанту Хохловскому фронтовые неприятности – как с гуся вода! Весёлый, целёхонький ходит окопным гоголем, хоть на

ёлку новогоднюю вешай! Не иначе как нечистая сила заговорила лейтенанта ради его поганого языка. Молва – бесовка летучая! Один сказал, другой передал – скоро по всему фронту судачили: в 61-й воюет нечистая сила. Бойцы на разные голоса смаковали несурязицу:

– Чтоб гадину извести, надобно положить всю 61-ю. Нечистая что ветрянка – заразились все! В расход армейский контингент в полном составе! Фронт важнее.

– Не-е, пусть нечистая помогает немца бить. А опосля Победы мы с ней управимся. Попа́ позовём. Не сдюжит поп – штыком достанем! Короче, закроем вопрос.

– Э-э, – говорили третьи, – нельзя нашу Победу нечистой силой марать. Кровь русского солдата священна, с гадиной не смешивается – это точно!

* * *

Из ставки фронта, от самого генерал-полковника Курочкина (да-да, того самого «месье-дженерала») прибыл в батальон штабной офицер с поручением дознать: что за поверье бродит в войсках и не вредит ли нечистая сила боевому духу героического личного состава. Командир батальона послал бойца за Хохловским. Тот застал лейтенанта на самом краю позиции... за сбором апрельских подснежников.

– Товарищ лейтенант, вас комбат вызывает! Срочно...

Не успел боец передать приказ, как послышался рёв немецкой авиатехники, и из-за дальнего леска выпорхнуло звено мессеров.

– Ё-моё! – Хохловский сунул цветы под отворот шинели и бросился к станковому пулемёту Дягтерёва, «окопавшемся» неподалёку.

– У меня приказ!.. – порученец дёрнулся было за лейтенантом.

– Ты ступай, браток, я щас, – ощетинился Хохловский.

Тем временем немецкие самолёты выстроились в атаковую цепь и, предвкушая «большую потеху», помчались, как рой пчёл, на неприкрытое артиллерией расположение батальона. «Ближе, ну, ближе...» – бормотал лейтенант, поджимая пальцем из-

гиб спускового крючка. Поймав на мушку головной «мессер», Хохловский выждал максимально близкий момент подлёта и, опередив на долю секунды пулемёт врага, дал прицельную очередь. Немец вздрогнул, вспыхнул и, неуклюже заваливаясь набок, стал падать.

Следующие два пролетели над окопной линией, поливая свинцом каждый сантиметр передовой. Одна из пуль, оставляя палёную борозду на щеке приклада, пробила правое плечо лейтенанта. Ёжась от боли, Хохловский перехватил приклад под левую руку, поймал на мушку четвёртую машину и снова дал прицельную очередь. Невероятно, но второй выстрел тоже достиг цели. «Мессер» накренился, резко пошёл в сторону и через пару секунд рухнул на пашню метра в двухстах позади окопной линии.

Над Хохловским промчался пятый «мессер» – пяточка – сплёвывающая смертоносный боезапас. Одна пуля прошла сдвинутую набок фуражку и вместе с кокардой оторвала правое ухо. Вторая пробила грудь и вышла из спины, вырвав клочок мышечной ткани.

Три оставшихся в живых «мессера» набрали высоту, сделали широкий разворот и, как рассерженные орлицы, помчались напрямик на Хохловского.

Задыхаясь кровью, подступившей к горлу, лейтенант вжался в пулемёт, как в единственный неповреждённый орган тела. Стрелковый окуляр, «вздыбился» от боли и упёрся в фюзеляж плывущей по небу большой рыбы с жёлтыми симпатичными крестообразными чешуйками. «Какая ты красивая!..» – прошептал Хохловский, теряя сознание. Видимо, три последние слова – «Какая ты красивая!» – были сказаны им слишком громко. Рыба встрепенулась, раскрыла плавники и метнулась в сторону, оставляя за собой, будто каракатица, чёрный дымчатый след...

* * *

Бойцы столпились вокруг мёртвого лейтенанта. Командир батальона, снял фуражку и, присев на корточки, стал собирать разбросанные по земле подснежники.

– В цветах помер... – заметил кто-то.

Кстати сказать, когда загорелся третий самолёт, «мессеры» развернулись и дружно отлетели восвояси. Над расположением батальона повисла тишина.

– Ё-моё... Три «мессера» из грёбаной берданки! Точно нечистая вела его, – нарушил тишину замкомвзвода Мезенцев.

– Нет, старшина, такое нечистой не под силу, – возразил командир, поднимаясь и надевая фуражку. – Похоронить как героя.

* * *

Слух о том, что нечистая сила оставила Второй Белорусский, разбежался по соединениям Красной армии.

– Ну, братушки!

Георгий Константинович* по-мальчишески озорно оглянулся на дверь, подошёл к висящей на стене карте боевых действий и, пока в комнате оперативных совещаний никого не было, распахнул в стороны руки.

– Эка мы теперь повоюем! – Командующий обнял свои передовые позиции.

* Летом 1944 г. Г.К. Жуков координировал действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов в стратегической операции «Багратион».

Валерий НЕНАШЕВ

Валерий Васильевич Ненашев – поэт. Член МГО СП России, лауреат всероссийских литературных и международных конкурсов, выпустил пять книг стихов и рассказов: «Скифо-Русь», «Тоска по женщине любимой...», «Господняя Рать», « В чертоге грешном», «Измена и Верность...». Публиковался в журналах: «Наш Современник», «Поэзия», «Академия Поэзии», «Фавор», «Новый Ренессанс» (Германия) «Невский Альманах» и др.; в газетах: «Литературная Газета», «Московский Литератор», «Казанские Ведомости», «Коммуна» (Воронежская обл.), «Московия Литературная», «Губерния» (Московская обл.), «Истринские Вести», «Савальские Зори» и др. Стихи Валерия Ненашева переведены и опубликованы в периодической печати Польши, Англии, Германии, Венгрии, Афганистана, Франции, США и др. Валерий Ненашев – Ветеран Труда. Награждён государственными, общественными и литературными наградами.

Живёт в г. Истра МО.

СТИХИ О ВОЙНЕ...

* * *

Мой дед воевал в Ленинграде,
Неполных четырёхста дней.
Он крепко крушил пришлых гадов,
Им мстил за Отчизну, друзей...

А сын его, – дядя Паша,
Врага близ Днепра добивал.
Им снилась двоим баба Маша,
О встрече с ней каждый мечтал.

Она вместе с мамой – подростком
Молилась за них по утрам –
А вечером, в дальних сторонках,
По-своему каждый страдал...

Вначале погиб дядя Паша,
Сжимая в руках Русский Крест.
А дед, пригубив тёплой каши,
Был ранен близ Колпинских мест.

Нескоро война завершилась,
Не все возвратились домой.
У деда всё рана гноилась, –
А он шёл и шёл снова в бой.

Сказал командир ему честно:
«Пора возвращаться домой,
Твоя дочь давно уж невеста, –
И дом без присмотра пустой...

Вернулся, крыльцо поправил
Под грушей упал без сил, –
За садом, в Воронежском поле,
По-девичьи ветер завыл!..

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Согреты ранними лучами,
Слезой непрошенной из глаз,
Вы жили просто между нами,
Но в сорок первом дан приказ –

Русь защитить любой ценою!
У врат славянских лютый враг!
Идёт несметною ордою,
Над строем реет мрачный флаг.

Поправив жесткие шинели,
До боли сжав армейский штык,
В бою себя вы не жалели,
И смолк над Русью грозный рык.

Вас от дождей, позёмки стылой,
Укрыла русская земля.
С тех пор над Братскою могилой,
Слезятся пухом тополя...

* * *

Г.А. Шевлякову

Дед меня не носил на руках, –
Инвалидом вернувшись с войны.
Он на дом поглядел свой в слезах
И упал... И не встал у стены.

Всей деревней внесли его в дом,
Положили под образа.
И навеки в сердце моём
Деда горестная слеза.

ПОЛЕСЬЕ

П.Г. Шевлякову

Мамы брат здесь погиб на войне,
Не успев покурить перед боем.
К ней он часто приходит во сне
С деревенскими парнями – строем.

А над Полесьем белый аист все летает,
Душой и сердцем горе мамы понимает,
Душой и сердцем край родной оберегает,
И всё летает над Полесьем, всё летает!

В дни сражений седой военком
Отменил в сельских клубах гулянье...
И с тех пор над колхозным прудом
Слышно старой кукушки рыданье.

* * *

Н.С. Шевлякову, Герою Советского Союза

Я – командир. Со мною взвод солдат.
Нам дан приказ столицу защитить.
Мы слышим впереди немецкий мат,
Мы знаем – Гитлер Русь не пощадит.

Не пощадит ни внуков, ни детей,
Ни наших матерей, ни наших жён.
Сержант кричит: «Наш левый фланг слабей!
Нельзя, чтобы наш взвод был окружён!».

Бьет вражий пулемёт без перерыва,
Он не смолкает уж который час,
Все тропки отрезая для прорыва,
Один Господь поддерживает нас.

Я – командир. И потому – вперёд,
На амбразуру – грудью. Смерть фашистам!
Чтоб вырвался из окруженья взвод.
Чтоб небо над Москвою стало чистым.

МОЛИТВА...

Бойцам СВО

Я молюсь за каждого солдата –
А за «наших» я молюсь вдвойне...
Марш-бросок, смертельная атака –
Всё живое гибнет на войне.

День и ночь коварные снаряды
Падают без устали на взвод...
Тяжело, братишка, но всё ж надо
С другом верным вновь идти вперёд:

За Донбасс! За Родину! За Веру!
За погибших праведных сынов!!!
Нам досталась непростая мера –
Победить бесчисленных врагов.

Я молюсь за каждого солдата –
А за «наших» я молюсь вдвойне...
Коротка молитва, простовата:
«Боже, “нашим” жизнь даруй в огне!»

Я ЗА ПОБЕДУ ВЫПЬЮ...

Родная мама, помня твой наказ,
В холодный день оденусь потеплее.
Потом, военный получив приказ,
Примечу холмик, расположенный левее.

Позволь, мне мама, возложить цветы,
Рукой к портрету нежно прикоснуться.
С могилой рядом Русские Кресты, –
Они от боли вместе с клёном гнутся!..

Домой пораньше я не смог прийти,
Был враг коварен и огромной силы.
Чтоб «флаг нацистский» заново снести,
Русь «всем европам...» в бок вонзила вилы!..

Я за Победу выпью в поздний час,
И весь в слезах свой Орден поцелую!..
Мы в битвах гадов били – и не раз,
Спасая близких и Страну Родную.

ВОЛЬНЫЙ ВЕТЕР

Если, друг, говоришь ты по-русски,
Любишь русский пустынный простор, –
Позовёт сердце снова вернуться
В край, где любят и ждут до сих пор.

Пусть на рай жизнь пока не похожа
И глядит недруг злобно на нас,
Брат, я верю, что с помощью Божьей
Он пробьет скоро, праведный час.

Дома встретит отец у порога,
Скажет мать: «Возвратился, сынок!»
Отдохнёшь, и по-новой дорога
Вдаль, с утра, поведёт на Восток.

А быть может, на Юг или Север,
Всё равно не печалься, старик!
Помогает лишь тем вольный ветер,
Кто к заснеженным трассам привык.

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Плачет осень слепыми дождями.
Шлёт январь ей незримый привет.
От друзей письма ждём мы годами...
Оглянёмся – в слезах черноцвет.

Всё печальнее жизни потери,
Даль окрашена странной тоской.
Боль души не унять, не измерить,
И не скрыться от бездны мирской.

СНЕГИРИНАЯ ПЕСНЯ...

Красногрудая птица Снегирь
На зимовку в наш край прилетела.
От молвы, от нещадной жары
На рябиновый кустик присела.

Бесконечной испив тишины,
На заснеженный сад посмотрела
И крылами взмахнув в вышине,
Снегириную песнь запела!..

Звуки песни и отзвук небес
За снежинками вслед полетели...
Замер сад, замер сказочный лес,
Заискрились волшебные ели!..

Я, возможно, не всё рассказал,
Божий мир не опишешь словами...
На зимовку летят Снегири,
Согревая наш дом голосами!